

Журнал основан
в июне 1974 года

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 ЛАТЫПОВ И.А. Действие и непреднамеренные последствия:
контрфинальность как комплексная социологическая проблема
- 15 ЗАРУБИНА Н.Н. Теоретическое наследие классиков социологии для анализа
современного общества (на примере концепции Л. Мамфорда)

ДЕМОГРАФИЯ. МИГРАЦИЯ

- 25 КЛУПТ М.А. Тревоги XXI века: механизмы влияния на рождаемость
- 36 СИНЕЛЬНИКОВ А.Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения
рождаемости

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 49 ДОБРЮЛЮБОВА Е.И., ЮЖАКОВ В.Н., ПОКИДА А.Н. Доверие частного бизнеса
органам государственного контроля
- 60 ФРОЛОВА Е.В., РОГАЧ О.В., ВАСИЛЬЕВА Е.Ю. Дисфункции жилищного
обеспечения детей-сирот как фактор социальной эксклюзии
- 71 ПАРФЕНОВА О.А., ПЕТУХОВА И.С. Влияние пандемии COVID-19 на жизнь
старшего поколения в городском и сельском контекстах

СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

- 81 НЕЧАЕВ Д.Н., ЛЮБКИНА О.Р. Роль аграрных элит в деиндустриализации
регионов Центральной России
- 92 ВИНОГРАДСКИЙ В.Г., ВИНОГРАДСКАЯ О.Я. Фермерство: перемена поколений

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- 101 ПЕВНАЯ М.В., ШУКЛИНА Е.А., ЧЕРНИКОВА-БУКА М. Участие студенчества
в социокультурном развитии города: проблемы социокультурной
субъектности (на материалах международного исследования)
- 114 СИМОНЯН Р.Х. Студенты приграничных регионов России и Казахстана
о проблемах добрососедства в условиях сближения Европы и Азии
-

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- 123 КОРОЧКИНА В.А. Достижения и проблемы в системе высшего образования
Израиля: оценки экспертов

ПЕРВЫЕ ШАГИ

- 133 ЧЖАН ЦЗЕ, ТЯНЬ СЯОЮЙ, ЛО ШУАЙ. Трансформация жизни жителей крупных
городов КНР под влиянием пандемии

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 139 ПОПОВ Е.А. Активная старость женщин в российских домах престарелых
145 СЕМИОНОВА Е.А., ТИЩЕНКО А.С., ТОКАРЕВА Г.С. Дистанционное обучение
школьников: готовность к вызовам

ЮБИЛЕИ

- 150 Файзуллину Ф.С. – 80 лет
151 Эфендиеву А.Г. – 75 лет

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 152 МАНСУРОВ В.А., ИВАНОВА Е.Ю. VI Всероссийский социологический конгресс
155 ДЕМИДЕНКО С.Ю. Молодежь и общество в России: противоречия
государственной молодежной политики
159 АНИКИНА М.Е., ХРУЛЬ В.М. XIII Грушинские чтения в МГУ
161 КУЗНЕЦОВ И.С. Образование как социальный лифт
162 РЯЗАНЦЕВ С.В., РОСТОВСКАЯ Т.К. Научный совет «Демографические
и миграционные проблемы» ООН РАН
163 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Genov N. The Paradigm of Social
Interaction. (Routledge Advances in Sociology). London, New York: Routledge,
2022. Рец. И.Ф. Девятко; Прекарная занятость: истоки, критерии,
особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021. Рец. С.Г. Климова)*

- 173 **КОРОТКО О КНИГАХ**

- 175 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2022 г.

И.А. ЛАТЫПОВ

ДЕЙСТВИЕ И НЕПРЕДНАМЕРЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ: КОНТРАФИНАЛЬНОСТЬ КАК КОМПЛЕКСНАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

ЛАТЫПОВ Ильяс Альбертович – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (ialatypov@hse.ru).

Аннотация. Рассматривается проблема контрафинальности – непреднамеренные коллективные последствия несоординированных действий индивидов. Предлагается рассмотреть ее с точки зрения теоретических проблем социологии: понимания мотива действия, перехода от индивидуальных целей к коллективным результатам и непреднамеренных последствий. Понимание мотива действия – первоначальная задача изучения контрафинальности. Понять мотив действия можно посредством наличия запаса социальных знаний и представления о типичных ситуациях и типичных мотивах, характерных для этих ситуаций. Поняв мотив индивидуальных действий, в исследовании контрафинальности важно проследить, как происходит переход от этих действий к коллективным иррациональным последствиям. Такой переход возможен в силу недалновидности индивидов, сосредоточенных на личных целях. Помимо этого, можно выделить другие условия возникновения непреднамеренных коллективных последствий: недостаточность информации, озвученные публично предсказания и др. Предложенная последовательность описания контрафинальности от действия к последствиям – это теоретический ориентир, детальное описание этапов возникновения контрафинальности – задача эмпирического исследования.

Ключевые слова: контрафинальность • непреднамеренные последствия • действие • рациональность • мотив • иррациональность

DOI: 10.31857/S013216250018915-9

Введение. Темы непреднамеренных последствий, парадоксов и социальных дилемм являются одними из центральных в социологии. Ранние социологические работы на эту тему включали описание последствий капитализма [Marx, 1973], рационализации [Вебер, 1990; Миса, 2014; Зарубина, 2020] и отклонения от нормы [Мертон, 2006]. В 1970–1980-х гг. вышли работы с описанием социальных противоречий как следствия индивидуальных действий [Elster, 1978; Giddens, 1984; Boudon, 2016 (1982)]. Сегодня описываются разные классификации и новые возможности исследования социальных противоречий [Portes, 2000; De Zwart, 2015; Миса, 2018]. Исследуются противоречия, связанные с городской средой [Баньковская, 2011], современным образованием [Акулич, 2016], капитализмом [Черныш, 2018]. При этом исходной задачей является описание процесса возникновения противоречий. Фокусированное исследование противоречий включает теоретический

Автор благодарен рецензентам журнала за замечания, способствовавшие повышению научного качества статьи.

разбор ключевых понятий. Среди понятий, описывающих противоречия, можно выделить понятие контрфинальности как противоречия между результатом предполагаемым и фактическим. Проблема контрфинальности проявляется на пересечении ряда классических теоретических проблем социологии.

(1) Контрфинальность включает проблему понимания и объяснения действия, конкретнее – намерения индивидов. Самые разные решения этой проблемы предлагали классики социологии [Вебер, 2016; Парсонс, 2000; Шюц, 2004]. В контексте контрфинальности проблема понимания и объяснения действия предстает как первоначальная дилемма, когда необходимо обозначить мотивы участников, чтобы понять действительно ли результат их действий противоположен их намерениям, или же это только побочный результат, не прямо противоположный изначальным намерениям.

(2) Контрфинальность включает проблему перехода от индивидуального рационального действия к иррациональным коллективным последствиям. Эта проблема широко исследуется теоретиками практической рациональности и теории игр. В отличие от представителей интерпретативизма и других микросоциологических моделей объяснения действия, теоретики практической рациональности ориентированы на исследование действия как части общественного процесса.

(3) Контрфинальность – разновидность непреднамеренных последствий [Boudon, 1982; Baert, 1991; Mica, 2018]. Эту проблему в социологии наиболее остро поставил Р. Мертон. В работе 1936 г. он обращает внимание на сходство множества терминов, описывающих проблему непреднамеренных последствий, которые, однако, присутствуют в различных контекстах [Мертон, 2009]. Отсутствие систематического теоретического анализа объясняется широким диапазоном этих контекстов, в которых сама постановка вопроса о принципиальном единстве и преемственности способов такого анализа является проблемой. Прежде всего, принципиальное единство заключается в *изучении условий, в которых совершается действие*.

Контрфинальность можно рассматривать как производную от обозначенных выше трех. Исходя из этих посылок, в статье предлагается рассмотреть контрфинальность с точки зрения единства этих трех теоретических контекстов и обозначить возможности теоретической кодификации контрфинальности. Однако прежде необходимо кратко остановиться на истории проблемы контрфинальности в социологии.

Определение контрфинальности. Контрфинальность – это непреднамеренные последствия, вызванные несоординированными действиями. Данное понятие было введено Ж.П. Сартром [Sartre, 2004], в социологической теории оно получило развитие благодаря Ю. Элстеру. Более расширенное определение Элстера: *«Контрфинальность – это непреднамеренные последствия, которые возникают, когда каждый человек в группе действует на основе такого предположения о своих отношениях с другими, что при обобщении, они дают противоречие в выводе ошибки композиции, при том, что антецедент этой ошибки является истинным»* [Elster, 1978: 106].

Для Элстера контрфинальность есть разновидность негативных последствий действий, которые требуют преодоления, и потому важен вопрос о том, как люди справляются с этими последствиями. В этом он видит главную задачу социологов: *«Основная задача социальных ученых, безусловно, состоит в том, чтобы объяснить, как люди реагируют на ситуации, которые они сами создают»* [Elster, 1978: 109]. Исходя из этих взглядов, Элстер предлагает свою теорию социальных изменений. Контрфинальность интересует его только в контексте влияния на социальные изменения. Элстер проводит ряд концептуальных ограничений, не углубляясь в анализ причин и механизмов возникновения контрфинальности.

После Элстера проблема контрфинальности изучалась в первую очередь с точки зрения теоретического уточнения положений концепции Элстера. Гидденс отмечал, что контрфинальность во многих примерах Элстера является следствием *системного противоречия* и ее нужно объяснять через двойственность структуры [Giddens, 1979: 140]. После выхода в 1982 г. книги Р. Будона о феномене *обратного эффекта* (*perverse effect*), который

во многих определениях напоминает контрфинальность, некоторые авторы заметили это и стали воспринимать контрфинальность как разновидность обратного эффекта [Van Parijs, 1982; Baert, 1991; Mica, 2018].

Помимо концептуальных сходств с другими понятиями, отмечалась также и критика самого определения контрфинальности Элстером. Одной из особенностей этого определения является ее связь с *логическим противоречием*. Так, в основе контрфинальности лежит предположение «то, что возможно для отдельного индивида, не значит, что это возможно для всех одновременно» [Elster, 1978: 99]. Критики отмечали неверную интерпретацию Элстером ошибки композиции и игнорирование ограничений структуры [Smith, 1990; Barnes, Sheppard, 1992]. Однако, помимо влияния структурных ограничений, которые, несомненно, являются одними из элементов производства контрфинальности, эти авторы не смогли предложить ничего нового. Наша проблема заключается в том, чтобы описать феномен возникновения контрфинальности как комплексную социологическую проблему, которая включает не только критику отдельных положений теории Элстера, но показывает некоторую связь между фундаментальными социологическими проблемами, такими как понимание действия, рациональности и непреднамеренных последствий.

Что такое действие и мотив? Если изначальной проблемой анализа контрфинальности рассматривать понимание (намерения, мотива) действия, то неизбежно обращение к веберовской трактовке действия. По Веберу, главная задача социологии – это понимание и объяснение действия. Действием является «человеческое поведение (внутреннее или внешнее, воздержание или претерпевание), если и поскольку действующий связывает с ним субъективный смысл. Действие является социальным, если оно по своему подразумевает другому смысл соотнесено с поведением других людей и ориентируется на него в своем протекании» [Вебер, 2016: 68]. Отсюда два главных элемента в анализе социального действия – субъективный смысл и ориентация на другого.

В ряде случаев трудно провести границу между социальным и не социальным действиями. Центральным моментом здесь является осмысленность, осознанность действия. Если человек придает смысл подражанию, будь то мода или традиция, действие приобретает социальный характер. Если же сталкиваются два велосипедиста, то это просто событие, подобное явлению природы. Но если они попытаются избежать столкновения, или же после столкновения будет ссора или обсуждение события, то это уже можно назвать социальным действием. Теперь допустим, что два велосипедиста едут по одной достаточно просторной дороге, а впереди образуется узкая дорожка, куда они вдвоем одновременно вряд ли смогут проехать. Если каждый велосипедист устремится проехать раньше другого, то результат их действий может быть контрфинальным, то есть ни один из велосипедистов не сможет проехать по этой узкой дорожке, так как каждый из них будет создавать препятствие другому и в результате они столкнутся. Субъективным смыслом каждого действия в данном случае было желание проехать первым, и каждый, поступая таким образом, создавал препятствие другому. Такое объяснение контрфинальности позволяет сделать акцент на осмысленности действий, и в этом случае именно осмысленные действия велосипедистов выступали главными факторами возникновения контрфинальности. Но как мы, внешние наблюдатели, можем понять действие?

Вебер различает непосредственное и объясняющее понимание [Вебер, 2016: 71]. Рационально непосредственно мы можем понимать мысли и действия; иррационально непосредственно – аффекты. (Есть, однако, и точка зрения, согласно которой в актуальном (непосредственном) понимании нет ничего непосредственного. Смысл любого действия непосредственно понятен нам благодаря предшествующим объяснениям, забытым и ставшим для нас «опривыченными» [Девятко, 2003: 105–106].) Этот аргумент говорит нам о наличии «запаса знаний» («knowledgeability»), благодаря которому мы можем различать и осмысливать действия. Но само объясняющее понимание по Веберу есть понимание мотива. Мы понимаем, какой смысл связывает с действием агент и «почему он делает это именно сейчас и именно в данной связи, если видим, что он занят коммерческим расчетом, доказательством

теоремы, либо техническим вычислением или любым другим делом, к которому это суждение и "относится" в соответствии с его, этого действия, понятным для нас смыслом, т.е. если оно оказывается в понятной нам смысловой связи (рациональное мотивационное понимание)» [Вебер, 2016: 71]. Мотив – это смысловая структура, которая представляется действующему как смысловая основа поведения. Вслед за этим определением Вебер вводит очень важное различие: «*Последовательно развивающееся поведение будет считаться субъективно адекватным (или адекватным в смысловом отношении) в той степени, в какой соотношение составляющих его частей воспринимается нами (в соответствии с привычными чувствами и мыслями) как типичная (мы обычно говорим "правильная") смысловая связь. Напротив, "каузально адекватной" последовательность процессов будет считаться в той степени, в какой, согласно данным опыта, существует вероятность того, что она постоянно будет протекать таким же образом*» [Вебер, 2016: 74]. То есть каузальное объяснение указывает на вероятность того, что за одним процессом следует другой процесс, и эта вероятность может быть оценена и выражена количественно. Роль каузального объяснения состоит не в поиске статистических вероятностей, а в демонстрации вероятности того, что объяснение через конкретный мотив будет правильным в других случаях [Степанцов, 2013: 54]. При определении законов Вебер указывает на «*подтвержденные наблюдениями типичные вероятности определенного хода социального действия, ожидаемого при наличии тех или иных фактов и понимаемого на основе типичных мотивов и типичного смысла, из которого исходят действующие*» [Вебер, 2016: 79]. Получается, что при определенных «фактах» мы можем ожидать типичные социальные действия и типичные мотивы. Тогда наше объяснение будет правильным, насколько оно является типичным.

Для интерпретации контрфинальности в этом контексте веберовской трактовки действия и его мотива следует акцентировать, как представляется, вывод: любое, сколь бы ясным оно ни казалось, толкование мотивов – это гипотеза, а «*контроль понимающего истолкования смысла по результату, т.е. по исходу действительного процесса, неизбежен, как и в случае любой другой гипотезы*» [Вебер, 2016: 73]. Конкретное действие имеет свой «ход событий» и только на основании этого хода событий может быть «каузально истолковано», поскольку «каузальное истолкование» предполагает соотнесение мотива и последовательности событий.

Единичный анализ действия – это отправной пункт при анализе любого случая контрфинальности. Чтобы понять действие и мотивы акторов, нам нужно, (1) иметь некоторых запас социальных знаний, (2) мы должны иметь представления о типичных ситуациях и типичных мотивах, побуждающих людей к действиям. В целом, целерациональное действие, которое лежит в основе контрфинальности, понимается путем соотнесения смысла действия с контекстом ситуации. В таком случае социолог, исследующий контрфинальность, в первую очередь должен в этнографическом смысле изучить контекст ситуации и выявить типичные мотивы и смыслы, характерные для данного контекста. Таким видится первоначальный шаг в исследовании контрфинальности.

Прежде чем перейти к следующему разделу, дам несколько концептуальных уточнений. Контрфинальность предполагает целерациональность действий. В случае целерационального действия понимание мотива дает понимание цели действия. *Интенция* же – это осознанная направленность действия на достижение цели. *Цель* – это предполагаемый результат действия в будущем. В целерациональном действии мотив связан с будущим положением дел, а потому *интенция* – это и есть мотив, ориентированный на будущее, то есть *цель*. Рациональность в этом случае – инструмент расчета соотношения цели, средств и других последствий индивидуального действия. В этом плане понятие контрфинальности абсолютно соответствует интерпретативистской концепции действия, так как не предполагается ошибок в индивидуальных рациональных действиях. Таким образом, наш следующий шаг – понять, как индивидуальные целерациональные действия приводят к коллективным иррациональным последствиям.

От индивидуальных действий к коллективным последствиям. Контрфинальность возникает как следствие рациональных действий индивидов, при том, что последствия совокупности этих действий видятся не рациональными. Здесь сам механизм контрфинальности предполагает грубый переход от рациональности индивидуальной к нерациональности коллективной. Так называемые теории практической рациональности прямо исследуют обозначенную проблему и нередко ориентированы на решение таких противоречий, которые также имеют свойства контрфинальности.

Прежде всего, практическая рациональность связана с эффективным достижением соответствующих целей [Rescher, 1995: 26]. Практическая рациональность – это всегда выбор наилучшего способа действия, взвешивание между потенциальной прибылью и возможными потерями. Этот выбор связан с определенными ограничениями, нормами, ценностями и рисками. Говоря о теории полезности и рациональном выборе в социологии, можно начать с идей В. Парето. Он рассматривал равновесие системы как производную функцию от рациональности и прибыли отдельных индивидов. Равновесие социальной системы зависит от некоторых условий, которые различаются по степени изменчивости. Так, бывают условия, которые мало изменчивы (климат, география, почва), и условия, которые максимально изменчивы (деривации) [Парето, 2008: 335]. Между этими группами условий выделяются и другие, которые ранжируются по степени изменчивости. Соотношение этих условий порождает равновесие социальной системы. Если представить равновесие в форме уравнения, то оно будет включать определенные переменные, которые различаются по степени изменчивости и которые имеют определенную связь между собой. Проблема такого уравнения состоит в том, что переменных может быть неограниченно много и при добавлении новых переменных решение проблемы будет более точным. В свете проблемы контрфинальности следует отметить, что это уравнение можно применить для определения причин контрфинальности. Не только рациональные действия акторов приводят к противоположным последствиям, но и многие другие факторы. Уточнение этих факторов и есть основная проблема в исследовании контрфинальности. Когда же эти факторы будут установлены, то можно строить цепочку взаимосвязи между этими факторами, находить точки соприкосновения и строить гипотезы о причинах контрфинальности и возможных решениях путем коррекции и изоляции некоторых факторов и переменных. Конечно, все эти действия являются задачами эмпирического исследования применительно к конкретной ситуации.

В числе свойств социальной системы, которые также являются условием ее равновесия, выделяется полезность, или офелимость (Парето) – экономическая полезность, пригодность определенного предмета для удовлетворения потребности индивида, которую только он сам может оценить. Отсюда следует проблема соотношения полезностей разных индивидов, которые по-разному оценивают полезность того или иного действия или предмета. Поиск точки равновесия социальной системы включает проблему соотношения всех полезностей индивидов. Определенное соотношение полезностей отдельных индивидов даст максимум полезности как для отдельных индивидов, так и для общества в целом. В политической экономии эта проблема решена: точка равновесия достигается, когда каждый индивид достигает максимума офелимости. Связи могут быть даны таким образом, что равновесие будет полностью детерминировано [Парето, 2008: 335]. Однако при отсутствии связи детерминация будет устранена, и тогда равновесие окажется возможным в бесконечном числе точек, где акторы достигают максимума индивидуальной офелимости. Здесь Парето выделяет два варианта возможного развития событий: достижение точки Р дает максимум полезности для одних индивидов и отсутствие полезности или вред для других; достижение точки Q дает пользу или вред всем индивидам. С точки зрения экономики достижение точки Q говорит о возможности дальнейшего движения до тех пор, пока это движение будет полезно для всех. Достигая точки Р, когда дальнейшее движение уже не приносит пользы для всех, необходимо отойти от экономических

предпочтений и перейти к этическим, то есть к помощи тем, кто отстает. Эта точка Р и будет называться точкой *максимума офелимности для общности* [там же].

Если мы воспользуемся логикой анализа максимума офелимности для общности в отношении проблемы контрфинальности, то мы можем отметить, что контрфинальность как раз имеет одним из своих свойств деление группы на победителей, тех, кто извлекает некую прибыль, и проигравших, тех, кто терпит некоторые убытки. В этом плане движения до точки Р дают максимум офелимности для общности, а дальнейшие движения уже скорее говорят о достижении контрфинальности, при прочих факторах и структуре ситуации.

В отличие от экономической теории в социологии, где общности можно представить как единое целое, нужно различать максимум полезности для общности и максимум полезности общности. Максимум полезности общности достигается, когда общность доходит до некоторого предела, дальнейшее движение от которого сильно ухудшает положение одной группы индивидов. В качестве примера Парето приводит рост численности населения ради военной и политической мощи страны. Достижение же максимума полезности для общности не требует достижения предела, тем самым сохраняя более-менее равное положение всех членов общности. Выбор того, до какого максимума доходить, по Парето, является делом чувств и предпочтений. Таким образом, в некотором релятивистском стиле он отказывается от дальнейшего решения проблемы равновесия и достижения максимума, так как сама проблема требует некоторого допущения и гипотезы о соотношении гетерогенных полезностей. Парето не говорит, куда надо двигаться, он дает лишь ориентиры и точки на пути, которые будут вести к разным результатам. Его анализ точек равновесия и максимума полезности представляет весьма большой интерес для проблемы контрфинальности. Мы всегда можем найти точку, где максимум полезности для общности переходит к достижению контрфинальности. По сути теория Парето – это теория пределов, и достижение предела офелимности говорит о переходе к контрфинальности. При всей рациональности действий индивидов, достигая определенного уровня, масштабности и численности, эти действия приближаются к обратному эффекту. Задача эмпирического исследования в этом случае – установить возможные точки предельности.

Дальнейшее развитие теорий рационального выбора связано с большей ориентацией на действие индивида, и краткое описание основных постулатов этой теории позволяет понять, что в ряде случаев контрфинальность – это закономерный процесс. Р. Будон выделяет несколько постулатов теории рационального выбора [Boudon, 2003: 3–4]. Во-первых, любой социальный феномен является результатом индивидуальных действий и решений. Этот постулат связывается с методологическим индивидуализмом (основа анализа контрфинальности в социологии Элстера [Elster, 1978: 106]). Во-вторых, всякое действие можно понять. В-третьих, любое действие вызвано определенными причинами. В-четвертых, причины действий вытекают из предвосхищаемых последствий, которые ожидает индивид. В-пятых, индивидов в основном волнуют последствия действия для себя самих. Этот постулат говорит, что, по сути, люди эгоистичны. И последний постулат гласит, что индивиды при выборе действия различают издержки и выгоды и выбирают максимально выгодный или оптимальный способ действия. Если посмотреть на все эти постулаты, то можно заметить, что все они так и или иначе подразумеваются в теоретическом описании контрфинальности. Контрфинальность наступает, когда люди действуют рационально, но эгоистично. Они думают о последствиях, но прежде всего только для себя. И когда они не достигают своих целей, они планируют свое действие снова, с учетом приобретенного опыта, и это помогает им избежать дальнейшей контрфинальности.

Итак, теории практической рациональности говорят о том, что при переходе от индивидуального рационального действия к коллективным иррациональным последствиям, во-первых, следует обращать внимание на предел полезности, который достигается общностью, и, во-вторых, понимать, что отдельные люди, действуя определенным образом, не задумываются о коллективных последствиях и не предвидят их, и потому создаются ложные представления о возможностях достижения цели в условиях его дефицита

и повышенного спроса. Теперь, на последнем этапе, когда мы уже имеем определенные представления о понимании целерационального действия, мы можем понять мотивы действующих и то, как эти действия приводят к иррациональным коллективным последствиям; нам осталось только рассмотреть, что такое непреднамеренные последствия.

Контрфинальность как разновидность непреднамеренных последствий. Проблему непреднамеренных последствий чаще всего связывают с функционалистской традицией [Мертон, 2009; Giddens, 1979: 7]. Однако мы можем найти эту тему и во многих других традициях [Baert, 1991]. Можно сказать, что так или иначе проблема непреднамеренных последствий связана, скорее, с рядом определенных тем и понятий, нежели с каким-то особенным теоретическим языком описания. Р. Мертон утверждал, что эта тема в той или иной форме представлена в работах всех тех, кто внес существенный вклад в развитие социальной мысли [Мертон, 2009: 5]. Мертон же впервые взялся за систематическое изучение данной проблемы, предприняв попытку обобщения фрагментарных трактовок этого понятия.

В статье 1936 г. Мертон делает сначала несколько замечаний о непреднамеренных последствиях: они не всегда связаны с отрицательными моментами и не всегда воспринимаются как нежелательные. Преднамеренные же последствия по определению всегда желательны, хотя не всегда для всех они очевидны как положительные. В целом, определяя, что такое последствия, он пишет:

«Строго говоря, последствия преднамеренного действия сводятся к тем элементам итоговой ситуации, которые являются следствием исключительно данного действия, то есть к тому, чего не случилось бы, если бы данное действие не было совершено. Более конкретно, последствия – это результат взаимного влияния действия и объективной ситуации, то есть условий, в которых совершается действие. Нас, прежде всего, будут интересовать общие итоги действия при определенных условиях» [Мертон, 2009: 7].

У Мертона последствия определяются не только как отдаленный результат действий, но и как результат влияния условий, в которых эти действия происходили. Таким образом, он предлагает исследовать действия в более широком смысле, не останавливаясь только на проблеме верификации интенции (понимания мотива по Веберу). Последующий анализ более информативен и включает выделение факторов, способствующих появлению непреднамеренных последствий или влияющих на них.

Первый фактор – состояние знания. Обычно люди действуют на основе мнений и оценок, не точного знания фактов, поэтому в определенных ситуациях незнание некоторых аспектов будет приводить к неожиданным результатам [там же: 12]. Если посмотреть на этот фактор со стороны контрфинальности, то можно сказать, что незнание проявляется здесь как неадекватность, невозможность предсказать желания и интенции других и последствия действий в совокупности. В этом случае люди также руководствуются своими оценками, которые отнюдь не являются точным анализом ситуации. Поэтому данный фактор можно рассматривать и относительно контрфинальности, но с некоторыми оговорками.

Второй фактор – ошибка. Можно ошибиться при оценке текущей ситуации, в выборе действия, в предсказании последствий действия. Элстер «избавил» понятие контрфинальности от таких ошибок, допустив, что все акторы действуют рационально. То есть в их расчетах нет ошибок, одна-единственная ошибка заключается в том, что они действуют на основе неверных предположений относительно того, что будут делать другие [Elster, 1990: 129]. Эта ошибка связана также с состоянием знаний и оценкой ситуации.

Еще два фактора, которые выделил Мертон, это «озвученные публично предсказания» и «императивность ближайшего интереса». Озвученные публично предсказания становятся новыми элементами ситуации и изменяют тем самым обычное течение событий [Мертон, 2009: 13]. Если достаточно большое количество людей будет прислушиваться к определенному мнению и действовать одинаково, результатом их действий будет контрфинальность. Императивность ближайшего интереса означает, что сосредоточенность на непосредственных результатах действия часто исключает учет отсроченных и других

последствий [там же: 13]. Примером влияния императивности ближайшего интереса может служить описанный Сартром случай с китайскими крестьянами. На протяжении многих тысяч лет китайские крестьяне вырубали деревья для того, чтобы увеличить площади посева. Позитивный момент такой деятельности в том, что они могли теперь выращивать то, что им нужно, в больших количествах, у них не было дефицита. Негативный момент такой деятельности состоит в сокращении количества деревьев. Это сокращение негативно сказывается на защите почвы: из-за того, что холмы и равнины очищены от деревьев, развивается эрозия почвы, что приводит к повышению уровня воды в реках и к затоплениям. Таким образом, история китайских наводнений становится результатом намеренно созданного образца действий [Sartre, 2004: 162]. Думая о своих непосредственных интересах, крестьяне не думали, к чему могут привести их действия в будущем.

Элементы производства непреднамеренных последствий, в том числе намерения действия и условия действия, о которых писал Мертон, могут быть использованы и в описании контрфинальности. Иначе говоря, так как контрфинальность является разновидностью непреднамеренных последствий, мы можем использовать схожие инструменты анализа с некоторыми поправками на различие между самими феноменами.

После Мертона исследование непреднамеренных последствий не вызывало широкого интереса. Как отмечал в 1982 г. Р. Будон, «в современном социологическом анализе эта тема так же редка, как и обычна в общественной жизни» [Boudon, 2016: 3]. Будон стал развивать эту тему, но уже в другом направлении. Вместо мертоновского понятия «непреднамеренные последствия» он использует понятие «обратного эффекта» (*perverse effect*). Данное понятие несколько отличается по смыслу.

Обратные эффекты – это нежелательные последствия, иногда даже неожиданные. Давая определение этим эффектам, Будон пишет: «Это вопрос индивидуальных и коллективных эффектов, которые возникают в результате сопоставления индивидуальных поведений, и которые не были включены в изначальные цели акторов» [Boudon, 2016: 5]. Такое определение весьма отличается от того, о чем писал Мертон. Здесь мы находим и факт суммирования действий, и факт противоположности результата интенциям акторов. Будон также пишет, что синонимами «обратного эффекта» являются «эффект композиции», «нежелательный эффект» и даже «эффект агрегации». Эти понятия, несомненно, указывают на некоторую связь идей Будона с идеями Элстера. Однако подход Будона воспринимается намного шире, и это хорошо видно в иллюстрациях обратного эффекта. Например, очередь, по Будону, порождает обратные эффекты, так как время ожидания воспринимается как негативное и нежелательное явление. Каждый участник очереди теряет время, но приобретает определённые товар или услугу. В этом случае обратный эффект понимается как сопутствующее нежелательное последствие. Другим примером обратного эффекта Будон берет «кейс» Ж.Ж. Руссо. Два дикаря договариваются пойти на охоту на оленя, так как один дикарь не справится с такой задачей, а вдвоем они получат больше мяса от оленя, чем если бы один дикарь направился на охоту за зайцами. Однако тот дикарь, который первым увидит зайца, сразу же выйдет из соглашения. Таким образом, дикари не достигают того, что они планировали. В этом случае обратный эффект трактуется как противоположное намерениям последствие. Получается, что даже в этих двух примерах речь идет о разных проявлениях обратного эффекта. Есть и другие примеры, которые приводит Будон, будь то система работы светофора или же система образования [Boudon, 2016]. Многообразие примеров показывает, что под обратными эффектами можно понимать совершенно разные последствия.

На это обратил внимание Ф. Ван Парайс. По его мнению, в терминологии Будона можно найти два определения обратных эффектов. В первом значении обратные эффекты – это непреднамеренный результат агрегации действий нескольких людей. Такие обратные эффекты, как правило, включены в систему неорганизованных (не скоординированных) взаимодействий. Во втором значении обратные эффекты – это непреднамеренный результат рациональных действий индивидов, вовлеченных в игру с ненулевой

суммой. Так как оба значения включают непреднамеренные последствия, Ван Парайс уточняет, что они трактуются по-разному. В первом случае непреднамеренные последствия являются неожиданными, независимо от того, желательны они или нет. Во втором – непреднамеренные последствия являются нежелательными, независимо от того, ожидаемы они или нет [Van Parijs, 1982: 591]. Если с первым значением непреднамеренных последствий можно согласиться, то во втором значении не совсем понятно, как они могут быть ожидаемы, если они непреднамеренны. Непреднамеренность означает, что человек не осознает и не способствуют целенаправленно определенным результатам. Если же результат и последствия ожидаемы, значит человек понимает, что они могут произойти. Это значит, что во втором значении, если принимать интерпретацию Будона, непреднамеренные последствия являются нежелательными и не ожидаемыми. Если они ожидаемы, значит они преднамеренны, и тогда второе определение следует описать как преднамеренный результат рациональных действий индивидов, вовлеченных в игру с ненулевой суммой, который, однако, уступает некоторым более выгодным результатам. Это определение более приемлемо, если указать, что Ван Парайс связывает обратные эффекты Будона в первом значении с контрфинальностью Элстера, а обратные эффекты во втором значении с субоптимальностью. Понятие субоптимальности нам не особо интересно, так как оно не есть разновидность непреднамеренных последствий.

По сути, непреднамеренные последствия – это обратная сторона предыдущей проблемы перехода от индивидуальных рациональных действий к коллективным иррациональным последствиям. При этом проблема непреднамеренных последствий позволяет посмотреть на контрфинальность немного глубже и детальнее. Во-первых, при переходе от индивидуальных рациональных действий к коллективным иррациональным последствиям мы больше внимания уделяем действию, тогда как, отталкиваясь от непреднамеренных последствий, мы можем расширить круг условий и факторов, способствующих их появлению. Во-вторых, такая постановка проблемы непреднамеренных последствий позволяет посмотреть на это явление как континуальный процесс, у которого есть начало (действие и условия, в которых оно протекает), есть продолжение (процесс накопления отдельных действий в ситуации) и, наконец, результат (всегда промежуточный), который и представляет собой контрфинальность. Среди последствий контрфинальности можно выделить либо социальное изменение, либо нормализацию и цикличность. По Элстеру и Будону, преобладает, скорее, первый вариант.

Заключение. Контрфинальность – комплексный социальный феномен, который включает ряд проблем, требующих решения, прежде всего, в теоретическом плане. Первая проблема – это проблема понимания и объяснения действия. В социологии действие принято определять через осознанность и связь с субъективным смыслом. При этом смысловая основа действия, то есть мотив, – это единица, типичная для определенного социального контекста, и социальный запас знаний дает возможность обозначить этот мотив и понять действие.

Понимание (намерения) действия – только первый шаг в исследовании контрфинальности, затем следует понять, каким образом рациональность индивидуального действия переходит к иррациональности коллективных последствий. Теоретики практической рациональности выделяют ограниченность какого-либо ресурса или объекта и неадекватность акторов как причины такого перехода. Тогда можно сказать, что при контрфинальности все акторы думают одинаково, не учитывая, что другие будут думать так же, и сам факт множества однотипных действий приводит к контрфинальности по причине ограниченности какого-либо ресурса. Если бы ресурсы были неограниченными, проблемы контрфинальности никогда бы не было.

Наконец, контрфинальность включает проблему непреднамеренных последствий. Изучив проблему, мы можем выделить ключевые особенности контрфинальности, отличить ее от других схожих понятий. Теория непреднамеренных последствий позволяет обозначить два направления исследований контрфинальности. Первое касается условий

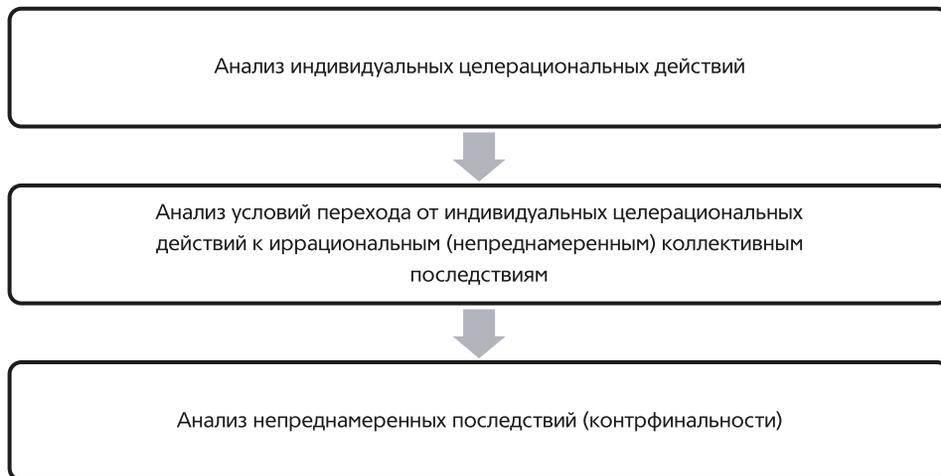

Рис. Схема комплексного анализа контрфинальности

и факторов, которые, наряду с действием, влияют на производство контрфинальности. Второе касается изучения последствий контрфинальности, среди которых выделяются социальные изменения и нормализация/цикличность.

Таким образом, комплексный анализ контрфинальности можно представить в виде схемы (рис.).

Теперь, когда есть некое представление о контрфинальности как о комплексной теоретической проблеме, которая касается ряда других теоретических проблем, и решение этих проблем позволяет лучше понять саму контрфинальность, в дальнейших исследованиях требуется более углубленный анализ в концептуальном, методологическом и эмпирическом планах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акулич М. Противоречия и конфликты современного российского образования // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2016. № 1. С. 175–188.
- Баньковская С. Понятие гетеротопичной среды и экспериментирование с ней как с условием устойчивого нецеленаправленного действия // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1–2. С. 19–33.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / Пер. с нем. и общ. ред. Ю.Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / Пер. с нем. Л.Г. Ионина. М.: ВШЭ, 2016.
- Девятко И. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
- Зарубина Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250009355-3
- Мертон Р. Непреднамеренные последствия преднамеренного социального действия / Пер. с англ. В. Кузьмина // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
- Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2008.
- Степанцов П. Социальное действие между интерпретацией и пониманием // Социология власти. 2013. № 1–2. С. 27–56.
- Черныш М. Тренды современной критической социологии (общие наблюдения с конференции ЕСА) // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 3–8. DOI: 10.7868/S0132162518020010
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.

- Baert P. Unintended Consequences: A Typology and Examples // *International Sociology*. 1991. No. 2. P. 201–210. DOI: 10.1177/026858091006002006
- Barnes T.J., Sheppard E. Is There a Place for the Rational Actor? A Geographical Critique of the Rational Choice Paradigm // *Economic Geography*. 1992. Vol. 68. No. 1. P. 1–21.
- Boudon R. Beyond Rational Choice Theory // *Annual Review of Sociology*. 2003. No. 29(1). P. 1–21. DOI: 10.1146/annurev.soc.29.010202.100213
- Boudon R. *The Unintended Consequences of Social Action*. London: Macmillan, 2016 (1982).
- De Zwart F. Unintended but Not Unanticipated Consequences // *Theory and Society*. 2015. Vol. 44. No. 3. P. 283–297.
- Elster J. *Logic and Society: Contradictions and Possible Worlds*. Chichester and New York: John Wiley & Sons, 1978.
- Elster J. Merton's Functionalism and the Unintended Consequences of Action // Robert K. Merton: *Consensus and Controversy* / Ed. by J. Clark et al. London New York: Falmer Press, 1990. P. 129–135.
- Giddens A. *Central Problems in Social Theory*. London: Macmillan Education UK, 1979.
- Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity, 1984.
- Marx K. *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*. New York: Vintage Books, 1973.
- Mica A. *Sociology as Analysis of the Unintended: From the Problem of Ignorance to the Discovery of the Possible*. London: Routledge, 2018.
- Mica A. Weber's 'Essential Paradox of Social Action': What Can Sociology of the Unintended Learn from Public Policy Analysis? // *Profilaktyka Społeczna i Resocjalizacja*. 2014. Vol. 23. P. 71–95.
- Portes A. The hidden abode: sociology as analysis of the unexpected: 1999 presidential address // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. No. 1. P. 1–18.
- Rescher N. *Satisfying Reason. Studies in the Theory of Knowledge*. Dordrecht: Kluwer, 1995.
- Sartre J.P. *Critique of Dialectical Reason: vol. 1 Theory of Practical Ensembles*. London: Verso, 2004.
- Smith T. Analytical Marxism and Marx's Systematic Dialectical Theory // *Man and World*. 1990. Vol. 23. No. 3. P. 321–343.
- Van Parijs Ph. Perverse Effects and Social Contradictions: Analytical Vindication of Dialectics? // *The British Journal of Sociology*. 1982. No. 4. P. 589–603.

Статья поступила: 21.02.22. Принята к публикации: 24.03.22.

ACTION AND UNINTENDED CONSEQUENCES: COUNTERFINALITY AS A COMPLEX SOCIOLOGICAL PROBLEM

LATYPOV I.A.

National Research University "Higher School of Economics", Russia

Ilias A. Latypov, PhD student, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia (ialatypov@hse.ru).

Abstract. Counterfinality is the unintended consequences stemming from uncoordinated actions. It may be described as a complex theoretical problem, including understanding the motive for action, transition from individual goals to collective results, and unintended consequences. Understanding the motive for action is an initial challenge in the study of counterfinality. This understanding can be reached by having a stock of social knowledge and an understanding of typical situations and typical motives. However, attempt to describe a motive for action is only a hypothesis, and the actual course of events is the basis for understanding action. Therefore ethnographic observations come first in describing counterfinality. After that, it is important to trace transition from these actions to collective irrational consequences. Such a transition is possible because of the shortsightedness of individuals focused only on their private goals. In addition to these misperceptions, unintended collective consequences may have other conditions of occurrence: insufficient information, publicly voiced predictions etc. The presented sequence of counterfinality description from action to consequences is a theoretical reference point while a detailed description of all stages of counterfinality emergence is the task for an empirical study.

Keywords: counterfinality, unintended consequences, action, rationality, motive, irrationality.

REFERENCES

- Akulich M. (2016) Contradictions and conflicts of the contemporary Russian education. *Vestnik RUDN. Ser. Sociologija* [RUDN Journal of Sociology]. No. 1: 175–188. (In Russ.)
- Baert P. (1991) Unintended Consequences: A Typology and Examples. *International Sociology*. No. 2: 201–210. DOI: 10.1177/026858091006002006.
- Bankovskaya S. (2011) The Concept of Heterotopic Environment and Experimentation with It as a Condition of the Stable Purposeless Action. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 10. No. 1–2: 19–33. (In Russ.)
- Barnes T.J., Sheppard E. (1992) Is There a Place for the Rational Actor? A Geographical Critique of the Rational Choice Paradigm. *Economic Geography*. Vol. 68. No. 1: 1–21.
- Boudon R. (2003) Beyond Rational Choice Theory. *Annual Review of Sociology*. No. 29(1): 1–21. DOI: 10.1146/annurev.soc.29.010202.100213.
- Boudon R. (2016 (1982)) *The Unintended Consequences of Social Action*. London: Macmillan.
- Chernysh M. (2018) Trends of modern critical sociology (general impressions from ESS conference). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–8. DOI: 10.7868/S0132162518020010. (In Russ.)
- De Zwart F. (2015) Unintended but Not Unanticipated Consequences. *Theory and Society*. Vol. 44. No. 3: 283–297.
- Devyatko I.F. (2003) *Sociological Theories of Activity and Practical Rationality*. Moscow: Avanti +. (In Russ.)
- Elster J. (1978) *Logic and Society: Contradictions and Possible Worlds*. Chichester, New York: Wiley & Sons.
- Elster J. (1990) Merton's Functionalism and the Unintended Consequences of Action. In: *Robert K. Merton: Consensus and Controversy*. Ed. by J. Clark et al. London, New York: Falmer: 129–135.
- Giddens A. (1979) *Central Problems in Social Theory*. London: Macmillan Education UK.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity.
- Marx K. (1973) *Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*. New York: Vintage Books.
- Merton R. (2006) Social theory and social structure. Moscow: AST, Hranitel. (In Russ.)
- Merton R.K. (2009) Unanticipated consequences of purposive social action. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2: 5–17. (In Russ.)
- Mica A. (2014) Weber's 'Essential Paradox of Social Action': What Can Sociology of the Unintended Learn from Public Policy Analysis? *Profilaktyka Społeczna i Resocjalizacja* [Social prevention and Rehabilitation]. Vol. 23: 71–95.
- Mica A. (2018) *Sociology as Analysis of the Unintended: From the Problem of Ignorance to the Discovery of the Possible*. London: Routledge.
- Pareto V. (2008) *Compendium of General Sociology*. Moscow: HSE. (In Russ.)
- Portes A. (2000) The hidden abode: sociology as analysis of the unexpected: 1999 presidential address. *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1: 1–18.
- Rescher N. (1995) *Satisfying Reason. Studies in the Theory of Knowledge*. Dordrecht: Kluwer.
- Sartre J.P. (2004) *Critique of Dialectical Reason: volume 1. Theory of Practical Ensembles*. London: Verso.
- Schutz A. (2004) *Selected Works: A World Shining with Meaning*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Smith T. (1990) Analytical Marxism and Marx's Systematic Dialectical Theory. *Man and World*. Vol. 23. No. 3: 321–343.
- Stepantsov P. (2013) Social Action between Interpretation and Understanding. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 1–2: 27–56. (In Russ.)
- Van Parijs Ph. (1982) Perverse Effects and Social Contradictions: Analytical Vindication of Dialectics? *The British Journal of Sociology*. No. 4: 589–603.
- Weber M. (1990) *Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. Selected Works*. Transl. from Germ. and general ed. by Yu.N. Davydov. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Weber M. (2016) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Transl. from Germ. by L.G. Ionin. Moscow: HSE. (In Russ.)
- Zarubina N. (2020) Max Weber's Theory of Rationalization as a Methodology for Understanding Modern Sociocultural Processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–15. DOI: 10.31857/S013216250009355-3. (In Russ.)

Received: 21.02.22. Accepted: 24.03.22.

Н.Н. ЗАРУБИНА

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КЛАССИКОВ СОЦИОЛОГИИ ДЛЯ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ Л. МАМФОРДА)

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна – доктор философских наук, профессор кафедры социологии
ГГИМО МИД России, Москва, Россия (n-zarubina@inno.mgimo.ru).

Посвящается памяти
Бориса Сергеевича Ерасова
(1932–2001)

Аннотация. В статье анализируется потенциал классических социологических теорий для исследований современных обществ. Показано, что причиной утраты интереса к классическому наследию является распространение вульгаризированных интерпретаций социологического постмодернизма, радикализирующих отказ от теоретических метанарративов, а также презентизм в исследовательских установках молодых социологов. На примере концепции «мегамшины» Л. Мамфорда показаны эвристические возможности социологической классики для осмысления социальных отношений в цифровом обществе. Показаны сходства и различия «мегамшин» прошлого как машиноподобных социальных организаций, создаваемых для максимизации трудовых, управленческих и т.п. функций человека, с социальными связями, опосредованными цифровыми носителями. Делается вывод о том, что применение концепции «мегамшины» к современному обществу актуализирует предположение о том, что если в обществах классического капитализма овеществленный труд господствовал над живым (К. Маркс), то в цифровом обществе опредмеченные и овеществленные в символических системах и сложной технике коммуникации, информация, интеллект утверждают свое господство над живыми коммуникациями и социальными связями.

Ключевые слова: социологическая классика • цифровое общество • концепция «мегамшины» Л. Мамфорда • централизация и децентрализация • социальный контроль • социальные сети • деперсонификация • живой и овеществленный труд

DOI: 10.31857/5013216250019274-4

Классики социологии составляют ее признанную, разделяемую подавляющим большинством интеллектуальную основу. Однако потребности исследования современных обществ, на первый взгляд радикально отличающихся от «классического модерна», а также некоторые другие описанные далее проблемы отталкивают от изучения и использования классического наследия молодых социологов XXI в. Цель статьи – показать, что эвристический потенциал классического наследия не исчерпан до сих пор. Стоя, по выражению Р. Мертона, «на плечах гигантов», даже карлики могут увидеть гораздо больше, чем им дано. Используя классическое наследие, можно увидеть в современном обществе больше, чем позволяют возможности современных социологических теорий. В статье показано значение концепции «мегамшины» Л. Мамфорда для анализа социальных и культурных последствий цифровизации.

Постановка проблемы. Классики социологии: почтительное забвение или переосмысление. Признанные классики социологии составляют «ядро» нашей науки, значимость их наследия определяется спецификой социального и гуманитарного знания. Во-первых, как известно, оно не является кумулятивным, развивается сразу в нескольких направлениях, представляющих различные парадигмы. Следовательно, во-вторых, не имеет единого и общепринятого теоретико-методологического аппарата. Поэтому, как подчеркнул немецкий

социолог, исследователь М. Вебера, Д. Кеслер, именно благодаря присутствию в той или иной форме отсылок к классическому наследию можно определить, что «здесь занимаются социологией» [Kaesler, 2015]. И поэтому социологам, в отличие от физиков, биологов, правоведов и представителей многих других наук, необходимо изучать историю своей дисциплины. Если для эффективной работы в областях анатомии человека или гражданского права достаточно быть в курсе современных достижений, а обращение к истории исследований в своей области является «тратой времени», то для социолога, изучающего самые актуальные проблемы современного общества, классический подход может служить отправным моментом, дающим импульс для нового видения [там же].

Кого мы считаем классиками? По мнению Кеслера, это теоретики, которые обосновали базовые категории и понятия социологии, описали оригинальные методы и поставили проблемы, которые, несмотря на их обусловленность конкретным историческим периодом и именем, обрели универсальную, вневременную значимость [там же]. Соответственно, число классиков не может быть ограничено фиксированными общепризнанными фамилиями – К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс... Это могут быть мыслители «второго ряда» – Г. Зиммель, В. Зомбарт, Ф. Тённис и др., которые внесли вклад в формирование концептуальных основ нашей науки. Идеи классиков, их вопросы о сущности социальных и культурных процессов, обоснованные ими понятия применимы не только к тем условиям, в которых конкретно были поставлены или обоснованы, но и в современном обществе позволяют формулировать новые вопросы о его особенностях и находить новые ответы, в то же время обогащая теорию. Так, исследователи проблем девиантного поведения, преступности, теневой хозяйственной деятельности не могут игнорировать теорию аномии, разработанную Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном, и сохраняющую эвристическую значимость по сей день. Колоссальная веберiana начала формироваться через несколько десятилетий после смерти самого М. Вебера, вокруг которого при жизни не сложилась научная школа [Schwinn, 2020], и была не только результатом теоретических изысканий Т. Парсонса и других социологов, но и поиском решений острых вопросов XX века: социокультурной специфики современных обществ, природы и судьбы капитализма, путей экономической и политической модернизации на Западе и Востоке и многих других. Немецкий социолог Т. Швинн отмечает, что жизнеспособность исследовательской программы Вебера зависела не в последнюю очередь от ее способности интерпретировать проблемы, специфические для каждой эпохи, быть восприимчивой к их изменениям, гибко подходить к страновым и культурным особенностям [там же].

Однако при этом можно согласиться с наблюдением Т. Швинна, что активное увлечение теоретизированием в 1960–1980-х гг. на рубеже XIX–XX вв. сменилось расколом понятийного, методологического, а также и проблемного ядра науки на многочисленные локальные школы и направления, интерес к классикам упал, и они практически потеряли свое конституирующее для науки значение. В отказе от работы над масштабными теоретическими построениями, расколе между эмпирическими исследованиями и их теоретическим осмыслением видится проблема современной социологии как науки. Источником обобщающих идей все чаще становятся не признанные классики-теоретики, а «практические мыслители», как, например, М. Фуко или П. Бурдьё.

Пытаясь объяснить падение интереса к социологической теории и ее классикам, Т. Швинн выдвигает несколько причин. Наряду с чисто академическими, связанными с утратой теоретическими изысканиями былой престижности для карьеры исследователя, с большой трудоемкостью историко-социологических исследований классики ввиду огромных объемов литературы, автор называет и распространение постмодернизма с его принципиальным отказом от «больших нарративов» [Schwinn, 2020]. Представляется необходимым добавить, что здесь речь должна идти скорее о вульгаризированном, упрощенном восприятии постмодернизма, который нередко интерпретируется как возможность отказаться от строгого научного аппарата и единой логики теоретизирования, на деле выливающегося в эклектизм, нечеткость понятий, неоправданный релятивизм [Бутенко,

2000: 6–8; Тощенко, 1999]. То есть если У. Эко в эссе «Заметки на полях “Имени розы”»¹ говорит о постмодернизме как об *ироническом переосмыслении* глубочайшего проникновения в историю и логику предшествующей культуры, философии и науки, то в вульгаризированном виде он воспринимается как легитимация незнания и даже невежества, отсутствия логики и дисциплины мышления.

Хотелось бы добавить и вступление науки в постакадемическую стадию развития, когда ученые все больше ориентируются не на получение знания как такового, а на реализацию практико-ориентированных локальных проектов для конкретных заказчиков. Здесь действительно не требуются фундаментальные обобщения, достаточно написать отчет о решении поставленных вопросов [Штомпка, 2012: 404–405].

Кроме того, опыт преподавания и руководства научными работами, которым обладает автор, говорит о том, что падение интереса к классикам у молодых социологов, начинающих профессиональное становление, – студентов, аспирантов, связано еще и с презентизмом в их восприятии социальных процессов и явлений. Зачастую трактуя актуальные проблемы как набор эмпирических фактов, данных и статистических корреляций, они не способны видеть их исторические корни и процесс становления. Аналогично и с восприятием самой социологической науки: по наблюдениям автора, молодым социологам малоинтересен процесс осмысления социальных явлений как история формирования проблем, категорий и понятий, поэтому так мало выпускных квалификационных и диссертационных работ посвящено историко-социологической проблематике. В результате они спешат, по заветам основателей Чикагской школы, «запачкать руки» в «реальном» исследовании (Р. Парк), «поиграть» со статистическими данными, однако концептуализация результатов остается самым слабым местом в их профессиональной подготовке. То есть потеря интереса к классическому теоретизированию для молодых профессионалов во многом определяет, на мой взгляд, их *восприятие социологии как искусства работы с эмпирическим материалом и владение соответствующим программным обеспечением*, но не объяснение причинно-следственных связей, генезиса социальных явлений и процессов.

В то же время трудно согласиться с теми, кто утверждает, будто общество изменилось настолько радикально, что классическое наследие не может способствовать его пониманию. Действительно, социологическая теория и методы, а в особенности *способы постановки проблем* претерпевают соответствующие изменения, о чем свидетельствуют многочисленные (более полутора десятков) «повороты» в ее развитии, обогащающие социологию новыми проблемными полями и познавательными перспективами других наук (истории, культурологии, семиотики и т.д.) [Романовский, 2007: 23]. Однако и классическое наследие может быть актуализировано и переосмыслено для познания современности, придать импульс новому «социологическому воображению» (Ч. Миллс), что, собственно, происходило всегда в контекстах новых теоретических направлений, формирующихся на основе классики – нео- и постмарксизма, неовеберизма и т.п. Ставшие классическими понятия и концепты могут быть переосмыслены применительно к пониманию новых реалий и дать возможность глубже исследовать их сущность.

Следование за изменениями социальной реальности даст возможность переосмыслить и актуализировать классические теории, придать новые смыслы устойчивым понятиям, уточнить и развить выводы и концептуализации. В качестве примера хотелось бы предложить концепцию «мегамашины» Л. Мамфорда, создающую особую оптику для рассмотрения цифровизации и ее социальных и культурных последствий. Представляется, что роковое для человека и человечества «восстание машин», которое предсказывают фантасты и создатели антиутопий, уже давно состоялось: общество давно уподобилось «мегамашине» с людьми-детальями, и цифровизация лишь продолжила эту тенденцию. Можно согласиться с одним из первых теоретиков «цифрового общества» К. Швабом,

¹ Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб.: Симпозиум, 2007. С. 77–78.

что технологический уклад меняет «не только то, “что” и “как” мы делаем, но и то, кем мы являемся» [Шваб, 2016: 9].

Непреднамеренные социокультурные последствия распространения цифровых и телекоммуникационных технологий, их влияние на человека и общество стали предметом анализа многих современных социологов. В первую очередь следует назвать концепцию «информационного общества» и «общества сетевых структур» М. Кастельса, «текущей современности» З. Баумана, достижения социологии интернета, концепции гиг-капитализма, новых форм труда и занятости, управления и т.д. Многое было сделано в парадигме «информационного общества», основным объектом внимания в рамках которой стали новые функции информации и коммуникаций. В то же время исследования влияния цифровых машин на человека, социальные практики и отношения все еще требуют разработки новых теоретических подходов. Представляется, что идеи о последствиях взаимодействия общества, человека и техники Л. Мамфорда могут также послужить эвристическим импульсом концептуализации непреднамеренных социокультурных последствий цифровизации.

Цифровое общество как новейшая «мегамашина»: к актуализации идей Л. Мамфорда. Американский социальный мыслитель Льюис Мамфорд (1895–1990), известный аналитик социокультурных последствий развития техники, считал, что ее возникновение обусловлено не узкими задачами сбережения и облегчения труда, а непрерывными и многообразными взаимодействиями человека со всеми элементами среды его существования. Соответственно, орудия и машины отвечают не чисто утилитарным потребностям, а «жизнеориентированны» [Мамфорд, 1986], то есть связаны со «всей природой человека», в первую очередь со способностью производить символы и смыслы, создающие культуру и язык, с потребностями упорядочивания и осмысления социального бытия [Mumford, 1963]. Так, Мамфорд замечает, что созданию реальных машин предшествует социализация «механических посредников» [Мамфорд, 2001], т.е. *появление социальных прообразов*, по которым затем создавались их технические заменители. То есть техника разной степени сложности является продолжением способностей человека, имеет свой прообраз в человеческих потенциях и возможностях, в социальных отношениях и коммуникациях. Однако, постепенно усложняясь, машина превращается в инструмент подчинения и трансформаций самого человека и общества, уже не только человек создает машины, но и машины творят человека [Mumford, 1963].

Используемые на уровне *производящего и потребляющего общества* машины трансформируют взаимодействия и отношения, иерархии и солидарности. В сложных иерархических обществах машины *из трудосберегающих становятся потребляющими труд*. Объединяя людей для решения общих производственных или военных задач, техника латентно способствует их превращению из носителей воли, творческой энергии и знания в обезличенные, деперсонифицированные детали *всеобъемлющего социотехнического механизма – «мегамашины»*.

Современный процесс цифровизации справедливо рассматривают как *новый этап технологической модернизации*, меняющий не только производственные, коммуникационные и прочие связанные с ними практики (образовательные, потребительские, досуговые и т.д.), но и общество и человека. По мнению ряда ученых, внедрение искусственного интеллекта может породить принципиально новую социальность, сопряженную с отчуждением и инструментализацией привычной, «старой» социальности в процессах взаимодействия человека с машиной и между людьми при посредстве машин [Резаев, Трегубова, 2021: 11]. Эту новую социальность еще только предстоит исследовать, однако, не заходя столь далеко, представляется возможным взглянуть на опутанный цифровой паутиной мир как на новейшую «мегамашину», которая на новый лад воспроизводит, иногда в сильно трансформированном виде, свойства социальности, порожденные своей древней предшественницей. Какие эвристические возможности для анализа непреднамеренных последствий развития цифровых технологий представляет концепция Мамфорда?

«Социальным прообразом», который предшествует созданию любой «мегамшины», в случае цифровых машин являются коммуникации. Как отмечает Мамфорд, информационные и телекоммуникационные технологии ориентированы на то, чтобы «совладать с огромностью» глобального пространства-времени, в котором мы вынуждены существовать. Побочным эффектом их развития, по мнению американского ученого, является рост объема информации и скорости ее движения, а также всех возможных видов связей и коммуникации. Американский ученый полагал, что эти гигантские объемы не соответствуют реальным потребностям общества в них, а являются продуктом развития самих технологий [Мамфорд, 1966]. Таким образом, если «мегамшина», описанная Мамфордом, предполагала экономию и использование труда, то цифровые машины предполагают коммуникации и информационные обмены, которые сами по себе становятся социальным и экономическим ресурсом.

«Мегамшина» востребовала и породила жесткий иерархический порядок. Прежде всего, знание и целеполагание в древних «мегамшинах» принадлежало властным и духовным элитам, носило сакрализованное и эзотерическое, преимущественно религиозное, характер и было недоступно массам простых работников [Мамфорд, 2001]. В этом можно усмотреть будущее «цифровое неравенство» – разделение на тех, кто создает и внедряет в нашу повседневную жизнь технологии на основе продвинутых и высокоспециализированных знаний, и тех, кто лишь использует их, не понимая смысла и принципов их функционирования. Ясно, что именно этим первым и принадлежит реальная власть над ресурсами и людьми в различных аспектах их производственной и частной жизни.

Цифровые технологии, относительно доступные в повседневном использовании, имеют сложную машинную и программную основу, овладение которой для простого пользователя не нужно и в полном объеме невозможно, и для которого действие цифровых устройств, по меткому замечанию У. Эко, все больше напоминает магию. В таком случае технические элиты цифрового общества – техномеритократия [Кастельс, 2004: 52], действительно обладают «эзотерическим» знанием. Однако если «мегамшина» и построенные под ее воздействием социальные связи и отношения предполагали выстраивание жестких иерархий, соответствующих позиции по отношению к целеполагающему и управляющему центру, то цифровизация актуализирует новые типы вертикальных взаимодействий. Сеть представляет собой переплетение горизонтальных и вертикальных связей, как отмечал еще М. Кастельс, она создается одновременно целенаправленными усилиями техномеритократических элит, где авторитет определяется реальными достижениями в области цифровых технологий, властных центров и обычных пользователей. При этом среди последних происходит перестроение множества социокультурных иерархий по цифровому, т.е. формальному и количественному, принципу.

Свойством древних мегамашин, проявляющимся и в современных социотехнических системах, стали контроль, порядок, предсказуемость действий людей, что неизбежно приводило к «регламентации и деградации некогда независимой деятельности человека: так впервые возникли “массовая культура” и “руководство массами”» [Мамфорд, 2001]. Самостоятельная, творческая, оригинальная работа, ориентированная на собственные потребности и вдохновение, непосредственно на других людей, на солидарность и эмпатию, на природу и Космос, стала объектом манипуляций со стороны внешних сил, господствующих над живыми людьми. Как подчеркивает Мамфорд, «машинную работу может выполнять только машина», т.е. у работников для того, чтобы стать «безгранично терпеливыми» деталями «мегамшины», должны сформироваться соответствующие качества, близкие к рефлексам, отвечающим на приказ, инструкцию, требование технического задания [Мамфорд, 2001].

Использование технических устройств – простых или сложных, движимых разными источниками энергии, предназначенных для различных целей, – продуцирует сущностно сходный порядок работы людей, предполагающий их адаптацию к машине любой сложности в едином пространстве-времени, темпе, ритме, настройке движений тела, ума,

психики. М. Фуко, рассматривая генезис и развитие дисциплинарной власти, в числе ее источников называл «политэкономия тела» как его приспособление для наиболее эффективного использования машин, как это происходит с фабричными рабочими или солдатами [Фуко, 1999: 201–202].

Цифровые машины меняют смысл дисциплины и дисциплинарной власти, которая теперь основывается не столько на сознательном и целенаправленном подчинении и тонкой *настройке действий на внешние принуждающие факторы* – работу механизма, эффективное действие оружия и т.п., а на почти неосознанном следовании внутренним алгоритмам цифровых устройств. Возможно, именно поэтому *цифровые общества осуществляют всесторонний контроль над практически всеми проявлениями жизни человека*, неотвратимо отслеживая, фиксируя и даже наказывая любые нарушения предписаний. Появление «цифровых диктатур» с системами «социального рейтинга» связано уже не с контролем над действиями и функциями человека, как это было с дисциплинарной властью (М. Фуко), а с *тотальным контролем над самим человеком* в любых его проявлениях. Как и в условиях дисциплинарной власти, он предполагает в качестве результата не только наказание для нарушителей, но и ранжирование и классификацию законопослушных по их навыкам в определенных видах деятельности. Но если, по М. Фуко, это происходит в соответствии с очевидными техническими требованиями «политэкономии тела» в конкретной сфере [Фуко, 1999: 201–202], то цифровой контроль основывается на непредсказуемых критериях внешних систем, представляющих власть, бизнес, организацию производства, социальные службы, медицину, средства массовой информации и многие другие институты современного общества, по-своему заинтересованные в человеке и стремящиеся его использовать. Попросту говоря, современный человек не знает, кто, где, когда и зачем следит за ним и собирает о нем информацию, каким образом она будет использована и к какой категории в классификации того или иного типа он будет отнесен.

Мамфорд подчеркивал, что «такая власть, чтобы процветать на своих собственных основаниях, должна разрушить симбиотические кооперации между всеми видами и общностями, существующими для человеческого выживания и развития» [Мамфорд, 1986]. То есть, прежде чем люди объединятся с помощью технических устройств и подчинятся им, они должны быть *изъяты из практически всех систем их естественных социальных связей* – общин, семей, сетей, дружеских, конфликтных и т.п. отношений, и помещены в по-новому структурированные и отформатированные системы связей. Это характерно и для цифровых технологий, но на качественно новом уровне. Они позволяют человеку освободиться от принудительности производственной и любой другой технически навязанной дисциплины, некоторые категории работников получают возможность выполнять свои функции, не присутствуя на рабочем месте, которое становится гибким и подвижным, удаленно решать разнообразные административные, управленческие, образовательные, и проч. вопросы. Пандемия способствовала повсеместному распространению удаленной работы и ограничению мобильности, что, на первый взгляд, еще сильнее привязало человека к его месту жительства и ограниченному кругу бытовых взаимодействий. Однако более глубокий анализ заставляет принимать во внимание, что включения в цифровые сети, тем более не повседневные и добровольные, а обусловленные трудовой необходимостью, при всей их возможной гибкости, все же предполагают сильную зависимость работника от доступности связи (Интернета), современных высокоскоростных устройств, обеспечивающих бесперебойное присутствие в сети с достаточной скоростью, и соблюдение прочих технических требований для удаленной работы, т.е. уже не внешне-принудительно, а сознательно и целенаправленно подчинять свою жизнь, ее распорядок логике цифровых посредников. Изъятию человека из первичных сообществ с близкими социальными связями способствуют его вовлечение в социальные сети, разного рода интернет-сообщества, в том числе и игровые, как повод и возможность уйти в «виртуальную реальность».

В индустриальном обществе изъятый из традиционной среды работник находил новые формы классовой солидарности на производстве, то есть машинный труд не полностью устранял, а переформатировал социальные отношения. Цифровые бизнес-платформы предоставляют новые возможности занятости на любых условиях, удаленной, «гибкой», краткосрочной работы под конкретный проект и даже отдельное задание. Формирующийся на этих основаниях «гиг-капитализм» способствует фрагментации класса наемных работников, лишая их возможности объединяться для защиты своих интересов, ослабляет их позиции в противостоянии работодателям² [Платформенный капитализм..., 2017].

Появляются новые форматы социальной мобилизации, которые позволяют объединяться для демонстрации протеста разного типа – выступлений и антиглобалистов, и «желтых жилетов», и локальных сообществ, защищающих свои интересы, вплоть до организации массовых протестов в ходе «цветных революций». Однако при всей социальной и политической значимости эти активные, но не имеющие единой идеологии, четко сформулированных целей, программы, организации, иерархии, поэтому быстро затухающие массовые протесты способствуют достижению целей их неочевидных организаторов, а не самих участников, поэтому не представляют функциональной альтернативы институционализированному профсоюзному движению и политическим партиям недавнего прошлого.

Для «мегамашин» прошлого характерно, как показал Мамфорд, обезличивание, деперсонализация используемого человеческого материала. Еще древние гидравлические цивилизации создали «мегамашину» для войн и массовых строительных работ, объединяя людей посредством бюрократии и системного насилия в огромные машиноподобные организации, где каждый служил для выполнения конкретных функций в рамках достижения общей цели, утрачивая при этом свои индивидуальные черты и свойства. На первый взгляд, цифровизация имеет прямо противоположные последствия, представляет беспрецедентные возможности для максимального выявления индивидуальных особенностей, личных интересов, вкусов, предрасположенностей каждого, кто вступает в опосредованные цифрой взаимодействия. Однако одновременно она предполагает и размывание идентичностей, и в этом смысле деперсонализацию. Например, интернет-коммуникации допускают сокрытие их участниками своей персоны под «никном» и «аватаром», принятие чужих ролей, что минимизирует ответственность за содержание и форму высказываний, в том числе за нарушения этических норм, нетерпимость, агрессию. Можно создать сколько угодно «цифровых двойников» и под их прикрытием включиться в самые разные, иногда диаметрально противоположные ролевые сценарии. Наряду с людьми, в коммуникации включаются «боты», создаваемые в целях повышения эффективности некоторых процессов в цифровом бизнесе, оптимизации коммуникативных пространств и т.п. Они создают иллюзии общения, подменяющие человеческие взаимодействия формально выстроенными вопросами-ответами, причем на таком высоком уровне, что возникает проблема их распознавания. Уникальная, неповторимая, целостная личность теряется в множестве «цифровых сущностей» (У. Бек).

Подводя итог, можно констатировать *существенные отличия* современного цифрового общества от классической «мегамашины» Мамфорда: здесь формируются не иерархические отношения с внешним локусом контроля, а горизонтальные сети с внутренним локусом контроля; они не предполагают, в большинстве своем, скоординированных коллективных усилий, при которых каждый участник сети должен был бы превратиться в деталь гигантского механизма и работать для него. Однако есть как минимум три оговорки, актуализирующие образ *новой, гибкой и «текучей»* (З. Бауман) «мегамашины».

Во-первых, существует общая логика цифровых машин, логика лежащих в их основе формальных алгоритмов, как правило, не рефлекслируемых обычными пользователями,

² Платформенный капитализм: новый вызов для пролетариата. URL: <https://work-way.com/blog/2017/11/09/platformennyj-kapitalizm-novyj-vyzov-dlya-proletariata/>

но латентно задающих правила их взаимодействий. Здесь цифровые коммуникации становятся внешней по отношению к их участникам средой, которой передаются волевые, организационные, отчасти и интеллектуальные качества людей. Поэтому выбор и соблюдение норм и правил социальных отношений остается принудительным, но при этом не осознанным, актуальным, не очевидным, поскольку эти нормы и правила являются встроенным элементом цифровых сетей. Деформализация установленных цифровых правил уже невозможна, поскольку она вела бы к деградации всей системы.

Во-вторых, использование цифровых устройств, подключение к ним в современном мире принимает принудительный характер, но не в силу внешнего давления, а вследствие их безальтернативности в целом ряде форм социальных, в том числе институционализованных, взаимодействий, сама доступность которых определяется наличием цифровых компетенций и соответствующих устройств. Большинство производственных, финансовых, административных, образовательных, социально-обеспечительных, коммуникативных практик опосредуется цифровыми технологиями, что приводит к эксклюзии тех, кто ими не владеет или сознательно не хочет пользоваться. Более того, даже независимо от своей воли человек обретает «электронного двойника» в виде «следов» повседневных покупок, получения социальных, медицинских, образовательных услуг, уплаты налогов и штрафов и т.д. Таким образом, избежать подключения к цифровым сетям современный человек, ведущий полноценную социальную жизнь, уже в принципе не может.

В-третьих, в определенных условиях цифровые машины принимают на себя функции принятия решений на основе обработки большого объема информации, а также управления, в случае, например, «интернета вещей» и «искусственного интеллекта», получающего распространение уже не только на производстве, но и в сферах финансов, логистики, энергетики, потенциально в административном и государственном управлении, в маркетинге, рекламе и прочих сферах жизни. Таким образом, на уровне «Общества 5.0» возникает новая ипостась «мегамашины», способной принимать решения и организовывать жизнь людей на основе, возможно, наиболее эффективных и рациональных, но все же внешних по отношению к их собственной воле и разуму, знаний.

«Текучий» характер новой «мегамашины» определяется тем, что для включения в опосредованные цифровыми машинами взаимодействия важно не овладеть их жесткими алгоритмами, а научиться адаптироваться к многообразию возможных благодаря им решений. Как технологические, так и социокультурные нормативные образцы не являются однозначными и линейными, а требуют выбора из многих возможных вариантов действий, постоянно переопределяются и задаются дискурсивно, предполагая не вполне предсказуемый результат.

Основные выводы. Представляется, что использование классического наследия способствует пониманию новых реалий, как бы сильно они не отличались от тех, которые были в поле зрения классиков. Концепция «Мегамашины» Л. Мамфорда дает модель понимания новейших способов принудительной интеграции и использования людей даже при отсутствии очевидных властных центров и единых задач. В качестве обобщающего вывода представляется целесообразным использовать идею К. Маркса о том, что если в капиталистических обществах *овеществленный труд господствовал над живым*, то в действующих цифровых сетях *информация, социальные связи, коммуникации, интеллект, опредмеченные, а затем и овеществленные в символических системах и сложном оборудовании, приобретают возможность господствовать над живым интеллектом и реальными коммуникациями, а также социальными связями*. «Стоя на плечах гигантов» можно увидеть такие особенности современных социальных структур, отношений и практик, которые без них оставались скрытыми. Специфику цифрового общества не стоит преувеличивать: эвристические возможности социологической классики позволяют увидеть как сходство с индустриальными и даже традиционными обществами, так и порожденные технологическими посредниками особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутенко И.А. Постмодернизм как реальность, данная нам в ощущениях // Социологические исследования. 2000. № 4. С. 3–11.
- Кастельс М. Галактика интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
- Мамфорд Л. Механический ритм жизни // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 239–240.
- Мамфорд Л. Миф машины. М.: Логос, 2001.
- Мамфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 225–239.
- Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 4–19. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1905
- Романовский Н.В. О современном этапе развития социологии // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 22–31.
- Тощенко Ж.Т. Социология: пути научной реформации // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 3–15.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.
- Kaesler D. Wozu braucht es die Klassiker der Soziologie? URL: <https://literaturkritik.de/id/16957> (дата обращения: 15.02.2022).
- Mumford L. Technics and Civilization. Harcourt, Brace & World, 1963. URL: https://books.google.ru/book/sid=PU7PktesGUoC&pg=PA9&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false/ (дата обращения: 16.02.2022).
- Schwinn T. Klassikerdämmerung. 100 Jahre Max Weber im Kontext der Soziologiegeschichte und des aktuellen Zustandes unserer Disziplin // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 2020. Vol. 72. S. 351–381.

Статья поступила: 17.03.22. Принята к публикации: 01.04.22.

THEORETICAL HERITAGE OF SOCIOLOGY CLASSICS FOR THE ANALYSIS OF MODERN SOCIETY (The Case of L. Mumford Conception)

ZARUBINA N.N.

Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia, Russia

Natal'ja N. ZARUBINA, Dr. Sci. (Philos.). Prof., Prof. of the Department of Sociology, Moscow State University of International Relations, MFA of Russia, Moscow, Russia (n.zarubina@inno.mgimo.ru).

Abstract. The article analyzes the potential of classical sociological theories for the research of modern societies. It is shown that the reason for the loss of interest in the classical heritage is the spread of vulgar interpretations of sociological postmodernism, radicalizing the rejection of theoretical meta-narratives, as well as presentism in the research attitudes of young sociologists. Using the example of L. Mumford's "megamachine" concept, the heuristic possibilities of sociological classics for understanding social relations in a digital society are shown. There are similarities and differences of the "megamachines" of the past as machine-like social organizations created to maximize human labor, managerial, etc. functions with social connections mediated by digital media. The conclusion is made that the application of the "megamachine" concept to modern society actualizes an assumption that if in the societies of classical capitalism materialized labor had dominated the living (K. Marx), then in a digital society objectified by and embodied in symbolic systems and in complex techniques communication, information and intelligence assert their dominance over live communications and social connections.

Keywords: sociological classics, digital society, L. Mumford's concept of "megamachine", centralization and decentralization, social control, social networks, depersonification, living and materialized labor.

REFERENCES

- Butenko I.A. (2000) Postmodernism as a reality given to us in sensations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–11. (In Russ.)
- Foucault M. (1999) *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Kastel M. (2004) *Internet Galaxy*. Ekaterinburg: U-Factoryiya. (In Russ.)
- Keasler D. *Why do we need the classics of sociology?* URL: <https://literaturkritik.de/id/16957> (accessed 15.02.2022). (In Germ.)
- Mumford L. (1963) *Technics and Civilization*. Harcourt, Brace & World. URL: https://books.google.ru/book/sid=PU7PktesGUoC&pg=PA9&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false (accessed 16.02.2022).
- Mumford L. (1986) Mechanical rhythm of life. In: *Skepsis: Scientific and Educational Journal*. Moscow: Progress: 225–239. (In Russ.)
- Mumford L. (2000) *The Myth of the Machine. Technology and Human Development*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Platform capitalism: a new challenge for the proletariat*. URL: <https://work-way.com/blog/2017/11/09/platformennyy-kapitalizm-novyjvzov-dlya-proletariata/> (accessed 05.04.2020).
- Rezaev A.V., Tregubova N.D. (2021) Artificial Intelligence and Artificial Sociality: New Phenomena and Challenges for the Social Sciences. *Vestnik obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 4–19. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1905. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2007) On the current stage of development of sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 22–31. (In Russ.)
- Schwab K. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*. Moscow: EKSMO. (In Russ.)
- Schwinn T. (2020) Classic twilight. 100 years of Max Weber in the context of the history of sociology and the current state of our discipline. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* [Cologne Journal of Sociology and Social Psychology]. Vol. 72: 351–381. (In Germ.)
- Toshchenko Zh.T. (1999) Sociology: ways of scientific reformation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 3–15. (In Russ.)

Received: 17.03.22. Accepted: 01.04.22.

© 2022 г.

М.А. КЛУПТ

ТРЕВОГИ XXI ВЕКА: МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ НА РОЖДАЕМОСТЬ

КЛУПТ Михаил Александрович – доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Санкт-Петербург, Россия (klupt@mail.ru).

Аннотация. Сравниваются краткосрочные механизмы, связывавшие чередование кризисов и послекризисных периодов с динамикой рождаемости в странах вишеградской группы, скандинавских странах и России. Совместное описание таких механизмов позволяет существенно дополнить объяснения динамики рождаемости, основанные на теориях демографического перехода. Снижение рождаемости в России в конце 2010-х гг. лишь частично объясняется действовавшим с начала 1980-х гг. механизмом реагирования рождаемости на изменения уровня жизни семей с детьми, обусловленные экономическими спадами, подъемами и мерами демографической политики. Анализ на макроуровне позволяет предположить, что новыми факторами, негативно повлиявшими на рождаемость в России, стали, как и в скандинавских странах, нарастающая прекаризация занятости «молодых взрослых» и тревожность, обусловленная неопределенностью жизненных перспектив. Для проверки этой гипотезы необходим анализ взаимосвязей между оценкой жизненных перспектив, репродуктивными намерениями и репродуктивным поведением на микроуровне. Все более актуальным становится также анализ влияния на рождаемость социальных медиа, способных значительно интенсифицировать и ускорить процессы передачи паттернов репродуктивного поведения.

Ключевые слова: рождаемость • механизм • кризис • тревога • неопределенность • сравнительный анализ • демографическая политика

DOI: 10.31857/S013216250018464-3

С начала нынешнего века мир переживает череду глобальных, региональных и локальных кризисов, охватывавших различные сферы жизни – от международных отношений и экономики до здравоохранения и природной среды. Все эти кризисы, усиливая ощущения тревоги и неопределенности, влияют, как правило, негативно, на рождаемость в развитых странах, включая Россию. Анализу механизмов влияния на рождаемость неопределенности и тревоги и посвящена данная статья.

Механизмы влияния. Понятие «механизм», по справедливому замечанию авторов одной из недавних работ [Knight, Read, 2019: 234], стало в социологии вездесущим. Его общепризнанного и устоявшегося определения, как показали [Hedström, Ylikoski, 2010; Knight, Read, 2019], систематизировавшие работы различных авторов, однако, так и не сложилось. Ввиду этого мы будем далее определять механизм *ad hoc* применительно к целям данной статьи и понимать под ним цепь состояний и событий, один звенья которой тем или иным образом обуславливают появление других. Механизм, следовательно, будет трактоваться далее в качестве онтологической категории, обозначающей реально существующую каузальную цепь, а описание механизма – как эпистемологическая категория – инструмент, сконструированный для ее изучения.

Описания механизмов, так как они будут использоваться в данной статье, отличаются от построения теорий гораздо меньшими по сравнению с ними претензиями на пространственную и временную общность выявляемых каузальных связей. Теории демографического перехода, например, претендуют на предсказание и объяснение процессов, охватывающих как минимум полвека и несколько континентов. Кроме того, в основе этих теорий лежит, как правило, предположение об одном генеральном механизме, являющемся движущей силой такого перехода. Между тем механизмы могут быть специфичными для одной страны или некоторой группы стран, действовать лишь короткий период времени и складываться в самые различные конфигурации. Общение в социальных сетях, например, представляет собой механизм, способный ускорять изменения репродуктивного поведения благодаря увеличению скорости передачи таких паттернов от референтных групп к их подражателям. При этом сами паттерны могут способствовать как повышению рождаемости, так и ее снижению или влиять главным образом на методы контрацепции, не оказывая на рождаемость сколько-нибудь существенного влияния.

Различие между построением теорий демографического перехода и исследованием механизмов можно, таким образом, уподобить различию между анализом многомерной таблицы сопряженности как целого и детерминационным анализом ее данных [Чесноков, 1982]. В первом случае результатом становятся интегральные характеристики исследуемого пространственно-временного континуума, во втором – обнаруженные в нем каузальные цепочки, каждая из которых может быть связана с другими различным образом или вообще не связана с ними. В рассматриваемом нами случае в качестве таких цепочек могут, например, выступать механизмы, тем или иным способом связывающие кризисы и вызванные ими переживания тревоги и неопределенности будущего с динамикой рождаемости.

Еще одним отличием анализа механизмов от теорий демографического перехода является то, что последние однозначно предсказывают конечный пункт перехода. Результатом исследования механизмов, напротив, является указание возможных сценариев будущего развития. Это различие во многом обусловлено тем, что в силу краткосрочного действия того или иного механизма может происходить достаточно быстрое переключение с одного механизма на другой.

Структура тревог в современном мире, как показывают эмпирические исследования, обладает выраженной страновой спецификой. Опрос, проведенный в середине 2010-х гг., показал, например, что в России обеспокоенность экологической ситуацией находится в середине ранжированного списка 25 тревог россиян [Долгорукова и др., 2017: 59, 60]; ВЦИОМ в 2020 г. и вовсе не включил ее в свою «карту страхов»¹. В странах Запада, напротив, «эко-тревога» оказывает, как свидетельствуют результаты кросснационального опроса, значительное влияние на эмоциональное состояние молодежи [Thompson, 2021]. Существенно зависит от страновой специфики и динамика рождаемости. Учитывая это, мы рассмотрим далее механизмы детерминации рождаемости в странах с разной исторической судьбой. Наш сравнительный анализ охватит государства, входившие до 1990-х гг. в советский блок, скандинавские страны и Россию.

Страны Вишеградской группы. В странах Вишеградской четверки – Венгрии, Польше, Словакии и Чехии, а также Болгарии и Румынии, ранее входивших наряду с ними в советский блок, рождаемость менялась W-образно, снижаясь в годы кризисов и демонстрируя тенденцию к росту после их завершения². Трансформационный кризис 1990-х гг. привел в этих странах к резкому снижению рождаемости. По его окончании и до глобального

¹ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karta-strakhov-rossijan-osen-2020> (дата обращения: 26.01.2021).

² Во избежание многословия, а также в силу того, что задача разделения квантум-эффекта и сдвигов в календаре рождений часто не имеет ни однозначного, ни общепризнанного решения, в случаях повышения или снижения суммарного коэффициента рождаемости (СКР) для условного поколения мы в дальнейшем будем говорить просто о повышении и снижении рождаемости.

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости в странах, ранее входивших в советский блок, 1990–2020 гг.

Страна	Суммарный коэффициент рождаемости							
	1990	2000	2009	2011	2017	2018	2019	2020
Болгария	1,82	1,26	1,66	1,51	1,56	1,56	1,54	1,56
Румыния	1,83	1,31	1,66	1,47	1,71	1,76	1,77	...
Словакия	2,09	1,30	1,44	1,45	1,52	1,54	1,57	...
Чехия	1,90	1,15	1,51	1,43	1,63	1,59	1,71	1,71
Венгрия	1,87	1,32	1,32	1,23	1,49	1,49	1,49	1,56
Польша	1,99	1,37	1,41	1,33	1,45	1,43	1,42	1,41

Примечание. «...» – нет сведений.

Источники: Demoscope Weekly (URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>) и данные Евростата; за 2020 г. – данные национальных статистических служб.

финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. рождаемость росла, но в 2010–2011 гг. последовало ее новое, на этот раз лишь краткосрочное снижение. Несмотря на новое небольшое увеличение рождаемости в последующие годы, к началу пандемии COVID-19 ее уровень был по-прежнему далек от отметки простого замещения поколений (табл. 1).

Страны Вишеградской группы относятся к числу немногих государств Евросоюза, правительства которых выдвигают проблему низкой рождаемости на первый план политической повестки. В краткой декларации по вопросам семьи, подписанной в мае 2021 г. министрами, курирующими социальное развитие стран четверки, говорится о семье как основе общества и необходимости совместных исследований семьи в контексте демографических вызовов³. Формулировки «Декларации о демографическом обновлении Европы», подписанной политическими руководителями стран Вишеградской группы и президентом Сербии на будапештском саммите в сентябре 2021 г., уже напрямую связывают рождаемость с вопросами сохранения христианской идентичности Европы. «Увеличение числа европейских детей, – говорится в ней, – имеет важное значение для сохранения христианской культуры и других религиозных традиций для будущих поколений»⁴. В названном документе подчеркивается также необходимость поддержки семей с тем, чтобы они могли иметь то число детей, которое желают.

Семейная политика стран вишеградской четверки плотно вписана в контекст внутри- и внешнеполитической борьбы. Она в немалой степени связана с противостоянием на западной политической арене двух «интернационалов» – консервативного и либерального, о чем, в частности, свидетельствует присутствие на будапештском саммите в качестве почетного гостя М. Пенса, вице-президента США в годы президентства Д. Трампа. Если страны четверки декларируют в качестве верховного приоритета поддержку семьи, то европейские и американские либералы рассматривают правительства Венгрии и Польши как главных лоббистов «ультраконсервативной» повестки в ЕС, препятствующих доминированию в нем тем гендерного равенства и прав ЛГБТ.

По данным ОЭСР, государственные расходы на поддержку семей в форме пособий, субсидирования услуг и налоговых льгот (в процентах к ВВП) в Венгрии и Чехии составляют соответственно 3,47 и 2,92%, заметно превышая средний по странам ЕС уровень (2,57%) и лишь немногим уступая лидирующей по этому показателю Франции (3,60%).

³ Joint Declaration of V4 Ministers Responsible for Family Issues. URL: <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2021/joint-declaration-of-v4> (дата обращения: 18.01.2022).

⁴ Declaration on the Demographic Renewal of Europe URL: <https://primeminister.hu/vikstories/declaration-demographic-renewal-europe/> и URL: <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2021/joint-declaration-of-v4> (дата обращения: 18.01.2022).

В Польше эти расходы выросли с 1,74% ВВП в 2014 г. до 2,99% в 2017 г.⁵ В настоящее время значительное увеличение средств, выделяемых на поддержку семьям, планируется и в Словакии, пока отстающей в этом отношении от других стран четверки⁶.

Несмотря на увеличение государственных расходов на поддержку семьи в странах Вишеградской четверки, «отклик» рождаемости на них разительно уступает тому, что наблюдался в этих странах после начала реализации мероприятий демографической политики полвека назад. В Чехии (в составе бывшей Чехословакии) после проведения таких мероприятий 1970–1973 гг. СКР вырос с 1,87 в 1969 г. до 2,46 в 1974 г., в Венгрии после повышения в 1974 г. надбавок семьям с двумя детьми и пособий – с 1,93 в 1973 г. до 2,35 в 1975 г. В отличие от этого небольшое повышение рождаемости, наблюдавшееся в странах Вишеградской четверки в конце 2010-х гг., вполне вписывается в проциклический механизм ее динамики и может быть лишь в очень небольшой степени связано с мерами семейной политики или даже вовсе не связано с ними. В пользу этого вывода свидетельствует также то, что значения СКР в государствах четверки в конце 2010-х гг. были близки к наблюдаемым в Болгарии и немного уступали Румынии – странам, не отличающимся щедрой семейной политикой. К сказанному следует добавить, что фактический запрет абортов в Польше не оказывает на рождаемость в ней какого-либо положительного влияния – рождаемость в этой стране остается самой низкой среди европейских стран, входивших до 1990-х гг. в советский блок.

Данные опросов, проведенных в Польше, свидетельствуют о том, что на протяжении 1996–2019 гг. желаемое число детей в этой стране практически не менялось. Около половины респондентов (50% в 1996 г. и 47% в 2019 г.) сообщали о том, что «безотносительно к брачному статусу, возрасту и уже имеющемуся числу детей» им хотелось бы иметь двоих детей; около четверти – троих (в 1996 г. 23%, в 2019 г. – 28%). Ответы «один ребенок» выбрало соответственно 8% и 6% респондентов, «четырех и более» – 10% и 11%, «ни одного» – 1% и 2% [Sikorska, 2021: 3].

Ситуация, таким образом, выглядит парадоксальной – правительство декларирует важность повышения рождаемости и проводит направленные на это мероприятия, население заявляет о своем желании иметь двоих и более детей, однако СКР лишь немногим превышает 1,4. Одним из возможных объяснений такой ситуации является то, что вместе с ростом уровня жизни происходит и рост материальных запросов. В результате конкурентная позиция потребности в детях по отношению к другим потребностям не улучшается и разрыв между желаемым и фактическим числом детей остается прежним.

Продолжение движения по этому заколдованному кругу является весьма вероятным. В Польше, например, пронаталистские меры семейной политики, осуществляемые после прихода к власти Партии права и справедливости, являются важным фактором ее электоральной поддержки менее обеспеченными, более религиозными и консервативными избирателями, проживающими преимущественно за пределами крупнейших городов. Электоральные и идеологические соображения будут поэтому стимулировать наращивание или хотя бы сохранение ранее принятых мер семейной политики, однако способность этих мер увеличить относительную значимость потребности в детях в ряду других потребностей индивида остается под вопросом.

Скандинавские страны. Резкое снижение рождаемости, наблюдавшееся после окончания «великой рецессии» в тех развитых странах, где перед ее началом СКР были близки к отметке простого замещения поколений (табл. 2), поставило на повестку дня целый ряд новых теоретических и практических вопросов. Падение рождаемости в годы кризисов и ее рост в периоды экономических подъемов наблюдались в прошлом не только

⁵ Здесь и далее данные о таких расходах приведены на основе табл. PF1.1 OECD Family Database. URL: <https://www.oecd.org/els/family/database.htm> (дата обращения: 18.01.2022).

⁶ URL: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/slovakia-to-support-families-in-material-need/ (дата обращения: 19.01.2022).

Таблица 2

Суммарные коэффициенты рождаемости в некоторых развитых странах, 1980–2020 гг.

Страна	Суммарный коэффициент рождаемости				
	значения в 1980–2009 гг.*		2010	2015	2020
	минимальное	максимальное			
Россия	1,16 (1999)	2,23 (1987)	1,57	1,78	1,51
Великобритания	1,63 (2001)	1,91 (2008)	1,92	1,80	1,58**
Франция	1,66 (1994)	2,01 (2008)	2,03	1,96	1,79
США	1,80 (1983)	2,12 (2007)	1,93	1,84	1,64
Норвегия	1,66 (1983)	1,98 (2009)	1,95	1,72	1,48
Финляндия	1,59 (1987)	1,86 (2009)	1,87	1,65	1,37
Швеция	1,50 (1999)	2,13 (1990)	1,98	1,85	1,67

*В скобках год, в котором наблюдалось данное значение.

**Англия и Уэльс.

Источники: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2020 гг. Приложение к Российскому статистическому ежегоднику 2021 (электронная версия). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> и источники, указанные в табл. 1.

в государствах, ранее входивших в советский блок, но и во многих странах с давними традициями рыночной экономики. В США, например, коэффициент корреляции между темпами прироста ВВП и СКР, рассчитанный по данным за 1980–2008 гг., составил 0,47, в Бельгии 0,46, в Нидерландах 0,59, в Швеции 0,49, а его наиболее высокие значения наблюдались в Греции (0,69) и Ирландии (0,63) [Sobotka et al., 2011: 295]. Естественным поэтому казалось предположить, что рождаемость в тех странах, где она приближалась в канун «великой рецессии» к отметке простого замещения поколений, вернется по окончании кризиса к прежним уровням. Однако, вопреки ожиданиям, в 2010-е гг. механизм проциклической рождаемости так и не включился – хотя показатели уровня безработицы и темпа роста ВВП, с помощью которых обычно оценивалось влияние экономического цикла на рождаемость, и вернулись в обычное русло, рождаемость продолжала снижаться.

Особого внимания заслуживает снижение рождаемости в скандинавских странах, для которых, как и для России, характерно стремление государства прямо или косвенно способствовать более высокой рождаемости. В начале 2019 г. Э. Сульберг, возглавлявшая в то время правительство Норвегии, даже попросила родителей заводить детей, поскольку это способствует благосостоянию⁷.

«Брендом» семейной политики Швеции и Норвегии являются отцовские квоты в составе родительского отпуска – определенная его часть может быть использована только отцами и ее невозможно передать матери ребенка. Эти квоты – в отличие, например, от Японии и Кореи, используются подавляющим большинством отцов. Скандинавские государства в этой связи рассматривались теорией дивиденда гендерной справедливости [Anderson, Kohler, 2015] как пионеры тех социальных изменений, за которыми последуют другие развитые страны.

Историческая траектория рождаемости в соответствии с данной теорией представлялась V-образной – на первой ее стадии матери семейств не были обременены оплачиваемой занятостью, поэтому рождаемость была высокой, на второй – на работающих матерей легла двойная нагрузка, и рождаемость снизилась, на третьей – в домашние заботы – сначала в скандинавских, а затем в других развитых странах, наряду с матерями включаются отцы, и рождаемость снова возрастает. Однако, хотя снижения вовлеченности отцов

⁷ URL: <https://Norrman.uppmanas.att.skaffa.fler.barn> – Studio Ett | Sveriges Radio (дата обращения: 21.01.2022).

в семейные заботы в скандинавских странах не наблюдалось, а семейная политика оставалась все также щедрой, траектории рождаемости, в противоположность данной теории, сложились в перевернутую букву V. Особенно неожиданным было исключительно резкое снижение рождаемости в Финляндии, где СКР уменьшился с 1,87 в 2010 г. до 1,37 в 2020 г.

Число работ, посвященных поиску причин скандинавского феномена, в настоящее время быстро нарастает. Используемый в них подход в известной мере альтернативен тому, что лежит в основе недавней дискуссии между авторами теорий второго демографического перехода [Lesthaeghe, 2020] и дивиденда гендерной справедливости [Anderson, Kohler, 2015]. Участники этой дискуссии, в сущности, спорят о том, какой из механизмов детерминации рождаемости в скандинавских странах – распространение «ценностей второго демографического перехода» или расширяющееся участие отцов в воспитании детей является самым главным. В отличие от этого, работы, рассматриваемые ниже, формируют скорее цель взаимосвязанных гипотез, нежели законченное и внутренне целостное объяснение скандинавского феномена. Совокупность таких гипотез выглядит следующим образом.

Культурной особенностью западных постиндустриальных обществ является стремление индивида трансформировать эмоциональное состояние тревоги в рациональную оценку рисков и контроль над ними [Rebughini, 2021: 560]. При этом нарастает склонность индивидов к оценке не только сиюминутных, но и будущих рисков. В результате даже работники, сохранившие после кризиса рабочие места и прежний доход, могут отказываться от деторождения из опасения потерять их в будущем [Comolli et al., 2019]. Кроме того, основной проблемой для вступающей во взрослую жизнь молодежи является не безработица как таковая, а неустойчивость занятости. Сложившаяся же схема родительских отпусков не учитывает потребности тех, у кого нет постоянной работы, на которую они могли бы вернуться⁸. В результате основной вклад в снижение рождаемости (в 2010–2018 г. в Норвегии 83%, в Швеции 87%) вносят именно первые рождения, при этом снижение рождаемости нельзя объяснить только откладыванием рождений [Hellstrand et al., 2021: 1384, 1385].

Наряду с этим, снижение рождаемости ускоряется тем, что негативное отношение к деторождению с помощью социальных медиа чрезвычайно быстро распространяется от референтных групп к реципиентам информации [Hilamo, 2019]. Косвенно это подтверждается эмпирическими данными, согласно которым у бездетных респондентов частота обращения к социальным медиа находится в прямой зависимости с тревожностью в восприятии реальности и предпочтением бездетного стиля жизни [Savelieva et al., 2021].

Данные работы не заменяют, а скорее дополняют сложившиеся ранее теории рождаемости, поскольку глубинным фактором, взаимосвязанным со всеми вышеназванными, является изменение репродуктивных установок. В Финляндии, например, число детей, которые респонденты назвали идеальным для себя, снизилось с 2,45 в 2007 г. до 1,99 в 2015 г.; доля тех, кто назвал своим идеалом бездетность, выросла с 2–4% по результатам предыдущих обследований до почти 14,8% в 2015 г. [Miettinen, 2015: 24, 27]. Следствием этого становятся нарастающие показатели бездетности. В Финляндии доля мужчин, еще не ставших к возрасту 40–44 лет отцами, выросла с 21% в когорте 1945–1949 гг. рождения до 40% в когорте 1975–1979 гг. рождения, среди женщин к этому возрасту еще не становились матерями соответственно 17% и 28% [Miettinen, Rotkirch, 2017: 143]. Доля женщин 1988 г. рождения, не ставших к возрасту 30 лет матерями, составила в Норвегии 46,5%, Финляндии 52,2% и Швеции 47,6% [Hellstrand et al., 2021: 1388].

Реформа семейной политики Финляндии, реализацию которой предполагается начать в августе 2022 г., предусматривает увеличение длительности оплачиваемых родительских отпусков, расширение возможностей для использования их в удобное родителям время

⁸ URL: <https://www.elfac.org/why-are-birth-rates-in-sweden-falling/> (дата обращения: 21.01.2022).

и выбора того, кто из родителей будет использовать отпуск⁹. Вопрос о том, «откликнется» ли рождаемость на эти мероприятия, остается открытым.

Россия. Волнообразная динамика СКР в России на протяжении последних сорока лет была обусловлена действием двух механизмов – изменений рождаемости вслед за изменениями уровня жизни, вызванными экономическими подъемами и спадами, и влиянием мер демографической политики, активизация которой дважды – в начале 1980-х и середине 2000-х гг., приводила к росту рождаемости. Траектории реальной заработной платы¹⁰, рассчитанной в процентах к 1990 г., и значений СКР, передвинутых на два года вперед по отношению к реальной зарплате, почти синхронны (рис.). Коэффициент корреляции между реальной заработной платой (в % к 1990 г.) в году t ($1990 \leq t \leq 2018$) и СКР в году $t+2$ был очень высоким ($r = 0,911$). Между реальной заработной платой в процентах к предыдущему году и приростом значений СКР (также по сравнению с предыдущим годом) наблюдалась не столь тесная ($r = 0,496$), но также статистически значимая на уровне $\alpha = 0,01$ корреляция. Опосредующим звеном между состоянием экономики и рождаемостью служила при этом оценка населением экономической ситуации как благоприятной или неблагоприятной для рождения детей (рис.).

В 2015 г. в России начался экономический спад – снижение реальной заработной платы по сравнению с 2014 г. составило в 2015 г. 9,0%. В 2016 и 2017 гг. реальная заработная плата все еще отставала от уровня 2014 г. соответственно на 8,3% и 5,6%, и лишь в 2018 г.

Рис. Динамика суммарного коэффициента рождаемости и реальной заработной платы в России в 1990–2020 гг.

Источник: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2020 гг. Приложение к Российскому статистическому ежегоднику 2021 (электронная версия). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396> и расчеты автора на основе данных указанной публикации.

⁹ URL: Family leave reform to increase gender equality and flexibility in daily lives of today's families and in everyday working life – Ministry of Social Affairs and Health (stm.fi) (дата обращения: 26.01.2021).

¹⁰ Использование в качестве показателя уровня жизни именно реальной заработной платы обусловлено, во-первых, тем, что в России, в отличие от многих развитых стран, кризисы отражаются на заработной плате сильнее, чем на уровне безработицы, и, во-вторых, недостатками показателя реальных доходов населения, методика расчета которого многократно критиковалась специалистами.

превысила этот уровень на 2,4%¹¹. Негативное влияние на динамику рождаемости могло оказать также прекращение в 2016 г. индексации материнского капитала, воспринятое населением как один из признаков того, что на смену «тучным» годам приходят более скудные. Произошедший в 2017 г. переход от преимущественно позитивных комментариев в пронаталистских группах социальной сети «ВКонтакте» к преимущественно негативным, зафиксированный российскими исследователями [Kalabikhina et al., 2021: 18], может трактоваться и как одно из свидетельств смены оптимистических настроений на тревожные.

Снижение СКР с 1,78 в 2015 г. до 1,58 в 2018 г. еще вполне объяснимо, таким образом, действием вышеописанного механизма, связывавшего экономическую ситуацию, демографическую политику, ее субъективную оценку населением и рождаемость. Последующее снижение СКР до 1,504 в 2019 г. и 1,505 в 2020 г. уже трудно, однако, объяснить только его действием. Реальная заработная плата в 2019 г., судя по официальным статистическим данным, еще росла, а кризис, вызванный начавшейся в марте 2020 г. пандемией, в 2020 г. еще не мог оказать на рождаемость сколько-нибудь заметного влияния. Нельзя поэтому исключить «включения» другого механизма, обнаружившего себя ранее в скандинавских странах, – новое поколение потенциальных родителей воспринимает возможности, предоставляемые семейной или демографической политикой, как привычный элемент социального пейзажа и перестает на них реагировать. В результате рождаемость, подобно тому, как это произошло в Польше, Норвегии и Швеции, перестает «откликаться» на принятие мер, направленных на материальную помощь родителям с детьми и создание благоприятных условий для сочетания родительских обязанностей и трудовой деятельности.

Анализ динамики рождаемости в России и зарубежных странах, проведенный выше, позволяет обозначить два сценария будущего взаимодействия экономической ситуации, ее субъективного восприятия населением, демографической политики и рождаемости в России. При реализации первого рождаемость будет, как и прежде, следовать с некоторым лагом за изменениями уровня жизни, поэтому вслед за преодолением экономических последствий кризиса, вызванного пандемией COVID-19, можно ожидать и некоторого повышения рождаемости. Такому повышению, в частности, будет способствовать введение в 2020 г. материнского капитала на первого ребенка и индексация материнского капитала, возобновленная в том же году.

Второй сценарий предполагает усиление действия механизмов, негативно влияющих на рождаемость. Один из них связан с тем, что на принятие решения о рождении ребенка будет влиять не только, а возможно, и не столько субъективное восприятие текущей жизненной ситуации, сколько позитивная или негативная оценка ее возможных изменений в будущем. В сочетании с нарастающей прекарностью молодежной занятости это может привести к откладыванию «на потом» вступление в брак и рождение детей, одним из последствий которого станет нарастающая бездетность. Другим фактором, оказывающим негативное воздействие на рождаемость, может стать ухудшение здоровья и психологические травмы, нанесенные пандемией COVID-19.

По расчетам демографов НИУ ВШЭ, доля бездетных женщин в поколении российских женщин 1988 г. рождения окажется, скорее всего, не ниже 16%, а для еще более молодых женщин может превысить 20% [Население..., 2020: 152]. Судя по результатам выборочного обследования ВЦИОМ, проведенного в 2021 г., «идеология чайлдфри» в России по-прежнему мало распространена – отвечая на вопрос «Сколько детей вы бы хотели иметь в идеальных условиях, без учета нынешних условий жизни?» вариант «не планирую иметь детей» выбрали только 2% респондентов в возрасте от 18 до 34 лет¹². Риски дальнейшего нарастания масштабов бездетности, как справедливо отмечают российские исследователи, в наибольшей степени связаны с увеличением «числа мужчин и женщин,

¹¹ Расчеты автора на основе источника, указанного в табл. 1.

¹² URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii> (дата обращения: 26.01.2022).

планировавших рождение “когда-нибудь потом”, но так и не начавших воплощать его в жизнь» [Макаренцева и др., 2021: 497].

Заключительные замечания. Демографическим исследованиям издавна было свойственно стремление максимально точно регистрировать текущие события, но в то же время интерпретировать их на основе теорий демографического перехода – первого, второго, третьего, эпидемиологического, оперирующих временными интервалами большой длительности. Драматическая череда кризисов XXI в., похоже, трансформирует эту тенденцию, стимулируя исследователей к изучению краткосрочных механизмов, приходящих на смену друг другу чаще, чем долгосрочные тренды. Объяснения всего и вся долгосрочными тенденциями более не удовлетворяет; внимание концентрируется на обнаружении механизмов, детерминирующих рождаемость в кризисные и посткризисные периоды [Comolli et al., 2019; Savelieva et al., 2021; Comolli, Vignoli, 2021, Hellstrand et al., 2021]. Совместное описание множества таких механизмов дает более полную, хотя возможно и более противоречивую картину детерминации рождаемости, чем стройные теории демографического перехода, ставящие во главу угла только один, «самый главный» механизм. В то же время чередование кризисов и послекризисных периодов приносит новую информацию и не исключено, что она некоторое время спустя послужит основой переосмысления старых или создания новых теорий.

Действие и последствие кризисов, столь ярко проявившее себя в минувшей части XXI столетия, ставит новые вопросы перед исследователями и разработчиками семейной и демографической политики. В условиях распространения прекарной занятости в современной России все большую актуальность приобретают исследования, позволяющие понять, как связаны на индивидуальном уровне характер занятости, оценка жизненных перспектив, репродуктивные намерения и поведение. Особенно актуально исследование механизмов такой связи у «молодых взрослых» – еще не тридцатилетних, но уже вышедших на рынок труда.

Другим малоизученным, но важным вопросом является воздействие на рождаемость контента информационных потоков, и в особенности социальных медиа. Пока не вполне ясно, например, какова реальная «сфера влияния» групп антинаталистской («чайлдфри») и пронаталистской направленности в социальных сетях. Одна из возможных гипотез состоит в том, что они представляют собой не более, чем замкнутые клубы, помогающие их членам справляться с личностными психологическими или бытовыми проблемами. Согласно другой, альтернативной первой, авторы комментариев в таких группах, сея тревогу либо, напротив, ободряя и внушая веру в собственные силы, вольно или невольно влияют на репродуктивные установки внимающего им «молчаливого большинства». Создаваемые российскими исследователями [Калабихина, Банин, 2020] базы комментариев по вопросам рождаемости в социальных сетях способствуют лучшему пониманию диффузии паттернов репродуктивного поведения в современных условиях. В то же время взвешенно оценить объяснительные возможности показателей, получаемых на основе контент-анализа таких комментариев, позволит, вероятно, лишь их «обкатка» исследовательским сообществом, подобная той, что некогда проходили показатели идеального и желаемого числа детей.

Череда кризисов XXI в. сделала еще более сложным и без того непростой комплекс вопросов, связанных с разработкой, реализацией и оценкой результатов демографической и семейной политики. Обе они несомненно останутся ареной политической и идеологической борьбы. Это, однако, лишь повышает значимость исследований, позволяющих увидеть новые тенденции и потребности, понимание которых является необходимым условием эффективности демографической и семейной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Долгорукова И.В., Кирилина Т.Ю., Мазаев Ю.Н., Юдина Т.Н. Социальная тревожность и социальные опасения населения России: социологическое измерение // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 57–66. [Dolgorukova I.V., Kirilina T.Yu., Mazaev Yu.N., Yudina T.N. (2017) Social anxiety and social fears of Russia's population: sociological dimension. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 57–66. (In Russ.)]
- Калабихина И.Е., Банин Е.П. База данных «Просемейные (пронаталистские) сообщества в социальной сети "ВКонтакте"» // Население и экономика. 2020. Т. 4. № 3. С. 98–103. [Kalabikhina, I.E.; Banin, E.P. (2020) Database "Pro-family (pro-natalist) communities in the social network VKontakte". *Naselenie i ekonomika* [Population and Economics]. Vol. 4. No. 3: 98–103. (In Russ.)] DOI: 10.3897/ropreson.4.e60915.
- Макаренцева А.О., Галиева Н.И., Рогозин Д.М. (Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 492–515. [Makarentseva A.O., Galieva N.I., Rogozin D.M. (2021) Desire (Not) To Have Children in the Population Surveys. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4: 492–515. (In Russ.)] DOI: 10.14515/monitoring.2021.4.1871.
- Население России 2018. Двадцать шестой ежегодный демографический доклад / Под ред. С.В. Захарова. М.: ВШЭ, 2020. [Zakharov S. (ed.) (2020) *Population of Russia 2018. Twenty sixth annual report*. Moscow: VShe. (In Russ.)]
- Чесноков С.В. Детерминационный анализ социально-экономических данных. М.: Наука, 1982. [Chesnokov S.V. (1982) *Determinacy Analysis of Social-Economic Data*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Anderson Th., Kohler H.-P. (2015) Low Fertility, Socioeconomic Development, and Gender Equity. *Population and Development Review*. Vol. 41. No. 3: 381–407.
- Comolli C., Neyer G., Andersson G., Dommermuth L., Fallesen P., Jalovaara M., Jónsson A., Kolk M., Lappegård T. (2019) Beyond the Economic Gaze. Childbearing during and after recessions in the Nordic countries. *Stockholm Research Reports in Demography*. No. 6.
- Comolli C., Vignoli D. (2021) Spreading Uncertainty, Shrinking Birth Rates: A Natural Experiment for Italy. *European Sociological Review*. 2021. Vol. 37. No. 4: 555–570. doi: 10.1093/esr/jcab001. DOI: 10.1215/00703370-9373618.
- Hedström P., Ylikoski P. (2010) Causal Mechanisms in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. Vol. 36: 49–67.
- Hellstrand J., Nisén J., Miranda V., Fallesen P., Dommermuth L., Myrskylä M. (2021) Not Just Later, but Fewer: Novel Trends in Cohort Fertility in the Nordic Countries. *Demography*. Vol. 58. No. 4: 1373–1399.
- Hillamo H. (2019) Why fertility has been declining in Finland after the Global Recession? A theoretical approach. *Finnish Yearbook of Population Research*. Vol. 54: 29–51.
- Kalabikhina I.E., Banin E.P., Abduselimova I.A., Klimenko G.A., Kolotusha A.V. The Measurement of Demographic Temperature Using the Sentiment Analysis of Data from the Social Network VKontakte. (2021) *Mathematics*, 9, 987. DOI: 10.3390/math9090987.
- Knight C., Reed I. (2019) Meaning and Modularity: The Multivalence of "Mechanism" in Sociological Explanation. *Sociological Theory*. 2019. Vol. 37. No. 3: 234–256. DOI: 10.1177/0735275119869969.
- Lesthaeghe R. (2020) The second demographic transition, 1986–2020: sub-replacement fertility and rising cohabitation – a global update. *Genus*. 76: 10. DOI: 10.1186/s41118-020-00077-4.
- Miettinen A. (2015) Perhebarometri 2015 Miksi syntyyvyyss laskee? Suomalaisen lastensaantiin liittyviä toiveita ja odotuksia. Helsinki, 2015 [Family Barometer 2015. Why is the birth rate falling? Finn's wishes and expectations related to having children (In Finn.)].
- Miettinen A., Rotkirch A. (2017) Childlessness in Finland. In: M. Kreyenfeld, D. Konietzka, eds. *Childlessness in Europe: Contexts, Causes, and Consequences* (e-book): 139–158. DOI: 10.1007/978-3-319-44667-7_7.
- Rebughini P. (2021) A sociology of anxiety: Western modern legacy and the Covid-19 outbreak. *International Sociology*. 2021. Vol. 36. No. 4: 554–568. DOI: 10.1177/0268580921993325.
- Savelieva K., Jokela M., Rotkirch A. (2021) Reasons to postpone or renounce childbearing during fertility decline in Finland. Preprint. SocArXiv, 1 May 2021. Web. DOI: 10.31235/osf.io/4x3us.
- Sikorska M. (2021) Is it possible to increase the fertility rate in Poland? *IBS Policy paper 4/2021*.
- Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 2: 267–306.
- Thompson T. (2021) Young people's climate anxiety revealed in landmark survey. *Nature*. No. 597: 605. DOI: 10.1038/d41586-021-02582-8.

ANXITIES OF THE 21st CENTURY: MECHANISMS OF INFLUENCE ON FERTILITY**KLUPHT M.A.***St. Petersburg State University of Economics*

Mikhail A. KLUPHT, Dr. Sci. (Econ.), Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (klupt@mail.ru).

Abstract. A series of crises in the 21st century is giving a fresh impetus to study the short-term demographic changes mechanisms. Descriptions of the set of such mechanisms substantially complement the explanations of fertility changes based on one main mechanism emphasized by theories of second demographic transition or dividend of gender equity. This article compares the mechanisms linking anxiety and uncertainty with fertility in the countries of Visegrad group, Scandinavian countries, and Russia. Unlike Visegrad countries, in which fertility was procyclical from the early 1990s until the late 2010s, in Scandinavian countries recovery after great recession was unexpectedly accompanied by dramatic fertility decline. The most adequate explanations of Scandinavian phenomenon are precarization of the work and the emergence of new source of anxiety associated not so much with current situation as with life prospects. In Russia fluctuations in birth rates from the early 1980s to the mid-2010s were caused by economic busts and booms, and the demographic policy measures. The low fertility in the very end of the 2010s, running counter upward trend of real wage in this period, introduces new features in this mechanism and, perhaps, has something in common with Scandinavian phenomenon. Studying influence of employment precarization and social media on fertility is important to develop demographic and family policy in Russia.

Keywords: fertility, mechanism, crisis, anxiety, uncertainty, comparative analysis, demographic policy.

Received: 02.02.22. Accepted: 29.03.22.

А.Б. СИНЕЛЬНИКОВ

ОБОСОБЛЕНИЕ ПОКОЛЕНИЙ В СЕМЬЯХ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

СИНЕЛЬНИКОВ Александр Борисович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии семьи и демографии Социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (sinalexander@yandex.ru).

Аннотация. Уже в советское время почти все супружеские пары в России хотели жить отдельно от родителей мужа и жены. Однако, как правило, не откладывали брак из-за отсутствия собственного жилья. Они отделялись от старшего поколения через несколько лет после свадьбы или даже жили вместе до смерти родителей. После распада СССР российское общество приняло социальные нормы семейной жизни, существующие в США и странах Северной и Западной Европы. Согласно этим нормам, недопустимо даже временное проживание супругов с родителями. Однако многие жители России не могут ни купить, ни снять даже небольшую квартиру. Поэтому они надолго откладывают брак или вообще не создают семьи. С 1989 по 2020 г. средний возраст вступления женихов и невест в первый брак, а также средний возраст матерей при рождении их первого ребенка увеличился на четыре года. Вдвое уменьшилось количество первых браков и первых рождений. Однако до 2020 г. при проведении демографической политики в России считалось, что в стимулировании рождения первенцев нет необходимости. Существенную материальную помощь от государства («материнский капитал») семьи получали только после рождения второго ребенка. В 2020 г. этот капитал начали предоставлять после рождения первенца. По мнению автора, государство должно помогать семьям уже с момента заключения брака.

Ключевые слова: раздельное проживание • нуклеарная семья • брак • средний возраст вступления в первый брак • средний возраст при рождении первенца • поколения в семье • родители • бабушки и дедушки • рождаемость • семейно-демографическая политика

DOI: 10.31857/S013216250020195-7

Актуальность проблемы. За последние 30 лет естественная убыль населения (депопуляция) в России составила 16 млн человек. Обычно это объясняется повышением смертности, однако рождаемость упала до такого уровня, при котором депопуляция неизбежна даже в условиях самой низкой смертности. Снижение рождаемости часто объясняют ухудшением условий жизни населения. Отчасти это верно, особенно для кризисных 1990-х гг. Однако выход из этого кризиса в 2000-е гг. и даже активизация демографической политики в тот же период не остановили депопуляцию. Цель статьи – объяснить характер связи между условиями жизни населения и динамикой рождаемости. Для этого определим, почему улучшение условий жизни населения после 2000 г. не привело к существенному повышению рождаемости; установим, почему семейно-демографическая политика не имела достаточного эффекта; выдвинем предложения по повышению эффективности семейно-демографической политики. Объектом является связь между уровнем жизни, с одной стороны, и уровнем брачности и рождаемости – с другой, предметом – специфика этой связи в современной России с учетом доходов и жилищных условий жизни населения и их соответствия или несоответствия социальным нормам брачно-семейных и межпоколенных отношений.

Биологический и социальный дефициты средств к существованию как препятствия для роста населения. Для достижения поставленной цели обратимся к чрезвычайно

популярной до сих пор теории Т.Р. Мальтуса – единственного демографа, имя которого известно всему миру, и постараемся определить, адекватна ли эта теория в наше время. В книге «Опыт о законе народонаселения», которая выдержала шесть изданий (с 1798 по 1826 г.) при его жизни, Мальтус утверждал, что численность населения увеличивается быстрее, чем количество средств к существованию. Это приводит к снижению уровня жизни, в первую очередь – у людей, которые и раньше были бедными. Из-за голода и антисанитарных условий проживания у них падает сопротивляемость организма заболеваниям, особенно инфекционным. Поэтому время от времени происходят эпидемии. Численность населения снижается и приходит в соответствие с количеством средств к существованию. Затем население вновь растет – до следующей эпидемии. Цикл повторяется [Malthus, 1826].

Мальтус справедливо считал антигуманным восстановление равновесия между численностью населения и количеством средств к существованию через периодическое повышение смертности. Вместо этого он предлагал сократить рождаемость. Но он был священником англиканской церкви, которая, как и все прочие церкви той эпохи, признавала сексуальные отношения допустимыми лишь в браке и только для продолжения рода, а применение контрацепции считала грехом. Поэтому Мальтус рекомендовал людям, не имеющим средств для обеспечения семьи, не вступать в брак до тех пор, пока они не готовы к этому финансово.

Это не было чисто теоретическим рассуждением. Социальные нормы того времени не одобряли вступление в брак мужчин, не способных обеспечить семью, и женщин, не имевших достаточно большого приданого. Но Мальтус видел, что этим нормам подчиняются далеко не все, особенно в низших классах общества, из-за чего рост населения продолжался. Поэтому он настаивал на более строгом соблюдении норм. Точнее говоря, в каждом социальном классе были свои представления о приемлемом жизненном уровне. Младший сын джентльмена, т.е. дворянина (тогда эти понятия были близки друг к другу), который не был наследником отцовского поместья, не мог создать своей супруге условия, необходимые для благородной леди, – например, купить дом и нанять нескольких служанок [Синельников, 2008]. Поэтому ему было намного труднее жениться, чем старшему сыну фермера, который был гораздо беднее этого джентльмена, но наследовал дом и ферму своего отца и мог обеспечить своей жене приемлемые, по фермерским понятиям, условия жизни. Мальтус считал проблемой то, что люди из низов создают семьи, не имея возможности обеспечить их по нормам среднего класса, и предлагал им придерживаться этих норм, что привело бы к пожизненному безбрачию большинства населения. Однако большинство если и откладывало вступление в брак, то не отказывалось от него вообще из-за своей бедности.

В XVIII–XIX вв. в странах Западной и Северной Европы мужчины женились поздно (обычно в 27–30 лет), девушки выходили замуж в 25–26 лет, а от 10 до 20% мужчин и женщин никогда не вступали в брак до конца репродуктивного возраста (45–49 лет). В России браки заключались в более молодых возрастах, а уровень окончательного безбрачия, по данным переписи 1897 г., составлял 4% у мужчин и 5% у женщин 40–49 лет [Hajnal, 1965: 132].

Однако снижение рождаемости за счет откладывания браков оказалось недостаточным масштабным, чтобы остановить рост населения. Поэтому последователи Мальтуса, вопреки его позиции, вскоре стали агитировать за применение средств и методов контрацепции в браке. Внутрисемейное ограничение рождаемости приобрело столь массовый характер, что в итоге ее уровень оказался ниже уровня смертности и численность населения во многих странах, в том числе и в России, стала сокращаться. Но это произошло не из-за мальтузианской пропаганды, а по объективным причинам.

Многочисленное снижение детской смертности со временем создало у родителей уверенность, что все дети выживут. Их перестали рожать «про запас». Продление сроков обучения в школах и других учебных заведениях резко увеличило длительность периода, когда дети остаются на иждивении родителей. Массовое вовлечение женщин в оплачиваемую работу вне дома, а также высокая частота разводов, уменьшение числа законных браков, неуверенность в их прочности и замена их еще менее прочными сожительством – все это привело

к тому, что большинство семей в России и во всех других развитых странах имеют лишь одного или двух детей. Этого недостаточно для простого замещения поколений.

Со времен Мальтуса население мира увеличилось в восемь раз. Но условия жизни не ухудшились, а улучшились. Однако рост населения замедляется, а в России и во многих других странах уже сменился убылью. Значит ли это, что в наше время дефицит средств к существованию либо не существует, либо не влияет на демографическую ситуацию?

Для биологического выживания необходимы не только пища и вода, но и достаточное просторное жилье с элементарным минимумом необходимых удобств. Если люди живут в крайней тесноте и в антисанитарных условиях, то это тоже способствует эпидемиям и высокой смертности от них. Однако дефицит средств к существованию может быть не только **биологическим**, но и **социальным**, если не все имеют то, что, согласно социальным нормам, должно быть у «нормальных людей», хотя и не является необходимым для выживания. В частности, если эти нормы требуют, чтобы каждая супружеская пара с самого начала имела не только достаточно просторное и благоустроенное, но и отдельное от родителей мужа и жены жилое помещение – свой дом или квартиру, что не всем по средствам, то имеет место социальный дефицит жилья. Подобный дефицит существует и в отношении многих других предметов длительного пользования. Например, в западном обществе принято, чтобы все «нормальные люди» не только имели автомобиль, но и каждые несколько лет меняли его на более новую и престижную модель.

С мальтузианской точки зрения, перенаселение порождает дефицит средств, необходимых для выживания. В прошлом это нередко приводило к повышению смертности, а иногда и к снижению рождаемости из-за ухудшения состояния общего и репродуктивного здоровья населения [Вишневский, 2019]. Сейчас такие проблемы существуют главным образом в самых бедных из развивающихся стран, особенно в Африке. Во всем остальном мире более актуальна проблема дефицита средств, необходимых для соответствия социальным нормам потребления. Эти нормы, принятые в процветающих странах Запада, распространяются через СМИ и Интернет на менее богатые страны, жители которых хотят жить не хуже, чем в США и Западной Европе, но не имеют достаточных для этого доходов. Это ведет к откладыванию браков, к повышению частоты окончательного безбрачия и бездетности, в том числе и добровольной, т.е. к снижению брачности и рождаемости, а также к миграции в более богатые страны и регионы.

Миграция в какой-то мере решает демографические проблемы – снижает темпы роста населения в азиатских и африканских странах, откуда выезжают мигранты, и компенсирует естественную убыль населения в европейских странах, куда они переселяются. Однако в России иммиграция из Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Азербайджана возмещает только часть естественной убыли. В 2020–2021 гг. степень этой компенсации резко уменьшилась из-за сокращения миграционного прироста в связи с пандемией COVID-19. Но не все миграционные потоки направляются из стран с более высокой рождаемостью в страны с более низкой рождаемостью. В Восточной Европе рождаемость не выше, чем в Западной. Однако мигранты едут из Восточной Европы в Западную, а не наоборот. Различия в уровне жизни влияют на миграцию сильнее, чем различия в уровне рождаемости.

Мигранты со всей России массами переселяются в Москву, Санкт-Петербург, другие мегаполисы и их пригороды. Однако сибиряки переезжают в Москву и Подмоскovie не из-за того, что Сибирь якобы «перенаселена», а в Московской агломерации численность населения «недостаточна». Почти во всех российских регионах уровень жизни намного ниже, чем в столице и ее пригородах. Жители этих регионов желают жить не хуже, чем москвичи, но не имеют таких возможностей у себя дома.

Поскольку рост средних доходов на душу населения сопровождается ростом потребностей и к тому же в обществе существует значительная дифференциация по доходам, никакой рост уровня жизни сам по себе не поднимет рождаемость хотя бы до уровня простого замещения поколений.

Откладывание вступления в брак и рождения детей из-за невозможности отделения от родителей. Люди, которым не хватает денег, чтобы купить или арендовать отдельное жилье и обеспечить свои будущие семьи всем необходимым для нормальной (по представлениям своей референтной группы) жизни, не могут вступить в брак, особенно если социальные нормы не допускают даже временного проживания супругов с родителями. Им приходится откладывать создание семьи. Чем дольше это откладывается, тем меньше шансов, что это вообще когда-либо произойдет.

В Северной и Западной Европе, в отличие от южной (Италия, Испания, Португалия, Греция) и восточной части континента, давно сформировались социальные нормы, согласно которым следует отделиться от родителей сразу же после свадьбы или даже до нее [Захаров, 2009]. В прошлом частичным исключением были только единственные и старшие сыновья, а также единственные и (или) старшие дочери, у которых не было братьев. По законам и обычаям майората [Синельников, 2008] они получали в наследство родительский дом и весь земельный участок (если семья его имела). Поэтому вступление в брак не было для них проблемой. Они приводили своих супругов в родительскую семью, а через несколько лет, если позволяли средства, либо строили новый дом рядом с родительским и жили там, либо переселяли туда родителей, а сами занимали весь старый дом. Старший сын или муж старшей дочери либо наследовал весь земельный участок, либо родители уступали ему этот участок, а он был должен обеспечивать их в старости.

Когда родители считали, что старший сын будет плохо вести хозяйство или недостаточно заботиться о них, либо он отказывался жениться на девушке, которую они ему сватали, а женился на другой вопреки их запрету, его могли лишить наследства и завещать дом и землю кому-то из других детей. Польский специалист по исторической демографии М. Шолтычек изучил архив церковного прихода Буяков, состоявшего из трех деревень в Силезии (историческая область на территории современной Польши). Он установил, что в конце XVIII и начале XIX в., когда этот регион принадлежал Пруссии, многие крестьяне завещали свое хозяйство кому-то из детей не по принципу старшинства, а исходя из конкретной ситуации. Нередко в семьях с детьми разного пола наследство получали дочери, на которых родители надеялись больше, чем на сыновей [Szołtysek, 2007]. Неделимость дома и земли была важнее права первородства и привилегий мужчин в наследовании.

Недвижимость доставалась лишь одному из детей. Остальным полагалась небольшая часть наследства – деньгами и движимым имуществом. Им приходилось уходить из дома, становиться батраками у богатых крестьян, учениками или подмастерьями у цеховых мастеров, либо наемными рабочими на фабриках и мануфактурах [Синельников, 2008]. Если их доходы позволяли обеспечивать семью на уровне, принятом в их социальной среде, то они вступали в брак уже не в юном возрасте. Если же они не имели «ни кола, ни двора», то так и оставались холостыми. Как правило, родители не выдавали дочерей за неимущих.

Девушки, которые не наследовали родительские дома и земельные участки, часто становились служанками. Если они успевали заработать себе на приданое прежде, чем их признавали «старыми девами», то могли выйти замуж. В противном случае пожизненное безбрачие было почти неизбежным. Мало кто женился на бесприданницах.

Такое положение дел существовало в Западной Европе уже в средние века. Но тогда из-за очень высокой детской смертности не так уж много было семей, в которых доживали до совершеннолетия несколько сыновей и (или) дочерей, т.е. существовала проблема взрослых детей, которые не наследовали недвижимость. Для них были характерны поздние браки и высокая вероятность никогда не вступить в брак, но на средний возраст вступления в брак и на уровень окончательного безбрачия для всего населения, т.е. показатели, характерные для «европейского типа брачности» [Hajnal, 1965], это влияло не очень существенно.

В XVIII и XIX вв. из-за снижения детской смертности увеличилось число семей с несколькими взрослыми детьми. Рост числа младших сыновей и младших дочерей, которым было трудно создать семью, привел к повышению среднего возраста вступления в брак и уровня окончательного безбрачия для населения в целом: «К XVIII в. мы находим

европейский тип брачности уже вполне сформировавшимся, а максимального распространения он достиг, видимо, к середине XIX в.» [Вишневский, 2019: 163].

Распространению европейского типа брачности способствовало также и усиление тенденции к нуклеаризации семей, т.е. к их разделению. До конца XVIII в. женатые сыновья-наследники жили вместе с родителями, по крайней мере, в первые годы своего брака и только потом строили собственные дома и начинали жить отдельно, но недалеко от отцов и матерей. Однако в XIX в. во многих европейских странах отделение супругов от родителей сразу же после свадьбы стало социальной нормой. Невозможность немедленного отделения препятствовала вступлению в брак не только для младших, но и для старших сыновей и дочерей, если они не могли еще до свадьбы построить, купить или снять дом либо квартиру.

Законы о майорате были отменены во Франции во время революции 1789–1794 гг. В других континентальных странах Западной и Северной Европы право первородства было упразднено в результате буржуазно-демократических реформ середины и второй половины XIX в. В Англии это произошло только в 1926 г., а в Шотландии – в 1964 г. Все дети получили равные права на наследование. Это облегчило вступление в брак для младших детей, которые прежде получали лишь малую часть наследства, но затруднило создание собственных семей для старших детей, утративших свои привилегии. Однако невозможность жить отдельно от родителей по-прежнему мешала жениться тем, у кого не хватало денег для этого.

В России никогда не было ни майората, ни европейского типа брачности [Социология семьи, 2016: 193, 197–206]. Подавляющее большинство женатых мужчин и замужних женщин всегда желали и сейчас желают жить отдельно от родителей. Однако до недавнего времени люди, которые собирались вступить в брак, как правило, не откладывали это до появления у них собственного жилья, а соглашались жить с родителями в первые годы семейной жизни. Большинство супругов со временем все же отделяются и создают нуклеарные семьи. Но многие семьи остаются расширенными до смерти родителей. По данным переписи 1970 г., 23% среди всех семей с супружескими парами проживали совместно с одним либо обоими родителями и(или) с другими родственниками мужа или жены. К моменту переписи 1989 г. доля расширенных семей понизилась до 18%. Несмотря на массовое жилищное строительство, их стало лишь на 5% меньше. Пока одни супружеские пары после многолетнего пребывания в очереди на улучшение жилищных условий (а без очереди нельзя было даже купить кооперативную квартиру за огромную по тем временам сумму) получали отдельное жилье и отселялись от родителей, в других (а нередко и в тех же самых) семьях дети становились взрослыми, вступали в брак и приводили своих жен и мужей в родительские квартиры, из-за чего эти нуклеарные семьи вновь превращались в расширенные (рис. 1).

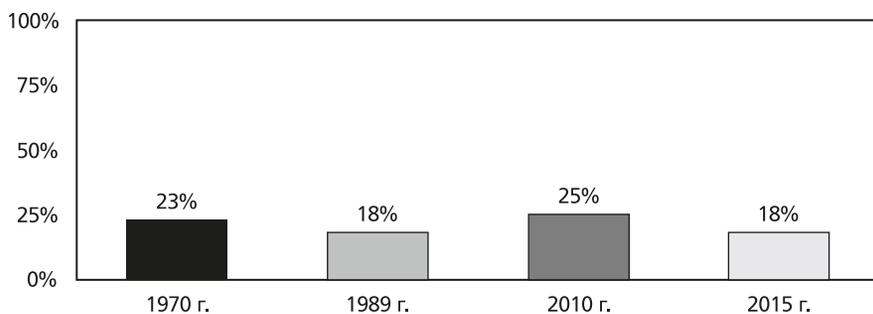

Рис. 1. Доля семей, проживающих совместно с одним либо обоими родителями и(или) другими родственниками одного из супругов (в % к числу семей, в составе которых есть супружеские пары).

Источник: расчеты по данным переписей 1970, 1989, 2010 гг. и микропереписи 2015 г.

В постсоветский период в связи с переходом к рыночной экономике жилье стало таким же товаром, как и все прочие товары. Однако, по данным переписи 2010 г., доля расширенных семей возросла до 25%. Из-за высоких цен молодым парам стало еще труднее обзавестись своим жильем, чем в советское время. По данным микропереписи 2015 г., доля расширенных семей вновь понизилась до 18%, что на 7% меньше, чем в 2010 г.

Столь резкое снижение всего за пять лет, которое «компенсировало» предыдущее повышение (тоже на 7%) за 21 год с 1989 по 2010 г., может отчасти объясняться тем, что в российском обществе стали утверждаться западные социальные нормы семейно-обособительного поведения, согласно которым необходимо отделиться от родителей сразу же после свадьбы или еще раньше, а если это невозможно, то брак надо отложить.

По данным исследования ВЦИОМ¹ (2009), на вопрос «Что, на ваш взгляд, является совершенно необходимым для создания семьи?» респондентам разрешалось указать до трех из девяти вариантов ответа. На первом по частоте месте оказался ответ «любовь» – его выбрали 65% респондентов; второе место занял ответ «жилье для отдельного проживания от родителей» (55%), а третье – «уровень доходов, позволяющий жить независимо от родителей, близких» (46%). То есть оплата съемной квартиры отцом или матерью тоже неприемлема почти для половины респондентов. Родители не всегда одобряют выбор своих детей и могут отказать в деньгах на съем жилья.

Социальная норма, согласно которой супруги с первого дня совместной жизни должны жить отдельно от родителей, противоречит норме, которая требует, чтобы все здоровые люди (кроме принявших церковный или монашеский обет безбрачия) вступили в брак хотя бы раз в жизни, и осуждает «старых холостяков» и «старых дев». Для жителей Западной Европы первая из этих норм очень давно стала важнее второй, что и привело к появлению «европейского типа брачности».

В России же значение первой нормы постепенно повышается, а второй – снижается. Безбрачие и бездетность более социально приемлемы для молодежи, чем для среднего и старшего поколения [Ценности семейно-детного..., 2020: 47–57].

Влияние откладывания браков на рождаемость в России. Усиление потребности в отдельном жилье не всегда означает возможность его купить или хотя бы арендовать – это слишком дорого для очень многих молодых людей и их родителей. Поэтому средний возраст вступления в брак повышается, а число браков снижается. Снижение общих коэффициентов брачности почти всегда через год влечет за собой синхронное снижение общих коэффициентов рождаемости. И напротив, повышение общего коэффициента брачности, как правило, приводит к повышению общего коэффициента рождаемости в следующем году (рис. 2).

Параллелизм между динамикой общих коэффициентов брачности и рождаемости очевиден, но может отчасти объясняться влиянием возрастной структуры населения на оба эти показателя. Однако если использовать суммарные коэффициенты брачности и рождаемости, которые не зависят от состава населения по полу и возрасту, картина почти не меняется (рис. 3).

Суммарный коэффициент брачности соответствует среднему числу вступлений в брак, а суммарный коэффициент рождаемости – среднему числу рожденных детей на одну женщину за всю жизнь. Приведенные здесь суммарные коэффициенты брачности, в отличие от рассчитанных С.В. Захаровым [Население России..., 2018: 123–131], учитывают также и браки, заключенные в пострепродуктивных возрастах, т.е. характеризуют среднее число вступлений в брак в течение всей жизни (рис. 3).

Коэффициент корреляции между динамикой суммарных коэффициентов брачности за 1989–2019 гг. и рождаемости за 1990–2020 гг. равен 0,85, т.е. практически совпадает

¹ Любовь, деньги или жилье – без чего не построить крепкую семью? Аналитический обзор ВЦИОМ. 08 июля 2009. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/lyubov-dengi-ili-zhile-bez-chego-ne-postroit-krepkuyu-semyu> (дата обращения: 09.11.2021).

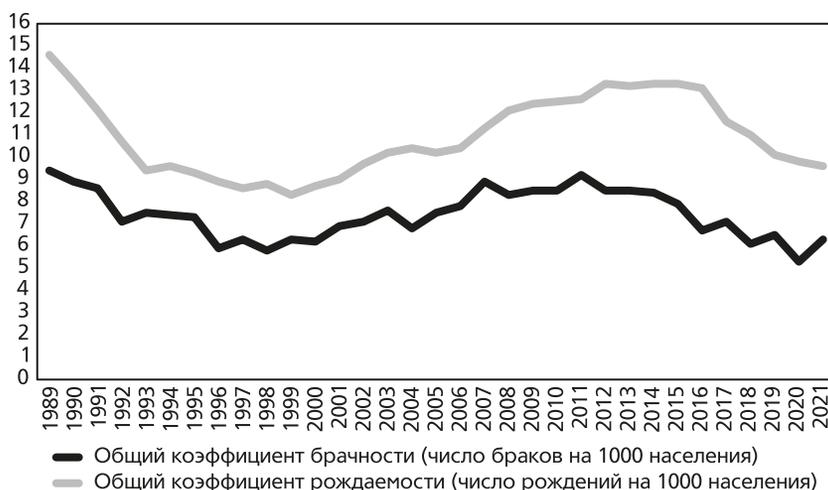

Рис. 2. Общие коэффициенты брачности и рождаемости (на 1000 населения) за 1989–2021 гг.

Источник: расчеты по данным Росстата. См.: Федеральная служба государственной статистики / Статистика / Население / Демография / Естественное движение населения / Рождаемость, смертность и естественный прирост населения; Браки и разводы. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 04.02.2022).

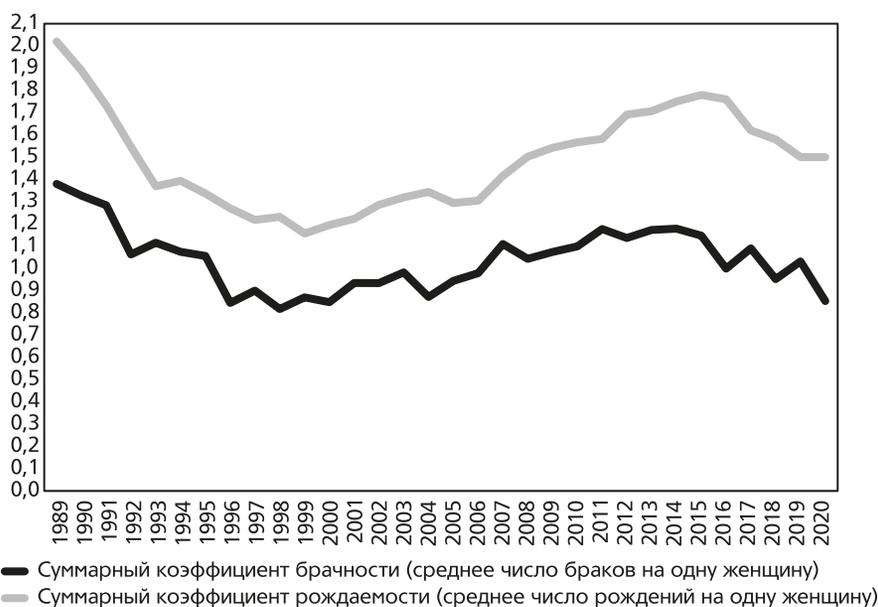

Рис. 3. Суммарные коэффициенты брачности и рождаемости за 1989–2020 гг.

Примечание. Временной ряд кончается в 2020 г., так как к моменту завершения работы над статьей Росстат опубликовал лишь предварительные данные за 2021 г. о числе браков и рождений без распределения новобрачных и матерей по возрасту, из-за чего пока невозможно рассчитать суммарные коэффициенты брачности и рождаемости за этот год.

Источник: расчеты по данным Росстата: См.: Федеральная служба государственной статистики / Статистика / Население / Демография / Естественное движение населения / Суммарный коэффициент рождаемости, Браки по возрасту жениха и невесты; /Официальные публикации / Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту». URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 06.09.2021).

с коэффициентом корреляции (0,85) между динамикой общих коэффициентов брачности и рождаемости.

За 1989–2019 гг. средний возраст при вступлении в первый брак повысился на четыре года: с 25 до 29,3 года у мужчин и с 23,2 до 27,1 года у женщин. При этом численность женщин, вступивших в первый брак, уменьшилась с 1019 тыс. до 621 тыс., т.е. на 39%.

Таблица 1

Средний возраст новобрачных при вступлении в первый брак и матерей при рождении первенцев

Показатели	1989	2019	2020
Средний возраст вступления в первый брак			
Мужчины	25,0	29,3	29,3
Женщины	23,2	27,1	27,2
Средний возраст матерей при рождении первенцев	23,5	27,2	27,2

Источник: расчеты по данным Росстата.

За этот же период средний возраст матерей при рождении первенцев тоже увеличился почти на четыре года – с 23,5 года до 27,2 года. Практически полное совпадение этого показателя со средним возрастом вступления в первый брак не означает, что эти два события в большинстве случаев происходят почти одновременно. Такое совпадение нередко имеет место у «гражданских супругов», которые регистрируют брак незадолго до рождения ребенка или даже после этого. Однако весьма широко распространено и откладывание первых рождений на несколько лет после свадьбы. Кроме того, каждый четвертый из первенцев рождается вне брака. Многие из их матерей потом все же вступают в законный брак либо с отцами своих детей (обычно вскоре после родов), либо с другими мужчинами, что нередко происходит через много лет после рождения первенца. Бывает, что первый брак остается бездетным и распадается, после чего женщина рождает первого ребенка уже в повторном браке. Но чем позже она выходит замуж, тем больше вероятность, что детей у нее вообще не будет. Если рассчитывать средний возраст вступления в первый брак без учета женщин, впервые вышедших замуж после 40 лет, когда вероятность рождения первого ребенка очень мала, то этот показатель в 2019 г. составил 26,2 года, т.е. на год меньше среднего возраста матерей при рождении первенцев. Но столь поздних браков не так уж мало. В 2019 г. они составляли 5% всех первых браков у женщин – вдвое больше, чем в 1989 г. Для женщин, не имеющих внебрачных детей, столь длительное откладывание брака почти всегда приводит к окончательной бездетности.

В современной России средний возраст вступления в первый брак как у мужчин, так и у женщин соответствует модели западноевропейской брачности XVIII–XIX вв., хотя тогда в России браки заключались в гораздо более ранних возрастах, чем в Западной Европе. В отличие от своих отцов и матерей, многие молодые россияне не соглашаются даже временно жить с родителями после вступления в брак. Если нет возможности сразу же отделиться, они либо откладывают брак, либо вообще отказываются от него. Повышение возраста вступления в первый брак сопровождается уменьшением числа браков вообще с 1397 тыс. (9,4% на 1000 населения) в 2019 г. до 950 тыс. (6,5%) в 2019 г., в том числе первых (для женщин) браков с 1019 тыс. (6,9%) до 621 тыс. (4,2%), т.е. на 39%. В 2020 г. было зарегистрировано только 771 тыс. браков (5,3%), из которых лишь 499 тыс. были первыми (3,4%). Однако это объясняется невозможностью снять ресторан или кафе на несколько десятков приглашенных на свадьбу гостей при карантинных ограничениях в условиях пандемии. Поэтому многие пары отложили регистрацию брака на следующий год. Однако средний возраст вступления в первый брак и рождения первого ребенка почти не изменился. В 2021 г. большинство пар, отложивших свадьбу из-за пандемии, все же зарегистрировали свои браки, число которых достигло 924 тыс. Это на 20% больше, чем в 2020 г., и лишь на 3% меньше, чем в 2019 г.

В 2021 г. зарегистрировано 1403 тыс. рождений, что лишь на 2% меньше, чем в предыдущем году. В отличие почти от всех прошлых лет, уменьшение числа браков практически не повлияло на рождаемость. В случае беременности регистрация брака, как правило, не откладывалась. В 2020 г. доля детей, родившихся вне брака, осталась практически на уровне 2019 г.

Таблица 2

Число зарегистрированных браков за 1989 и 2019–2021 гг.

Показатели	1989	2019	2020	2021
Всего браков (тыс.)	1397	950	771	924
из них первые браки (для женщин, тыс.)	1019	621	499	...*
Общий коэффициент брачности на 1000 населения	9,4	6,5	5,3	6,3
Общий коэффициент первых браков (для женщин) на 1000 населения	6,9	4,2	3,4	...*

Источник: расчеты по данным Росстата; *Число браков за 2021 г. рассчитано по ежемесячно публикуемым данным Росстата о естественном движении населения, в которых указывается лишь общее число зарегистрированных браков, без распределения на первые и повторные См.: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm (дата обращения: 04.02.2022).

Синхронность динамики независимых от возрастной структуры суммарных коэффициентов брачности и рождаемости показывает, что одной из главных причин снижения рождаемости как в 1990-е гг., так и в период с середины 2010-х до начала 2020-х гг. стало снижение брачности, которое отчасти вызвано тем, что многие люди, не имеющие возможности жить отдельно, не создают семьи. Это не компенсируется ростом числа сожительства и рождений вне брака [Тольц, 2020].

По данным Росстата, за 2014–2019 гг. число браков уменьшилось с 1226 тыс. до 950 тыс., а общий коэффициент брачности – с 8,4 до 6,5%. Суммарный коэффициент брачности, при расчете которого учитываются как первые, так и повторные браки, упал с 1,18 до 1,03. С «опозданием» на один год последовало снижение рождаемости. За 2015–2020 гг. число рождений уменьшилось с 1941 тыс. до 1437 тыс., в том числе в браке – с 1518 тыс. до 1126 тыс. (на 26%), а вне брака – с 419 тыс. до 311 тыс. (тоже на 26%). Вклад внебрачных рождений в рождаемость остался почти без изменений (21–22%). Общий коэффициент рождаемости уменьшился с 13,3 до 9,8 на 1000 населения, суммарный коэффициент – с 1,78 до 1,50 рождения на одну женщину (рис. 4).

Коэффициент корреляции между числом браков за 1989–2020 гг. и общим числом рождений за 1990–2021 гг. равен 0,82. Это столь же тесная связь, как между динамикой брачности и рождаемости для общих и суммарных коэффициентов (рис. 2 и 3). Пандемия коронавируса временно ослабила эту связь, поскольку вызвала сильные колебания брачности, но слабо повлияла на рождаемость.

В советское время практически все здоровые мужчины и женщины вступали в брак хотя бы один раз, причем в возрасте, благоприятном для рождения детей, и почти все они, кроме бесплодных, имели хотя бы одного ребенка. Однако в 1990-х гг. резко уменьшилось число не только повторных, но и первых рождений, а также число браков. Эти же тенденции возобновились в середине 2010-х гг. и сохраняются до сих пор.

Закон о материнском капитале, принятый в 2006 г., давал право на капитал только при рождении вторых детей (или третьих и последующих, если предыдущий ребенок родился до вступления в силу этого закона). В любом случае федеральный материнский капитал предоставлялся только один раз. Это может объясняться лишь ограниченностью финансовых ресурсов государства, т.е. экономическими, а не демографическими аргументами. Лишь в 2020 г. право на материнский капитал было дано матерям, родившим первенцев, а после рождения вторых детей капитал стал увеличиваться. Это правильное решение, но его следовало принять раньше.

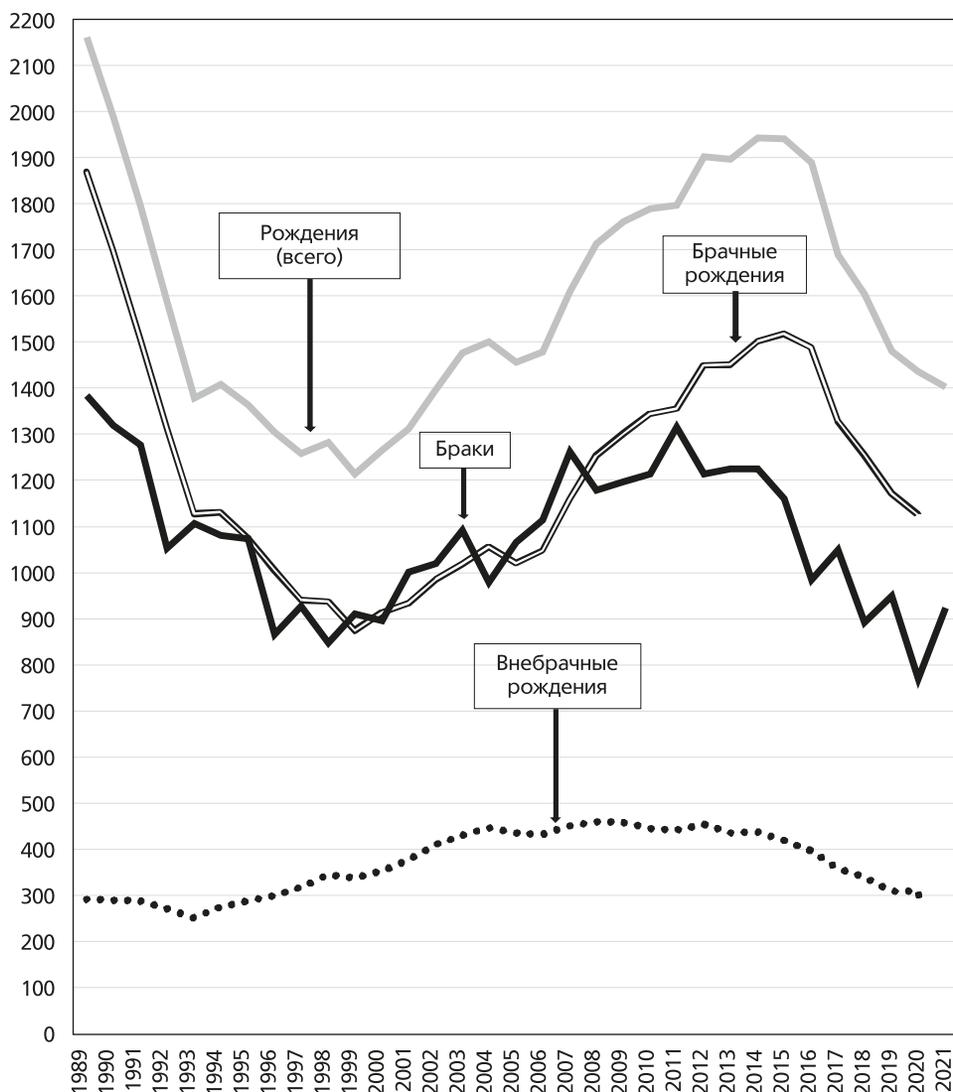

Рис. 4. Число браков и детей, рожденных в браке и вне брака, 1989–2021 гг. (тыс.)

Примечание. Данные о рождениях в браке и вне брака за 2021 г. отсутствуют, так как к моменту завершения работы над статьей соответствующая статистическая отчетность Росстата еще не была составлена.

Источник: расчеты по данным Росстата.

Заключение. Низкий уровень рождаемости и депопуляция в России объясняются не только уровнем жизни в стране, который оставляет желать лучшего, но и тем, что условия жизни большинства населения не соответствуют современным социальным нормам потребления, в отношении которых значительная часть россиян, особенно молодежь, ориентируется на богатые западные страны, не имея таких доходов, как жители этих стран. Еще в советское время практически все супружеские пары хотели жить отдельно, но не откладывали брак из-за отсутствия своего жилья, а жили вместе с родителями до появления возможности разъехаться. Но в постсоветский период в российском обществе стали

утверждаться социальные нормы, принятые в странах Западной и Северной Европы, а также в США. Согласно этим нормам, супруги должны отделиться от родителей сразу же после свадьбы, а если это невозможно, то не следует вступать в брак. В нашей стране очень многие люди слишком бедны, чтобы купить или хотя бы снять квартиру. Им приходится откладывать создание семьи или вообще отказываться от этого. За последние три десятилетия средний возраст женщин при вступлении в первый брак и рождении первенцев повысился на четыре года, а число первых браков и первых рождений уменьшилось в два раза.

Однако до сих пор почти все меры семейно-демографической политики направлены только на стимулирование рождения детей в уже существующих семьях, но не на создание новых семей путем вступления в законный брак и даже не на сохранение тех семей, которые уже есть. Поэтому данная политика имеет очень ограниченный эффект. Чтобы повысить ее эффективность, необходимо стимулировать вступление в законный брак. Для этого следует давать молодым супругам кредиты, которые могут частично погашаться при рождении первого и второго ребенка и полностью – при появлении на свет третьего. Если же детей не будет, кредит придется возвращать с процентами. Следует ввести в Семейный кодекс поправку о необходимости заключения при регистрации брака договора о совместной или раздельной собственности супругов. Сейчас большинство новобрачных не заключают договор, потому что боятся оттолкнуть недоверием другую сторону. Этого не будет, если брачный договор станет обязательным. Нередко пары живут вместе без регистрации брака, потому что не верят в прочность отношений и боятся потерять квартиру в случае развода. Надо устранить повод для этих опасений.

Необходимо изменить правила расторжения брака. Если один из супругов потребует развода без согласия другой стороны, но не докажет, в чем виновата эта сторона, то инициатор развода должен считаться виновным в распаде семьи. Это следует учитывать при судебных тяжбах между супругами о разделе имущества и о том, с кем останутся дети.

Государство рассматривает семьи, которым оно помогает, как полностью нуклеарные семьи, без учета их тесных родственных связей со старшим поколением. Но и в нуклеарных семьях помощь обычно предоставляется не всем их членам, а только матерям и детям. Наиболее весомая часть этой помощи официально именуется материнским (семейным) капиталом, но люди редко обращают внимание на то, что написано в скобках, и правильно называют его просто «материнским», так как распоряжаться им могут только матери. То есть государство относится к семьям, которым оно помогает, как к неполным семьям, даже если в них есть отцы. Это снижает и без того невысокий авторитет мужчин в семье и обществе. Чтобы поднять его, надо переименовать капитал в семейный, а списание средств со счета, на котором он хранится, производить по совместному заявлению обоих родителей, если ребенок рожден в браке и этот брак не был расторгнут.

Нередко молодым парам не дают ипотечный кредит из-за низких доходов, а их родителям отказывают в кредите из-за возраста. Проблему можно решить через родственно-обменное ипотечное кредитование, т.е. давать кредит родителям, а потом переоформлять его на детей, когда их доходы повысятся.

Повышение пенсионного возраста может негативно повлиять на число рождений вторых и последующих детей, от которых во многом зависит степень замещения поколений, т.е. рост или убыль населения. Они часто рождаются в то время, когда их бабушкам от 55 до 59 лет. Надо разрешить дедам и бабушкам, ухаживающим за двумя и более внуками от одного сына или одной дочери, выходить на пенсию соответственно в 60 или 55 лет либо еще раньше.

Следует расширить категории населения, так или иначе затрагиваемые мерами семейно-демографической политики. Это должны быть не только существующие, но и будущие семьи, не только матери с детьми, но и отцы, а в определенных ситуациях также деды и бабушки. В этом случае семейно-демографическая политика может стать более эффективной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976.
- Вишнеvский А.Г. Демографическая история и демографическая теория: курс лекций. М.: ВШЭ, 2019.
- Захаров С. Когда девушка становится взрослой // Демоскоп Weekly. 2009. № 385–386. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0385/tema01.php> (дата обращения: 22.11.2021).
- Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2018.
- Синельников А.Б. Трансформация семьи: майорат и минорат // Социология. 2008. № 1. С. 160–184.
- Социология семьи: Учебник. М.: Академ. Проект, 2016.
- Тольц М. О влиянии брачного статуса на рождаемость // Демоскоп Weekly. 2020. № 871–872. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/наука03.php> (дата обращения: 05.02.2022).
- Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / Под ред. А.И. Антонова. М.: ООО «МАКС Пресс», 2020. DOI: 10.29003/m857.SeDOJ-2019.
- Hajnal J. European Marriage Patterns in Perspective // D.V. Glass, D.E.C. Eversley (eds). Population in History. London, 1965. P. 101–143.
- Malthus T.R. An Essay on the Principle of Population. Vol. 1. 1826. 6th ed. URL: <https://oll.libertyfund.org/titles/malthus-an-essay-on-the-principle-of-population-vol-1-1826-6th-ed>. (дата обращения: 23.12.2021).
- Szołtysek M. Central European household and family systems, and the ‘Hajnal–Mitterauer’ line: The parish of Bujakow (18th–19th centuries) // The History of the Family. 2007. No. 12 (1). P. 19–42. DOI: 10.1016/j.hisfam.2007.05.002.

Статья поступила: 08.01.22. Финальная версия: 06.02.22. Принята к публикации: 02.03.22.

SEPARATION OF GENERATIONS IN FAMILIES AS A FACTOR FOR REDUCING BIRTH RATE

SINELNIKOV A.B.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Alexander B. SINELNIKOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Family Sociology and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (sinalexander@yandex.ru).

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the RFBR and BRFFI within the framework of the scientific project No. 20-511-00020 “Features of employment and socialization of persons of retirement age in the Republic of Belarus and the Russian Federation: a comparative sociological analysis”.

Abstract. Already in Soviet times, almost all married couples in Russia wanted to live separately from their husband/wife parents. However, as a rule, they did not postpone marriage due to the lack of their own housing. They separated from the older generation only a few years after the wedding, or even lived together until the death of their parents. After the collapse of the USSR, Russian society adopted social norms of family life extant in the United States and Northern/Western Europe. According to these norms, even temporary residence of spouses with their parents is unacceptable. However, many residents of Russia can neither buy nor rent even a small apartment. Therefore, they postpone marriage for a long time or do not create families at all. From 1989 to 2019, average age of grooms and brides at their first marriage, as well as the average age of mothers at the birth of their first child, increased by four years. The number of first marriages and first births has halved. However, until 2020 demographic policy in Russia was built on the belief that there was no need to stimulate births of first children. Families received substantial financial assistance from the state (“maternity capital”) only after the birth of their second child. Only in 2020 this capital began to be provided after the birth of the first child. According to the author, the state should help families even earlier – from the moment of marriage.

Keywords: separation, nuclear family, marriage, average age of first marriage, average age of first birth, family generations, parents, grandparents, birth rate, family-demographic policy.

REFERENCES

- Borisov V.A. (1976) *Fertility Prospects*. Moscow: Statistics. (In Russ.)
- Hajnal J. (1965) European Marriage Patterns in Perspective. In: Glass D.V., Eversley D.E.C. (eds) *Population in History*. London: 101–143.
- Malthus T.R. (1826) *An Essay on the Principle of Population*. Vol. 1. 6th ed. URL: <https://oll.libertyfund.org/titles/malthus-an-essay-on-the-principle-of-population-vol-1-1826-6th-ed>. (accessed 04.01.2022).
- Sinelnikov A.B. (2008) Transformation of the family: majorat and minorat. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 1: 160–184. (In Russ.)
- Sociology of the family*: Textbook. (2016) Moscow: Academ. Project. (In Russ.)
- Szołtysek M. (2007) Central European household and family systems, and the ‘Hajnal–Mitterauer’ line: The parish of Bujakow (18th–19th centuries). *The History of the Family*. No. 12: 1: 19–42. DOI: 10.1016/j.hisfam.2007.05.002
- Tolts M. (2020) On the influence of marital status on fertility. *Demoscope Weekly*. No. 871–872. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/nauka03.php> (accessed 05.02.2022). (In Russ.)
- Values of a family and children’s lifestyle (SeDOJ-2019) (2020). In: *Analytical report on the results of an interregional sociological and demographic study*. Ed. by A.I. Antonov. Moscow: LLC “MAKS Press”. DOI: 10.29003/m857.SeDOJ-2019 (In Russ.)
- Vishnevsky A.G. (2019) *Demographic History and Demographic Theory: Course of lectures*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Zakharov S. (2009) When a girl becomes an adult. *Demoscope Weekly*. No. 385–386. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0385/tema01.php> (accessed 22.11.2021). (In Russ.)
- Zakharov S.V. (ed.) (2018) *Russia’s Population in 2016: 24rd Annual Demographic Report*. Moscow: VSHE. (In Russ.)

Received: 08.01.22. Final version: 06.02.22. Accepted: 02.03.22.

Социальная политика. Социальная структура

© 2022 г.

Е.И. ДОБРОЛЮБОВА, В.Н. ЮЖАКОВ, А.Н. ПОКИДА

ДОВЕРИЕ ЧАСТНОГО БИЗНЕСА ОРГАНАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

ДОБРОЛЮБОВА Елена Игоревна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований (dobrolyubova-ei@ranepa.ru); ЮЖАКОВ Владимир Николаевич – доктор философских наук, директор того же Центра (yuzhakov-vn@ranepa.ru); ПОКИДА Андрей Николаевич – кандидат социологических наук, директор Центра социально-политического мониторинга Института общественных наук (pokida@ranepa.ru). Все – Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия.

Аннотация. На основе проведенного в 2021 г. социологического исследования оценивается уровень доверия органам государственного контроля представителей частного бизнеса ($N = 1000$). Выявлено, что наличие личного опыта взаимодействия с контрольно-надзорными органами повышает уровень доверия к ним среди представителей частного бизнеса по сравнению с оценками населения в целом. Уровень доверия представителей частного бизнеса связан с оценками личного опыта взаимодействия с органами государственного контроля, а также с восприятием результативности их деятельности и степени соблюдения ими ценностей законности, справедливости и беспристрастности. Уровень доверия контрольно-надзорным органам коррелирует также с оценками тех обязательных требований законодательства, которые являются предметом проверок в рамках государственного контроля.

Ключевые слова: бизнес • институциональное доверие • контрольно-надзорные органы • государственное регулирование • риски причинения вреда

DOI: 10.31857/S013216250018750-8

Введение. В последние годы все большее внимание как в России, так и за рубежом уделяется вопросам доверия граждан и бизнеса государственным институтам. Доверие государственным органам и их деятельности рассматривается как важнейший фактор повышения результативности и эффективности реализации государственной политики [Braithwaite, Levi, 2003; OECD, 2017], инновационной активности [Аузан и др., 2019] и экономического развития в целом [Keefe et al., 2020].

В большинстве международных и отечественных исследований рассматриваются вопросы доверия граждан государству в целом [OECD, 2018; Alessandro et al., 2021, Пушкарева, 2019], а также государственным служащим [Мерсиянова и др., 2012] и государственным органам, в том числе контрольно-надзорным [Добролюбова и др., 2020]. Значительно реже встречаются исследования, посвященные оценке доверия государственным

Статья подготовлена в рамках государственного задания на выполнение научно-исследовательских работ РАНХиГС.

институтам представителей предпринимательского сообщества, в отечественной литературе их выявить вообще не удалось.

Между тем, как показывают отдельные работы зарубежных ученых, уровень доверия бизнеса государственным органам, в частности органам государственного контроля (КНО¹), может оказывать значительное влияние как на уровень результативности контрольно-надзорной деятельности в целом [Vainio et al., 2014; He et al., 2019], так и на уровень соблюдения законодательства в самых различных сферах, включая продовольственную безопасность [Yapp, Fairman, 2006], обеспечение безопасности на рабочем месте [Gunningham, Sinclair, 2009] и сферу налогового законодательства [Masud et al., 2014; Dobos, Takács-György, 2020]. Например, как показывает недавнее международное исследование, проведенное в 44 странах, расположенных на 5 континентах, доверие налоговым органам, восприятие налоговых инспекторов как доброжелательных служащих, деятельность которых способствует общему благу, существенно повышает уровень добровольного исполнения налоговых обязанностей. При этом в странах, где налоговые органы не воспринимаются как эффективно контролирующие уход от уплаты налогов, напротив, растет уровень принудительного исполнения налоговых требований [Bartancea et al., 2019]. Высокий уровень доверия органам государственного контроля в бизнес-среде является также важным драйвером повышения экологической ответственности бизнеса и принятия им дополнительных обязательств по снижению негативного воздействия на окружающую среду [Ball et al., 2018; Harring, 2018].

Таким образом, оценка уровня доверия представителей частного бизнеса к КНО представляется важной задачей в условиях предпринимаемых российским государством усилий по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности. Далее на основе результатов репрезентативного социологического опроса представителей частного бизнеса, проведенного в марте 2021 г., будет проанализирована оценка уровня доверия представителей частного бизнеса органам государственного контроля и выявлены статистически взаимосвязанные с ним факторы.

Факторы, коррелирующие с уровнем доверия государственным органам. Теоретические и эмпирические исследования показывают, что уровень доверия граждан к государственным органам связан с различными факторами. К ним относятся, например, социально-демографические характеристики (возраст, образование респондентов), уровень дохода [Malkina et al., 2021], политические факторы и удовлетворенность качеством государственных услуг [Christensen, Læg Reid, 2005]. При этом, как показывают эмпирические данные, негативный опыт взаимодействия с государственными органами влияет на уровень доверия сильнее, чем положительный.

Как отмечают зарубежные исследователи, «доверие приходит пешком, но уезжает на лошади» [Kampten et al., 2006: 387]: его гораздо проще потерять из-за неудовлетворительного опыта граждан, чем приобрести благодаря положительному опыту взаимодействия. Немаловажными факторами, тесно взаимосвязанными с уровнем доверия, являются уровень коррупции [Morris, Klesner, 2010], а также уровень прозрачности и открытости органов государственной власти [Alessandro et al., 2021], их подотчетности и внимания к потребностям граждан [Beshi et al., 2020]. На уровень доверия государственным институтам влияет и уровень гражданского участия [Stoyan et al., 2016].

¹ К органам государственного контроля относятся государственные органы исполнительной власти, деятельность которых направлена на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований законодательства, установленных в отношении граждан и организаций. В соответствии с действующим законодательством (Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации») КНО осуществляют свою деятельность «посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений». Одним из основных механизмов, используемых КНО, является проведение проверок.

Таблица 1

**Возможные факторы, коррелирующие с уровнем доверия представителей частного бизнеса
органам государственного контроля**

Группа факторов	Наименование фактора
Результативность и компетентность КНО	Оценка общего влияния государственного контроля на деятельность предприятия Оценка влияния последней проверки на повышение уровня безопасности продукции, производственных процессов и объектов Оценка профессионализма и компетентности инспекторов Согласие с результатами последней проверки Факт выявления нарушений, в том числе грубых, при проведении последней проверки
Ценности государственных органов	Оценка уровня законности, справедливости и беспристрастности действий инспекторов Факт уплаты неформальных платежей при проведении последней проверки
Качество регулирования	Сложность исполнения обязательных требований Уровень информированности об обязательных требованиях Оценка соответствия государственного регулирования рискам причинения вреда Уровень нагрузки, связанной с исполнением обязательных требований
Характеристики респондентов	Тип (размер) бизнеса Вид экономической деятельности

На основе обобщения широкого круга эмпирических исследований эксперты ОЭСР выделили две основные группы факторов, влияющих на доверие граждан государству, – факторы компетентности (результативности государственных органов при осуществлении своих функций, в том числе при оказании государственных услуг) и факторы ценностей государственных органов (отсутствия коррупции, открытости, справедливости в действиях органов власти) [OECD, 2018]. Данный подход взят за основу для проведения настоящего исследования и адаптирован с учетом специфики задачи исследования факторов, коррелирующих с уровнем доверия представителей бизнеса (а не населения) к КНО. Для оценки выделены 4 группы основных факторов (табл. 1).

Поскольку основной задачей КНО является обеспечение соблюдения обязательных требований, установленных законодательством в подконтрольной сфере, можно предположить, что, помимо факторов результативности и ценностей, уровень доверия может быть взаимосвязан с отношением к качеству самого регулирования, в том числе адекватности установленных требований существующим рискам причинения вреда и сложности их исполнения. Выявленная в литературе зависимость уровня доверия граждан государственным институтам от социально-демографических характеристик (в том числе от уровня дохода респондентов) позволяет также предположить возможные различия в уровне доверия органам госконтроля в зависимости от характеристик хозяйствующего субъекта.

Методология исследования. Представленные далее результаты получены на основе репрезентативного социологического опроса представителей частных хозяйствующих субъектов по оценке результативности государственного контроля, проведенного РАНХиГС в марте 2021 г. по разработанной авторами и апробированной ранее методике [Южаков и др., 2020]². В выборку ($N = 1000$) включались представители частных

² Для выявления уровня доверия в анкете использовался вопрос «Доверяете ли вы государственным контрольно-надзорным органам?», по которому предусматривались следующие варианты ответа: «безусловно доверяю», «скорее доверяю», «скорее не доверяю», «безусловно

организаций и индивидуальных предпринимателей (руководители, их заместители, главные бухгалтеры, руководители и специалисты юридических подразделений и служб по взаимодействию с государственными органами), деятельность которых в 2019–2020 гг. была предметом проверки КНО (за исключением налоговых проверок).

Опрос проводился путем личного формализованного интервью в 29 российских регионах, расположенных во всех федеральных округах, на основе многоступенчатой квотной выборки, репрезентирующей территориальное и отраслевое распределение зарегистрированных хозяйствующих субъектов. Выборочная совокупность сформирована исходя из структуры генеральной совокупности частных хозяйствующих субъектов по основным признакам: тип бизнеса, вид экономической деятельности и место ведения предпринимательской деятельности (регион). В каждом федеральном округе отбирались наиболее типичные регионы с учетом их географического положения. При расчете квот респондентов для каждого субъекта РФ учитывались: общее количество хозяйствующих субъектов, удельный вес юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в общем количестве предприятий и вид экономической деятельности (на основе статистических данных Росстата и Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства ФНС России³). Ввиду отсутствия статистических данных о численности частных предприятий в поселениях разного типа число респондентов в каждом типе поселения определялось пропорционально доле жителей соответствующих типов поселений в общей численности населения субъекта РФ. Основными критериями отбора респондентов на последней ступени являлись осуществление деятельности в течение трех лет, предшествующих опросу, и проведение проверок деятельности организации или индивидуального предпринимателя в течение двух лет, предшествующих опросу (за исключением налоговых проверок).

В выборке 51,9% индивидуальных предпринимателей (ИП), 39,9% – организации малого бизнеса (включая микропредприятия), 8,2% – организации среднего и крупного бизнеса⁴. Более трети (38,6%) опрошенных заняты в сфере торговли, общественного питания, гостиничном бизнесе, четверть (25,1%) – в сфере промышленности, транспорта и строительства, 13,9% – в сфере операций с недвижимым имуществом, 22,4% осуществляли иные виды деятельности.

Общий уровень доверия представителей частного бизнеса органам государственного контроля. Данные опроса показывают, что общий уровень доверия респондентов государственным КНО довольно высок: в целом доверяют органам государственного контроля 60,2% опрошенных, из них безусловно доверяют 14%, а скорее доверяют 46,2%.

В разрезе видов экономической деятельности несколько выше уровень доверия среди представителей частного бизнеса, занятого в сфере здравоохранения и социальных услуг (62,5%), и несколько ниже среди представителей частных предприятий и предпринимателей, занимающихся операциями с недвижимым имуществом (56,8%), однако выявленные различия невелики.

Значимых различий в уровне доверия в зависимости от размера (типа) бизнеса не отмечается: в целом доверие к КНО выразили 61,5% представителей ИП ($N = 519$), 58,6% представителей малого бизнеса ($N = 399$) и 59,7% респондентов, представляющих крупные и средние предприятия ($N = 82$).

Полученный по итогам исследования уровень доверия КНО оказался выше, чем уровень доверия правительству со стороны российского населения, который, по данным

не доверяю» и «затрудняюсь ответить». При проведении анализа уровень доверия рассматривался как доля респондентов, выбравших два первых варианта ответа на вопрос («безусловно доверяю» и «скорее доверяю»).

³ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/> (дата обращения: 07.03.2022).

⁴ Полученная структура выборки близка к структуре зарегистрированных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

ОЭСР, в 2020 г. составил 47,8%⁵. Примечательно, что уровень доверия представителей частного бизнеса к КНО оказался также выше, чем аналогичный показатель, рассчитанный по итогам репрезентативного социологического опроса населения в целом и составивший 49,7% [Добролюбова и др., 2020]. Такие различия свидетельствуют, что опыт взаимодействия с органами государственного контроля, которым обладали все респонденты при опросе частных хозяйствующих субъектов, но далеко не все опрошенные граждане, оказывает значительное влияние на уровень доверия.

Уровень доверия бизнеса и результативность государственного контроля. Анализ результатов социологического опроса показывает, что уровень доверия к КНО различается в зависимости от показателей, характеризующих результативность деятельности таких органов.

Так, среди представителей частного бизнеса, отмечающих скорее положительное влияние КНО на деятельность их предприятий, поскольку «в результате контрольно-надзорных мероприятий повышается качество и безопасность продукции, безопасность производственного процесса, снижаются риски причинения вреда жизни, здоровью, имуществу граждан, их законным правам и интересам, окружающей среде, памятникам культуры, связанные с деятельностью предприятия», в целом доверяют органам государственного контроля 85,3% опрошенных. Напротив, среди респондентов, придерживающихся нейтральных оценок и считающих, что «контрольно-надзорные мероприятия не оказывают влияние на безопасность производства, качество и безопасность продукции, создаваемые ими риски причинения вреда», уровень доверия составляет только 60,9%, а в группе опрошенных, отмечающих скорее отрицательное влияние государственного контроля на их деятельность, поскольку «в результате контрольно-надзорных мероприятий снижаются качество и безопасность продукции, безопасность производственного процесса, проведение мероприятий требует дополнительных расходов», уровень доверия существенно ниже среднего – 33,3%, затруднились 34,3%. По итогам опроса почти половина (49,6%) респондентов придерживается нейтральных оценок общего влияния государственного контроля на деятельность предприятия, четверть (25,2%) респондентов дали скорее положительные оценки, 14,7% – скорее отрицательные, 10,5% затруднились с ответом.

Различия в уровне доверия к КНО отмечаются в зависимости не только от общих оценок влияния их деятельности на минимизацию рисков причинения вреда, но и от оценки эффекта от последней проведенной проверки. Так, среди респондентов, отметивших, что последняя проведенная проверка привела к росту безопасности продукции для потребителей, общий уровень доверия органам государственного контроля составил 73,8%, а среди тех, кто не отмечал такого положительного эффекта, – лишь 56,7%. Аналогичные результаты получены и по другим параметрам оценки влияния проверок органов госконтроля на уровень безопасности (рис.)⁶.

Как показывают результаты опроса, подавляющее большинство (72%) опрошенных представителей частных хозяйствующих субъектов высоко (по сумме ответов «очень высокий» и «скорее высокий») оценивает профессионализм инспекторов КНО, которые проводили проверки. Только примерно каждый десятый респондент (10,1%) указал на низкий уровень профессионализма представителей КНО, осуществляющих проверку, а 17,9% опрошенных затруднились ответить.

Принципиально важно отметить существенные различия в уровне доверия КНО в зависимости от оценки профессионализма инспекторского состава. Если среди тех, кто

⁵ OECD (2021) Trust in government (indicator). URL: <https://data.oecd.org/gga/trust-in-government.htm> (дата обращения: 12.12.2021).

⁶ Менее половины опрошенных отмечает влияние последней проверки на улучшение параметров безопасности: 20,6% респондентов отмечают, что проверка привела к повышению безопасности продукции, 32,3% указывают на повышение безопасности производственных процессов, 25,9% – на повышение безопасности производственных объектов в результате проверки.

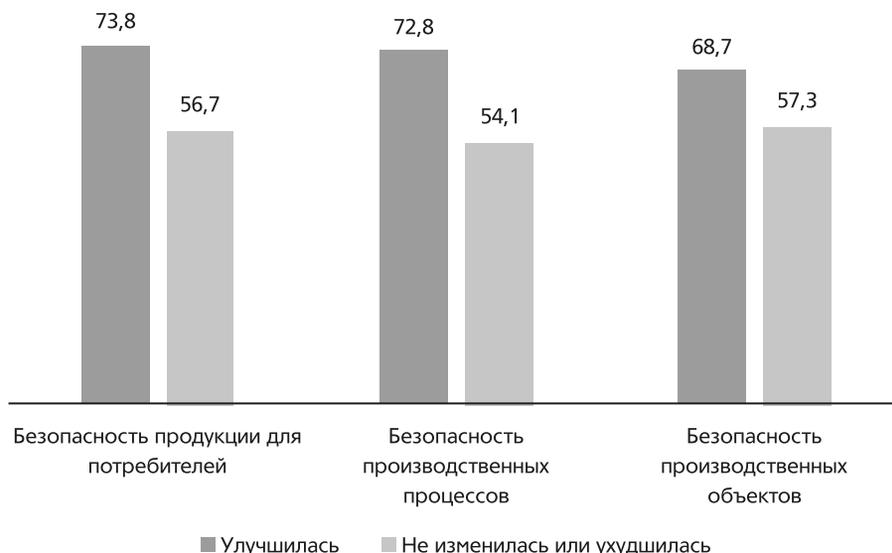

Рис. Уровень доверия частных хозяйствующих субъектов контрольно-надзорным органам в зависимости от оценки влияния последней проверки на изменение уровня безопасности продукции, производственных объектов и процессов, в %

высоко оценивает профессионализм инспекторов, уровень доверия органам государственного контроля составляет 69,9%, то среди респондентов, отмечающих низкий уровень профессионализма и компетентности, доверяют КНО вдвое реже – 34,7%.

Профессионализм и компетентность инспекторов во многом влияют на их способность выявить значимые нарушения, представляющие угрозу причинения вреда. Согласно результатам опроса, такие нарушения были выявлены у 9% хозяйствующих субъектов. Еще 35% опрошенных отметили, что в их деятельности были выявлены нарушения, не представляющие угрозу причинения вреда, у остальных 56% нарушения не выявлены. Примечательно, что наиболее высокий уровень доверия органам государственного контроля отмечается среди респондентов, в деятельности которых были выявлены серьезные нарушения (71,1%). Уровень доверия среди респондентов, в деятельности которых по итогам проверки не выявлено нарушений, оказался близок к среднему значению (62,5%), а реже всего о доверии к КНО заявляли те, в деятельности которых были выявлены нарушения, не представляющие угрозы причинения вреда (53,7%). Такие различия подчеркивают взаимосвязь, с одной стороны, реальной ориентации контрольно-надзорной деятельности на минимизацию рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям и, с другой стороны, уровня доверия частного бизнеса органам государственного контроля. Этот вывод подтверждают и сильные различия в общем уровне доверия среди респондентов, согласных с результатами последней проверки (65,9%) и не согласных с ними (33,1%).

Уровень доверия бизнеса и ценности контрольно-надзорных органов. Ключевыми ценностями контрольно-надзорных органов (и государственных органов вообще) являются законность, справедливость и беспристрастность. В рамках социологического опроса респондентам предлагалось оценить, насколько они согласны с утверждением, что «действия инспектора (инспекторов) контрольно-надзорного органа в рамках проверки были законными, справедливыми и беспристрастными». В той или иной степени с таким утверждением согласились 74,4% опрошенных (23,8% полностью согласились, 50,6% скорее согласились), но 14,4% не согласились и еще 11,2% респондентов затруднились ответить.

Отмечаются значительные различия в уровне доверия КНО в зависимости от оценки законности, справедливости и беспристрастности действий инспекторов. Так, доверяют

КНО 70,7% респондентов, отметивших, что действия инспекторов были законными, справедливыми и беспристрастными, но лишь 25,0% опрошенных, имеющих противоположную точку зрения. Среди затруднившихся ответить уровень доверия к КНО также оказался существенно ниже среднего (35,7%).

Еще одним показателем, позволяющим оценить приверженность КНО их основным ценностям, является факт неформальных платежей, однако следует осторожно интерпретировать точность ответа на подобный вопрос в рамках социологического исследования [Lesné, 2017]. По итогам опроса о том, что они уплачивали при проведении проверок неформальное вознаграждение проверяющим, сообщили только 6,3% опрошенных, в то время как 92,9% респондентов отрицали такие платежи, а 0,8% респондентов затруднились с ответом. При этом уровень доверия к КНО среди тех, кто осуществлял неформальные платежи либо не ответил на данный вопрос, составил 38,0% ($N = 71$), а среди тех, кто не осуществлял неформальные платежи, – 61,9% ($N = 929$). Следовательно, факт уплаты неформальных платежей оказывает сильное влияние на снижение доверия бизнеса к КНО.

Доверие бизнеса и качество регулирования. В большинстве случаев органы государственного контроля не являются одновременно регуляторами: они не устанавливают обязательные требования, а лишь проверяют их соблюдение. Однако можно предположить, что адекватность установленных требований реальным рискам причинения вреда и исполнимость законодательных норм взаимосвязаны с уровнем доверия бизнеса государству в целом, а следовательно, и органам госконтроля.

Отмечается снижение уровня доверия КНО при негативных оценках адекватности установленных обязательных требований реальным рискам причинения вреда. Так, 56% респондентов оценили установленные в отношении их деятельности обязательные требования как необходимые и достаточные для минимизации рисков причинения вреда, и уровень доверия органам государственного контроля в этой группе был значительно выше среднего – 76,5%. В то же время около трети (32,5%) опрошенных отметили избыточность установленных обязательных требований, и среди них уровень доверия органам государственного контроля оказался заметно ниже, лишь 39,3%.

Аналогичная взаимосвязь отмечается и между оценкой исполнимости установленных обязательных требований и уровнем доверия к КНО, осуществляющим проверку требований. Так, среди респондентов, отмечающих, что исполнение всех установленных требований «очень сложно или невозможно» или «скорее сложно» (44%), уровень доверия составлял 48%. В то же время среди тех, кто считает исполнение требований законодательства «скорее несложным» или «совсем несложным» (48,9%), доверяют КНО уже 71,2%.

Наконец, еще одним фактором, который может оказывать влияние на оценку качества регулирования и опосредованно влиять на уровень доверия бизнеса государственным КНО, является уровень регуляторной нагрузки. По итогам опроса выявлено, что в среднем представители частного бизнеса оценивают уровень издержек на исполнение обязательных требований, включая налоги и сборы, в 27% от выручки⁷. При этом среди респондентов, у которых уровень регуляторной нагрузки ниже среднего (45,8% от общего числа опрошенных), уровень доверия к КНО составил 63,8%. С ростом регуляторной нагрузки уровень доверия КНО несколько снижается. Так, среди представителей частных хозяйствующих субъектов, оценивающих регулятивную нагрузку в интервале от 27% до 40% от выручки, уровень доверия – 60,7%, а вот среди тех, у кого уровень регулятивной нагрузки превышал 40% от выручки, – только 46,4%.

Наиболее значимые факторы, коррелирующие с уровнем доверия частного бизнеса КНО. Для общей оценки наиболее значимых факторов, влияющих на уровень доверия представителей частного бизнеса к КНО, рассчитаем коэффициент ранговой корреляции Спирмена между выявленными факторами и оценкой доверия:

⁷ Затруднились ответить на этот вопрос 18,5% респондентов, среднее значение рассчитано на основе ответов остальных респондентов.

Таблица 2

**Коэффициент корреляции Спирмена между различными факторами
и уровнем доверия частного бизнеса к КНО**

Группа факторов	Наименование фактора	Коэффициент Спирмена
Результативность и компетентность КНО	Оценка общего влияния государственного контроля на деятельность предприятия	0,300**
	Оценка влияния последней проверки на повышение уровня безопасности продукции, производственных процессов и объектов	0,328**
	Оценка профессионализма и компетентности инспекторов	0,346**
	Согласие с результатами последней проверки	0,245**
	Факт выявления грубых нарушений при проведении последней проверки	0,114**
Ценности государственных органов	Оценка уровня законности, справедливости и беспристрастности действий инспекторов	0,393**
	Факт уплаты неформальных платежей при проведении последней проверки	-0,117**
Качество регулирования	Уровень информированности об обязательных требованиях	0,173**
	Сложность исполнения обязательных требований	0,273**
	Оценка соответствия государственного регулирования рискам причинения вреда	0,367**
	Уровень нагрузки, связанной с исполнением обязательных требований	-0,087*

Примечание. *корреляция значима при $p = 0,05$; **корреляция значима при $p = 0,01$. Ни по одному из рассматриваемых факторов выявленная корреляция не является высокой. Наиболее тесная связь уровня доверия отмечается с оценками законности, справедливости и беспристрастности действий инспекторов (коэффициент корреляции 0,393), оценками адекватности обязательных требований рискам (0,367) и оценками профессионализма и компетентности сотрудников КНО (0,346).

статистически значимая корреляционная зависимость выявлена для всех рассмотренных факторов (табл. 2).

Ограничения исследования. Опрос проводился на условиях анонимности, однако это обстоятельство не может полностью исключить риски получения социально-одобряемых ответов на некоторые вопросы анкеты (включая вопросы об осуществлении неформальных платежей, но не ограничиваясь ими). В целом такие риски оцениваются не очень высоко, поскольку представленные взаимосвязи между ответами респондентов на различные вопросы анкеты в целом логичны, при том что ответы на некоторые вопросы (например, о влиянии деятельности КНО на минимизацию общественно значимых рисков) весьма критичны.

Еще одно ограничение исследования связано с тем, что в состав выборки включались только представители частных хозяйствующих субъектов, деятельность которых была предметом проверок КНО за последние два года. Соответственно, полученные выводы справедливы для частных хозяйствующих субъектов, сталкивавшихся с проверками КНО, но не позволяют оценить уровень доверия КНО и коррелирующие с ним факторы для тех частных предприятий, деятельность которых не была предметом проверок органами государственного контроля.

Как отмечалось в описании методологии исследования, вопрос о доверии к КНО в российской практике исследован впервые. С учетом использованной выборки полученные данные не позволяют определить изменение уровня доверия представителей частных хозяйствующих субъектов органам государственного контроля до и после

проведения проверок КНО. Преодоление выявленных ограничений может стать предметом будущих исследований уровня доверия и взаимосвязанных с ним факторов. При их проведении, в частности, целесообразно использовать методы регрессионного моделирования для выявления наиболее значимых факторов, влияющих на уровень доверия представителей частного бизнеса к государственным КНО.

Выводы. Проведенное исследование показывает, что уровень доверия сталкивавшихся с проверками представителей частных хозяйствующих субъектов к контрольно-надзорным органам достаточно высок (60,2%) – выше, чем уровень доверия населения в целом к органам государственного контроля и органам власти вообще. Такие различия во многом объясняются наличием опыта взаимодействия с КНО и в целом высокими оценками профессионализма инспекторов, а также законности, беспристрастности и справедливости их действий.

Исследование подтверждает применимость подхода, предложенного ОЭСР и увязывающего уровень доверия граждан государственным институтам с результативностью их деятельности и с ценностями государственных органов [OECD, 2018]. Однако в случае доверия к органам государственного контроля важную роль играют и факторы, характеризующие качество регулирования, – адекватность и исполнимость тех обязательных требований, которые являются предметом проверки со стороны КНО.

Уровень доверия частного бизнеса к органам государственного контроля коррелирует с оценками респондентов относительно влияния КНО и проводимых ими проверок, а также ориентации регулирования на реальное снижение рисков причинения вреда от хозяйственной деятельности. Таким образом, чем больше контрольно-надзорная деятельность государства будет ориентироваться на минимизацию рисков причинения вреда, тем большим доверием КНО будут пользоваться среди представителей частного бизнеса. Это, в свою очередь, позволит повысить уровни соблюдения обязательных требований, устанавливаемых для защиты охраняемых законом ценностей, и своевременного устранения выявленных при проверках нарушений.

Проведенное исследование имеет ряд ограничений, как связанных с использованием социологических методов вообще (в частности, с рисками получения социально-одобряемых ответов на некоторые «острые» вопросы), так и обусловленных особенностями использованной выборки (в частности, в ее состав не включались представители частных хозяйствующих субъектов, не сталкивавшиеся с проверками). Исследование уровня доверия представителей частного бизнеса проведено впервые, что не позволяет выявить динамику оценок респондентов. Преодоление этих ограничений является важным направлением дальнейших исследований доверия представителей частных хозяйствующих субъектов к органам государственного контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Аузан А.А., Комиссаров А.Г., Бахтигараева А.И. Социокультурные ограничения коммерциализации инноваций в России // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 4. С. 76–95. [Auzan A.A., Komissarov A.G., Bakhtigaraeva A.I. (2019) Sociocultural restrictions on the commercialization of innovations in Russia. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy]. Vol. 14. No. 4: 76–95. (In Russ.)]
- Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Как и почему граждане оценивают свою защищенность от контролируемых государством рисков // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 70–81 [Dobrolyubova E.I. et al. (2020) How citizens evaluate safety from state-controlled risks and why. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 70–81. (In Russ.)]
- Мерсиянова И.В., Якимец В.Н., Пахомова Е.И. Доверие граждан к деятельности государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 98–119. [Mersyanova I.V. et al. (2012) Citizens' Trust to Public Servants' Performance. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues]. No. 4: 98–119. (In Russ.)].
- Пушкарева Г.В. Доверие в публичном пространстве государственного управления // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2019. № 76. С. 151–175. [Pushkareva G.V. (2019) Trust in the

- Public Space of Government. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [E-Journal Public Administration]. No. 76: 151–175. (In Russ.)
- Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Оценка результативности государственного контроля с позиции бизнеса: ключевые тенденции // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 32–53. [Yuzhakov V.N. et al. (2020) Evaluating performance of regulatory enforcement activities by businesses: key trends. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues]. No. 2: 32–53. (In Russ.)]
- Alessandro M., Lagomarsino B.C., Scartascini C., Streb J., Torrealday J. (2021) Transparency and Trust in Government. Evidence from a Survey Experiment. *World Development*. Vol. 138.
- Ball C., Burt G., De Vries F., MacEachern E. (2018) How environmental protection agencies can promote eco-innovation: The prospect of voluntary reciprocal legitimacy. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 129: 242–253.
- Batrancea L., Nichita A., Olsen J. et al. (2019) Trust and power as determinants of tax compliance across 44 nations. *Journal of Economic Psychology*. Vol. 74. Art. 102191.
- Beshi T.D., Kaur R. (2020) Public Trust in Local Government: Explaining the Role of Good Governance Practices. *Public Organizations Review*. Vol. 20: 337–350.
- Braithwaite V., Levi M. (2003) *Trust and Governance*. New York: Russell Sage Foundation.
- Christensen T., Lægreid P. (2005) Trust in government: The Relative Importance of Service Satisfaction, Political Factors, and Demography. *Public Performance & Management Review*. Vol. 28(4): 487–511.
- Dobos P., Takács-György K. (2020) The impact of the relationship between the state, state institutions and tax payers on willingness to pay tax. *Serbian Journal of Management*. Vol. 15(1): 69–80.
- Gunningham N., Sinclair D. (2009). Regulation and the role of trust: Reflections from the mining industry. *Journal of Law and Society*. Vol. 36(2): 167–194.
- Harring N. (2018) Trust and state intervention: Results from a Swedish survey on environmental policy support. *Environmental Science and Policy*. Vol. 82: 1–8.
- He C., Han G., Liu Y. (2019) Food safety satisfaction in China and its influencing factors: Empirical study with a hierarchical linear model. *Safety*. Vol. 5(1): 17.
- Kampen J., Van De Walle S., Bouckaert G. (2006) Assessing the Relation Between Satisfaction with Public Service Delivery and Trust in Government. The Impact of the Predisposition of Citizens Toward Government on Evaluations of Its Performance. *Public Performance & Management Review*. Vol. 29(4): 387–404.
- Keefer P., Rojas M.A.M., Scartascini C., Valle L.J. (2020). Trust to Advance Inclusive Growth. In: Nuguer V., Powell A. (eds) *Inclusion in Times of COVID-19*. Inter-American Development Bank: 41–52.
- Lesné F. (2017) Measuring corruption in business surveys: current practice and perspectives. *Economics and Finance*. Université Clermont Auvergne [2017–2020]. URL: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-02091001/file/2017CLFAD014_LESNE.pdf (accessed 25.01.2022).
- Malkina M.Y., Ovchinnikov V.N., Kholodilin K.A. (2021) Changing fortunes and attitudes: What determines the political trust in modern Russia? *Oeconomia Copernicana*. Vol. 12(1): 77–98.
- Masud A., Manaf N., Natrah S. (2014). Do Trust and Power Moderate Each Other in Relation to Tax Compliance? *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 164: 49–54.
- Morris S., Klesner J. (2010) Corruption and Trust: Theoretical Considerations and Evidence From Mexico. *Comparative Political Studies*. Vol. 43(10): 1258–1285.
- OECD (2017) *Trust and Public Policy: How Better Governance Can Help Rebuild Public Trust*. Paris: OECD Publishing.
- OECD (2018) *Trust and its determinants: Evidence from the Trustlab experiment* (Tech. rep.). Paris: OECD Publishing.
- Stoyan A.T., Niedzwiecki S., Morgan J., Hartlyn J., Espinal R. (2016). Trust in government institutions: The effects of performance and participation in the Dominican Republic and Haiti. *International Political Science Review*. Vol. 37(1): 18–35.
- Vainio A., Mäkineniemi J.-P., Paloniemi R. (2014) System justification and the perception of food risks. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 17(4): 509–523.
- Yapp C., Fairman R. (2006) Factors affecting food safety compliance within small and medium-sized enterprises: Implications for regulatory and enforcement strategies. *Food Control*. Vol. 17 (1): 42–51.

Статья поступила: 27.01.22. Финальная версия: 27.03.22. Принята к публикации: 28.03.22.

TRUST OF PRIVATE BUSINESSES IN STATE REGULATORY ENFORCEMENT AUTHORITIES

DOBROLYUBOVA E.I., YUZHAKOV V.N., POKIDA A.N.

Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Russia

Elena I. DOBROLYUBOVA, Cand. Sci. (Econ.), Lead researcher, Center of Public Administration Technologies (dobrolyubova-ei@ranepa.ru); Vladimir N. YUZHAKOV, Dr. Sci. (Phil.), Prof., Director of Center of Public Administration Technologies (yuzhakov-vn@ranepa.ru); Andrei N. POKIDA, Cand. Sci. (Soc.), Director of Center of Social and Political Monitoring (pokida@ranepa.ru). All – Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was funded by the state assignment for research and development studies to RANEPA.

Abstract. Trust in public institutes is closely correlated with public policy effectiveness in various areas. In literature it is common to analyze trust in government or certain public institutions by total population. However, such indicator may not reflect specifics of certain groups. This article based on 2021 sociological survey evaluates the trust in state regulatory control bodies by representatives of private businesses. It is demonstrated that the trust in these authorities on the part of businesses who had experience in interacting with such bodies is higher compared to the one measured for total population. The gap is explained by the fact that business trust is influenced by perceptions of personal experience in dealing with state regulatory enforcement bodies, performance and integrity of these authorities. Noteworthy, business trust in state regulatory enforcement bodies is also correlated with perceptions of quality of regulations which are the subject for inspections by the authorities in question.

Keywords: business, trust, inspection, regulatory enforcement authorities, regulation, risks of harm.

Received: 27.01.22. Final version: 27.03.22. Accepted: 28.03.22.

Е.В. ФРОЛОВА, О.В. РОГАЧ, Е.Ю. ВАСИЛЬЕВА

ДИСФУНКЦИИ ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ

ФРОЛОВА Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор факультета управления Российского государственного социального университета (efrolova06@mail.ru); РОГАЧ Ольга Владимировна – кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (rogach16@mail.ru); ВАСИЛЬЕВА Елена Юрьевна – действительный государственный советник Российской Федерации, помощник заместителя Председателя Правительства Российской Федерации (vasileva.elena22@mail.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. В статье исследуются факторы социальной эксклюзии выпускников интернатных учреждений, проводится анализ взаимосвязи процессов их жилищной депривации и социальной эксклюзии, определяется эффективность региональных мер социальной поддержки детей-сирот в период ожидания очереди на получение жилья. Результаты исследования показали, что только 4,8% выпускников интернатных учреждений смогли своевременно получить квартиру. Дети-сироты вынуждены самостоятельно решать свои проблемы: снимать квартиру, искать приют по знакомым или родственникам. Жилищная депривация детей-сирот становится точкой запуска таких проявлений социальной эксклюзии, как ограниченный доступ к жизненно важным социальным услугам (здравоохранение, образование, трудоустройство), проблемы с трудоустройством, тяжелое материальное положение. Несвоевременность предоставления жилья, отсутствие или недостаточность компенсаторных мер региональной поддержки сжимают пространство реализации успешных жизненных сценариев детей-сирот, формируют риски социальной аномии. Следствием указанных дисфункций становится рост протестного потенциала среди выпускников интернатных учреждений.

Ключевые слова: дети-сироты • жилищное обеспечение детей-сирот • жилищная депривация • социальная эксклюзия • социальная аномия

DOI: 10.31857/S013216250018695-7

Введение. Предоставление жилья детям-сиротам на момент их выхода из интернатного учреждения является одной из наиболее важных задач социальной политики государства, направленной на поддержку наименее защищенных групп населения [Зелинская, Ключко, 2020]. Риски социальной эксклюзии детей-сирот связаны с отсутствием семейной поддержки, нестабильностью финансового положения, дисфункциями социализации, резким переходом во взрослую жизнь и необходимостью самостоятельно решать вопросы обеспечения занятости, дохода, получения образования [Попов, 2017; Бахматова, Чусова, 2015]. Жилье в данном контексте выступает необходимым элементом жизнеобеспечения детей-сирот, его отсутствие крайне ограничивает возможности поддержания минимально приемлемого уровня жизни выпускника интернатного учреждения.

Статистические данные Единой государственной информационной системы социального обеспечения (ЕГИССО) на 1 сентября 2021 г. свидетельствуют, что численность детей-сирот, которые не смогли реализовать свое право на получение жилья, составляет 201 037 человек. Фиксируется отрицательная динамика по данному показателю: с 2013 по 2021 г. число детей-сирот, ожидающих своей очереди на получение жилья, увеличилось на 85 тыс. человек. По оценкам экспертов Счетной палаты, при сохранении существующих объемов ежегодного финансирования на предоставление жилья детям-сиротам, на

устранение задолженности перед ними потребует 6–7 лет¹. В условиях высокого уровня региональной дифференциации в РФ можно предположить, что в отдельных субъектах этот период будет существенно выше.

Теоретико-методологические основы исследования. Теория социального исключения используется для многомерного анализа новых форм неравенства [Atkinson, Davoudi, 2000; Copeland, Daly, 2012; Weck, Lobato, 2015; Milbourne, 2014]. Социальное исключение при этом рассматривается как комплексный процесс сужения границ доступа личности к удовлетворению жизненных потребностей. В частности, анализ понятия «социальное исключение» организован вокруг исследования доступности различных видов деятельности, ценностей и товаров. Дискуссионным остается вопрос о параметрах «необходимой доступности» [Cass et al., 2015]. Особый риск заключен в искажении субъективных оценок необходимых ресурсов, суженных притязаниях личности в условиях социального исключения. Например, своевременное предоставление жилья выпускнику интернатного учреждения исчерпывает весь перечень необходимых мер поддержки или актуальным остается вопрос о качестве жилья, доступе к объектам социальной инфраструктуры и трудоустройства в месте проживания? В ряде работ подчеркивается, что «культура социального исключения», закрепление поведенческих моделей социального пессимизма и неперспективных практик своего жизнеобеспечения складывается под воздействием внешних факторов, лимитирующих доступ к социальным благам, и выражается в минимизации потребностей [Лыткина, 2011]. Возможным риском становится формирование «экономической зависимости и закрепление практики выживания вне достижительских сценариев» [Ярошенко, 2004: 74], доминирование защитных, агрессивных стратегий коммуникации [Барсуков и др., 2019].

Детерминантами бедности могут выступать ограниченные возможности выстраивания личной идентичности [Giddens, 1991]. В ситуации социального исключения зачастую единственно устойчивым фактором формирования идентичности является место проживания [Фриковски, Столбов, 2006]. По мнению А.Ю. Казаковой, жилище определяет качество жизни само по себе, в то время как его отсутствие, дефицит, недостаточность, неблагоприятное социальное окружение выступают элементами объективной жилищной депривации, не позволяя удовлетворять витальные потребности личности [Казакова, 2017].

В работе М. Геддес выделяются следующие факторы социального исключения: недостаточность качественного образования, бездомность, отсутствие семейной поддержки, потеря работы, ухудшение здоровья [Geddes, 2000]. Ключевыми факторами социальной эксклюзии, по мнению А. Маданипур и С. Век, выступают отсутствие постоянной занятости, жилья, недостаточность мер государственной поддержки. Последний фактор, представляющий собой систему социального обеспечения, особенно важен как «фильтр» предотвращения рисков социальной изоляции детей-сирот в момент их выпуска из интернатных учреждений. Уязвимость перед социальным исключением является результатом кумулятивного наложения факторов риска [Madanipour, Weck, 2015]. В этом контексте актуальность приобретает анализ пересечения различных полей социальной эксклюзии детей-сирот в момент выхода из интерната. Данная «точка бифуркации» характеризуется наложением ряда важных процессов: выбор образовательной траектории и/или сферы занятости, принятие ответственности за собственное финансовое обеспечение, самостоятельное проживание вне стен интернатного учреждения. В этой ситуации жилищная депривация может стать точкой запуска негативной кумулятивной реакции на сопутствующие сферы жизнедеятельности (занятость, образование, доходы) и формирования социальной эксклюзии личности. Неблагоприятная ситуация с жильем оказывает

¹ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка выполнения поручений Президента РФ и Правительства РФ, направленных на улучшение жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за период 2017–2019 гг.». [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/f2b/f2b92f40030ba150c9b36244b2558509.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).

долгосрочное негативное воздействие, понижает человеческий капитал [Балабанова, Балабанов, 2003; Барсуков и др., 2019].

Социальная эксклюзия детей-сирот является не столько последствием их субъективных ограничений или недостаточности мотивации при достижении жизненных целей, сколько результатом дисфункций социальной политики государства, которые «перекрывают» возможности успешной реализации личностного потенциала, формируют ситуацию крайнего социально-экономического неблагополучия выпускников интернатных учреждений, не имеющих своего жилья.

Разрушительными последствиями невыполнения обществом социальных гарантий в сфере жилищного обеспечения детей-сирот становится развитие аномии, которую можно рассматривать как ситуацию социальной дезорганизации. Традиционно аномия понимается как состояние общества, для которого характерен распад существующих ценностей, утрата социальных смыслов, формирование условий, вынуждающих индивидов следовать противоречащим друг другу социальным нормам. Опираясь на ключевые положения теории аномии [Дюркгейм, 1995], можно предположить, что выпускники интернатных учреждений оказываются на «изломе» между уже неработающими правовыми нормами, гарантирующими жилье в условиях недостаточности региональных бюджетов и еще несформированными механизмами социальной поддержки, компенсирующими указанные дисфункции. Аномия сопряжена с такими чувствами, как беспомощность, незащищенность, одиночество, утрата ощущений принадлежности к обществу [Костина и др., 2018]. Аномия отражает ситуацию социальной напряженности, чаще всего детерминированную низкими доходами, социально-экономической уязвимостью, разочарованием и глубоким чувством безнадежности, неуверенности в будущем [Adnanes, 2007]. Р. Мертон в качестве причин аномии видел рассогласованность между декларируемыми в обществе целями и легитимными возможностями их достижения [Merton, 1968]. В данном случае речь идет о несоответствии между заявляемыми мерами социальной поддержки детей-сирот, провозглашением перспектив в сфере трудоустройства, образования и проблематичностью их осуществления. По мнению З. Баумана, социальная эксклюзия и аномия являются результатом расширения разрыва «между общественным положением людей де-юре и их возможностями стать индивидами де-факто, т.е. управлять своей судьбой и выбирать варианты, которые они действительно желают» [Бауман, 2008: 47]. Социальная аномия тесно связывается со снижением доверия к обществу, нарастанием социального пессимизма [Uslaner, 2000].

По мнению ряда ученых, формирование институциональных условий преодоления аномии должно быть направлено на развитие образовательных возможностей [Носкова и др., 2016], сокращение социальной поляризации в обществе, обеспечение социальной мобильности [Su, Ye, Wang, 2019]. В этом контексте наличие жилища выступает жизненно необходимым фундаментом социальной мобильности детей-сирот, обеспечивающим им предоставление стартовых возможностей для реализации успешных траекторий своего развития. Цель статьи заключается в исследовании факторов социальной эксклюзии выпускников интернатных учреждений, анализе взаимосвязи процессов их жилищной депривации и социальной эксклюзии, определении эффективности региональных мер социальной поддержки детей-сирот в период ожидания очереди на получение жилья.

Методы исследования. В 2021 г. был проведен анкетный опрос выпускников интернатных учреждений ($N = 3868$) во всех регионах РФ. Анкета была размещена на платформе google.form. Ссылка на прохождение опроса распространялась среди выпускников интернатных учреждений при содействии Всероссийской общественной организации «Содружество выпускников детских домов «Дети всей страны». Рекрутинг проводился по методу снежного кома, что позволило опросить не только членов содружества, но и привлеченных ими выпускников разных интернатных учреждений.

Демографические характеристики респондентов: 62,4% – женщины, 37,6% – мужчины; 25,1% респондентов в возрасте 18–19 лет, 50,2% – в возрасте 20–24 лет, 15,8% – 25–29 лет,

оставшиеся респонденты – в возрастном диапазоне от 30 лет и старше. Ограничением исследования выступает целевой принцип отбора респондентов, где главным критерием включения в выборку являлся статус сироты, позволяющий получать меры социальной поддержки (в частности, получение благоустроенного жилья из специализированного жилого фонда). Выборка, построенная по методу снежного кома, не позволила соблюсти строгую репрезентативность по социально-демографическим параметрам.

Гипотеза исследования: ключевым фактором социальной эксклюзии детей-сирот в современных российских условиях выступают дисфункции жилищного обеспечения. Уязвимость выпускников интернатных учреждений в части реализации жилищных прав обуславливает практики социального исключения детей-сирот, ограниченный доступ к базовым социальным услугам (здравоохранение, образование, трудоустройство).

Дополнительная гипотеза: своевременность и полнота предоставления компенсаторных мер государственной поддержки выпускникам интернатных учреждений в период ожидания очереди на получение жилья могут рассматриваться в качестве механизма минимизации риска их социальной эксклюзии.

Лицо социальной эксклюзии детей-сирот. Только 4,3% детей-сирот получили квартиру после наступления 18 лет, тем самым своевременно реализовав свои жилищные права. Временной разрыв между выходом из интернатного учреждения и получением собственного жилья ставит детей-сирот в крайне уязвимую позицию при реализации своих потребностей. Не получив от государства декларируемой поддержки, дети-сироты оказываются в условиях социальной эксклюзии, когда легитимные практики социальной жизни становятся для них практически невозможны. 4,9% вынуждены «бомжевать» или искать приюта по знакомым. Каждый четвертый временно проживал у родственников, что не может рассматриваться в качестве жизнеспособной альтернативы реализации жилищных прав детей-сирот. Разрыв между потенциальными возможностями и реальными практиками обеспечения жилищных прав детей-сирот не позволяют им самостоятельно «управлять» своей жизнью и воплощать желаемые стратегии в сфере образования, трудовой карьеры и построения семьи.

Утрату ощущения принадлежности к обществу усугубляет отсутствие временной регистрации, что закрывает доступ к трудоустройству, медицинским услугам, социальным выплатам и пр. 3,9% опрошенных сталкивались с наложением штрафов за отсутствие регистрации по месту жительства. Можно предположить, что преобладание бюрократического подхода, применение формальных санкций за вынужденные нарушения приводит к снижению уровня социального доверия, росту социальной напряженности и аномии.

Жилищная депривация детей-сирот становится точкой запуска цепной реакции, аккумулирующей такие дисфункциональные проявления, как отсутствие трудоустройства (57,9%), тяжелое материальное положение (30,1%), ограниченный доступ к высшему образованию, которое смогли получить только 7,9%, тогда как 20,3% имеют лишь основное общее образование (9 классов). Полученные данные отражают сущность социальной эксклюзии детей-сирот. Дополнительным подтверждением становится их ограниченный доступ к базовым социальным услугам, детерминированный жилищной депривацией. При ответе на вопрос: «В период ожидания своей очереди на получение жилья сталкивались ли Вы с какими-то проблемами при получении образовательных, медицинских или других услуг?» были высказаны следующие комментарии – «проблемы с поиском работы, не мог оформиться на работу» (8,7%); «были трудности с получением медицинских услуг, т.к. не было регистрации» (7,8%); «были трудности с получением образования, т.к. не было регистрации по месту жительства» (4,1%). Актуальным остается вопрос влияния жилищной депривации на культурный компонент социальной эксклюзии. Учеными отмечается формирование рисков выученной беспомощности уязвимых социальных групп, доминирование паттернов и образцов поведения в русле социального пессимизма [Циринг, Евстафеева, 2011; Пономарева и др., 2019]. Материалы исследования подтверждают низкий уровень субъектности детей-сирот в решении их жилищных проблем, отсутствие у них возможности управлять данными процессами.

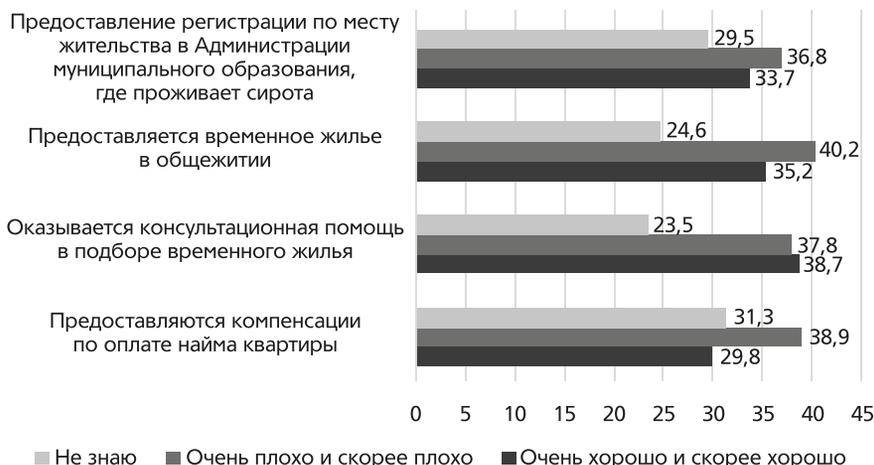

Рис. Распределение ответов на вопрос: «Оцените, насколько хорошо осуществляется в регионе поддержка детей-сирот, которые ожидают своей очереди на получение жилья?», в % от опрошенных

Компенсаторы жилищной депривации детей-сирот в фокусе социальной эксклюзии. Такие региональные меры поддержки детей-сирот, как предоставление компенсации по оплате найма или временного жилого помещения в период ожидания очереди на получение своего жилья, оказание консультационной помощи, получение временной регистрации по адресу Администрации, могут рассматриваться в качестве компенсаторов функциональной слабости государства как гаранта защиты жилищных прав детей-сирот. Выпускники интернатных учреждений в большинстве своем негативно оценивают качество региональной поддержки детей-сирот в сфере жилищного обеспечения (рис.).

Выше всего опрошенные оценивают «консультационную помощь в подборе временного жилья», хуже всего обстоит дело с предоставлением компенсаций по оплате найма квартиры.

Анализ данных показывает наличие проблем при получении образовательных, медицинских или других социальных услуг в период ожидания очереди на получение жилья в зависимости от компенсаторных мер государственной поддержки выпускников интернатных учреждений (табл. 1).

Среди тех, кто находился в позиции ограниченного доступа к услугам, значительно выше доля тех, кто отрицательно оценивает реализацию мер по предоставлению временной регистрации в Администрации по месту жительства. Обратная закономерность

Таблица 1

Наличие взаимосвязи региональных мер поддержки детей-сирот (предоставление регистрации) и проблем при получении услуг, в % от опрошенных

Оцените, насколько хорошо осуществляется в регионе поддержка детей-сирот, которые ожидают своей очереди на получение жилья (предоставление регистрации по месту жительства в Администрации, пока квартира не предоставлена)?	В период ожидания своей очереди на получение жилья сталкивались ли Вы с какими-то проблемами при получении образовательных, медицинских или других услуг?		Среднее
	да	нет	
Очень хорошо и скорее хорошо	18,0	37,5	33,7
Очень плохо и скорее плохо	63,0	30,5	36,8
Не знаю	19,0	32,0	29,5
Всего	100	100	

наблюдается у тех респондентов, кто не сталкивался с проблемами доступа к социальным услугам, но она менее выражена. Таким образом, «наличие регистрации становится границей, разделяющей условно благополучные социальные группы от тех, которые заведомо оказываются в положении социально исключенных» [Тихонова, 2003: 38]. Можно предположить, что причинами дистанцированности органов местного самоуправления от насущных потребностей детей-сирот становятся финансовые и кадровые ограничения современных муниципалитетов, их «функциональная слабость» в решении проблем своих жителей [Медведева и др., 2021].

Таблица 2

Наличие взаимосвязи региональных мер поддержки детей-сирот (предоставление временного жилья в общежитии) и проблем при получении услуг, % от опрошенных

Оцените, насколько хорошо осуществляется в регионе поддержка детей-сирот, которые ожидают своей очереди на получение жилья (предоставление временного жилья в общежитии, пока квартира не предоставлена)?	В период ожидания своей очереди на получение жилья сталкивались ли Вы с какими-то проблемами при получении образовательных, медицинских или других услуг?		Среднее
	да	нет	
Очень хорошо и скорее хорошо	21,0	38,7	35,2
Очень плохо и скорее плохо	64,6	34,2	40,2
Не знаю	14,4	27,1	24,6
Всего	100	100	

Среди тех, кто сталкивался с проблемами при получении социальных услуг, значительно выше доля тех, кому не было предоставлено временное жилье в общежитии. Те дети-сироты, которые имели возможность получить временное жилье (положительно оценили реализацию данных мер в регионе), значительно реже сталкивались с ограничениями в доступе к услугам.

Правовые дисфункции государственной социальной политики (несвоевременность предоставления жилья) ведут к нарастанию негативных последствий социальной эксклюзии детей-сирот ввиду отсутствия распределения и минимизации рисков жилищного обеспечения (отсутствие регистрации, временного жилья, компенсации найма). Социальное исключение становится «результатом стратегических просчетов при реализации государственной политики, инициирующих нарастание множественной дискриминации и длительной депривации достаточно дееспособной части общества» [Тихонова, 2003: 45]. С.С. Ярошенко указывает на «неспособность ключевых социальных институтов обеспечить благополучие определенным социальным слоям» [Ярошенко, 2019: 35].

Доминирующим фактором формирования положительных оценок ситуации в сфере обеспечения жильем детей-сирот явилось оказание консультационной помощи в подборе временного жилья. При выходе из интернатного учреждения дети-сироты, оказываясь в ситуации неопределенности, испытывают острую потребность в информационно-консультационном сопровождении нового этапа своей жизни. Пересечение критически важных точек принятия решений в сфере жилья, образования, организации быта, финансового обеспечения актуализирует запрос детей-сирот на участие социально значимых взрослых в построении траекторий их жизненного пути. Практики социальной эксклюзии детей-сирот (доступ к образованию, медицине, трудоустройству) в большинстве своем детерминированы отсутствием таких мер социальной поддержки, как предоставление регистрации и/или временного жилья. Оценки ситуации в сфере жилищного обеспечения детей-сирот определяются качеством оказания консультационной помощи. Ожидания выпускников детских домов концентрируются не столько в плоскости формального исполнения функционала соответствующих структур, сколько в поддержании практик доверительного взаимодействия. Когда государственная социальная политика демонстрирует

свою слабость, работники органов опеки и детских домов оказываются на переднем крае поддержания социального благополучия детей-сирот.

Пробелы в оказании консультационной помощи детям-сиротам вынуждают их обращаться к сторонним людям в целях защиты своих жилищных прав: 34,3% опрошенных отметили, что им приходилось это делать. Среди давших негативную оценку консультационной помощи в числе региональных мер поддержки доля вынужденных обращаться за помощью существенно вырастает: данную практику отмечают 52,9%.

Социальные настроения и протестный потенциал детей-сирот в условиях социальной эксклюзии. Полученные результаты демонстрируют определенное противоречие между объективными факторами жилищной депривации детей-сирот (только 4,7% отметили своевременность получения квартиры, эффективность компенсаторных мер по предоставлению компенсации найма, временного жилья достаточно низка) и положительными субъективными оценками ситуации по обеспечению жильем детей-сирот в РФ. В целом преобладает нейтральное отношение (42,5%), только 21,5% дали негативную оценку. Возможным объяснением является «оправдательное закрепление» существующих условий социального исключения. По мнению Ю.Д. Гесс и А. Леджервуд, исключенные люди пытаются когнитивно справиться с угрожающими факторами, что формирует систему мировоззрения, согласной которой «все получают то, что они заслуживают» [Hess, Ledgerwood, 2014].

Респондентам также был задан вопрос: «В какой мере вас устраивает сейчас жизнь, которую вы ведете?». 68,6% дали утвердительный ответ (варианты «полностью устраивает» и «скорее устраивает, чем нет»). Среди имеющих позитивное отношение к ситуации обеспечения жильем детей-сирот доля тех, кого устраивает жизнь, существенно выше – 87,0%. Если в целом по выборке преобладают респонденты, которых устраивает их жизнь, то среди имеющих негативное отношение к ситуации жилищного обеспечения детей-сирот 47,7% отметили, что их не устраивает та жизнь, которую они ведут («скорее не устраивает» и «полностью не устраивает»).

В ходе исследования ставилась задача – измерить протестный потенциал выпускников интернатных учреждений. Результаты исследования показали, что 40,5% присоединились бы к протестным акциям в защиту жилищных прав детей-сирот, если бы они проводились в регионе/месте их проживания (20,8% – «точно да», 19,7% – «скорее да, чем нет»). Протестный потенциал детей-сирот примерно в 2 раза выше, чем в среднем среди жителей РФ. Готовность к участию в акциях протеста выражал в среднем каждый пятый россиянин (от 14 до 21% в разные месяцы 2021 г.)². Протестный потенциал выше у тех респондентов, которых не устраивают их жизненные обстоятельства: среди выбравших вариант ответа «не устраивает» и «скорее не устраивает» 64,2% выпускников интернатных учреждений присоединились бы к протестным акциям в защиту жилищных прав детей-сирот.

Сравнение индекса личного протестного потенциала, рассчитанного по методике ВЦИОМ, показывает еще более высокий уровень социальной напряженности среди детей-сирот по сравнению с общероссийскими показателями. Данный показатель в среднем по РФ колебался от 23 до 29 в разные месяцы 2021 г., тогда как индекс протестного потенциала выпускников интернатных учреждений составил 49 пунктов.

Таким образом, несмотря на нейтральные оценки респондентами ситуации жилищного обеспечения детей-сирот (только каждый пятый дал негативную характеристику) и общую удовлетворенность жизненными обстоятельствами (68,6% устраивает жизнь, которую они ведут), высокий протестный потенциал иллюстрирует кризис в системе социальной защиты детей-сирот, социальное неравенство, остро выраженную реакцию на социальную несправедливость.

Заключение. Только 4,3% выпускников интернатных учреждений смогли своевременно получить жилье. В большинстве своем они вынуждены были самостоятельно решать

² Протестный потенциал. [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения: сайт. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 23.01.2022).

свои жилищные проблемы: снимать жилье, искать приюта у родственников, знакомых. Жилищная депривация детей-сирот становится точкой запуска взаимосвязанных проявлений социальной эксклюзии: ограничение доступа к жизненно важным социальным услугам (медицина, образование), проблемы с трудоустройством, тяжелое материальное положение. В сложившейся ситуации региональные меры поддержки (предоставление компенсации по оплате найма или временного жилого помещения, оказание консультационной помощи, получение временной регистрации по адресу местной Администрации) могли бы выступать в качестве фактора предотвращения социальной эксклюзии детей-сирот. Но только треть респондентов положительно оценили меры региональной поддержки. Авторы полагают, что предоставление временной регистрации по адресу местной Администрации может стать достаточно эффективной мерой предотвращения социальной эксклюзии детей-сирот в случае невозможности своевременного предоставления жилья, способствовать расширению их доступа к медицинским, образовательным и иным услугам. Данная инициатива требует внесения изменений в соответствующие нормативно-правовые акты, которые регламентируют правила регистрации граждан по месту пребывания и по месту жительства в пределах РФ.

Социальная эксклюзия детей-сирот в современных условиях детерминирована несвоевременностью предоставления жилья, недостаточной эффективностью компенсаторных мер поддержки в регионе, что «перекрывает» возможности реализации успешных жизненных стратегий детей-сирот, формирует ситуацию крайнего социально-экономического неблагополучия выпускников интернатных учреждений, не имеющих своего жилья. Следствием социального неравенства становится нарастание социальной напряженности, увеличение протестного потенциала выпускников интернатных учреждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанова Е.С., Балабанов А.С. Процессы накопления преимуществ и углубления депривации: к постановке исследовательской проблемы // Экономическая социология. 2003. № 4 (4). С. 62–78.
- Бауман А.В., Семикова Л.А., Маркелова Т.В. Проблема самосознания личности детей-сирот // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63 (3). С. 282–285.
- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Бахматова Т.Г., Чусова Ю.А. Социальная эксклюзия сирот на региональном рынке труда: опыт Иркутской области // Социологические исследования. 2015. № 6 (374). С. 40–45.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Зелинская М.В., Ключко Е.Н. Совершенствование государственного регулирования механизма предоставления жилья детям-сиротам в Краснодарском крае // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 1 (27). С. 114–122. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-00021.
- Казакова А.Ю. Феномен жилищной депривации в социальных и естественнонаучных исследованиях: концептуализация и изученность (научно-аналитический обзор) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (48). С. 46–62.
- Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2018. № 18 (4). С. 719–730.
- Лыткина Т.С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 14 (1). С. 87–109.
- Медведева Н.В., Фролова Е.В., Рогач О.В. Взаимодействие и перспективы партнерского территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72–82. DOI: 10.31857/S013216250015275-5.
- Носкова А.В., Титова М.А., Васильев А.А., Кишкин М.И. Дети вне семьи: фостерные практики в России // Социологические исследования. 2016. № 8 (388). С. 54–64.
- Пономарева И.В., Сизова Я.Н., Куба Е.А. Методы диагностики выученной и личностной беспомощности у молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2019. № 3–4 (7–8). С. 23–26.

- Полов С.Н. Практика реализации конституционного права на жилище лиц, оставшихся без попечения родителей: на примере Тюменской области // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 25. С. 107–112.
- Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 12 (1). С. 36–84.
- Фриковски М., Столбов В.П. Социальное исключение и его преодоление: психосоциологический аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 9 (3). С. 43–52.
- Циринг Д.А., Евстафеева Е.А. Психодиагностика личностной беспомощности: проблемы и методы // Сибирский психологический журнал. 2011. № 41. С. 111–120.
- Ярошенко С.С. О Возможностях применения теории андеркласса в России // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 28–38.
- Ярошенко С.С. Северное село в режиме социального исключения // Социологические исследования. 2004. № 7(243). С. 71–82.
- Adnanes M. Social transitions and anomie among post-communist Bulgarian youth // YOUNG. 2007. Vol. 15 (1). P. 49–69. DOI: 10.1177/1103308807072684.
- Atkinson R., Davoudi S. The concept of social exclusion in the European Union: Context, development and possibilities // Journal of Common Market Studies. 2000. Vol. 38(3). P. 427–448.
- Cass N., Shove E., Urry J. Social Exclusion, Mobility and Access // The Sociological Review. 2005. Vol. 53(3). P. 539–555. DOI: 10.1111/j.1467–954X.2005.00565.x.
- Copeland P., Daly M. Varieties of poverty reduction: Inserting the poverty and social exclusion target into Europe 2020 // Journal of European Social Policy. 2012. Vol. 22(3). P. 273–287.
- Geddes M. Tackling Social Exclusion in the European Union? The Limits to the New Orthodoxy of Local Partnership // International Journal of Urban and Regional Research. 2000. Vol. 24(4). P. 782–800.
- Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press, 1991.
- Hess Y.D., Ledgerwood A. Bolstering system-justifying beliefs in response to social exclusion // Group Processes & Intergroup Relations. 2014. Vol. 17(4). P. 494–508. DOI: 10.1177/1368430213510572.
- Madanipour A., Weck S. Social exclusion and poverty in Europe: Territorial patterns // Local Economy. 2015. Vol. 30(7). P. 715–720. DOI: 10.1177/0269094215601628.
- Merton R. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1968.
- Milbourne P. Poverty, place and rurality: Material and sociocultural disconnections // Environment and Planning A. 2014. Vol. 46(3). P. 566–580.
- Su Z., Ye Y., Wang P. Social change and generalized anomie: Why economic development has reduced social trust in China // International Sociology. 2019. Vol. 34(1). P. 58–82. DOI: 10.1177/0268580918812281.
- Uslaner E.M. Producing and consuming trust // Political Science Quarterly. 2000. Vol. 115(4). P. 569–590.
- Weck S., Lobato I.R. Social exclusion: Continuities and discontinuities in explaining local patterns // Local Economy. 2015. Vol. 30(7). P. 765–782. DOI: 10.1177/0269094215601641.

Статья поступила: 07.02.22. Финальная версия: 01.04.22. Принята к публикации: 04.04.22.

HOUSING DYSFUNCTIONS FOR ORPHANS AS A FACTOR OF THEIR SOCIAL EXCLUSION

FROLOVA E.V.*, ROGACH O.V.**, VASILIEVA E.Yu. ***

*Russian State Social University, Russia; **Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia; ***Assistant to the Deputy Prime Minister of the Russian Federation

Elena V. FROLOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. of Management department, Russian State Social University, Moscow, Russia (efrolova06@mail.ru); Olga V. ROGACH, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. of the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (rogach16@mail.ru); Elena Yu. VASILIEVA, State Adviser, Assistant the Deputy Prime Minister of the Russian Federation (vasileva.elena22@mail.ru).

Abstract. The aim of the article is to study of social exclusion factors of residential institutions graduates, to analyze relationship between the processes of their housing deprivation and social exclusion, to determine the effectiveness of regional measures of social support for orphans while waiting in line for housing. In 2021, the authors conducted a survey of graduates of residential institutions (N = 3868 people). The results of the study showed that only 4.8% of graduates of boarding schools were able to get an apartment timely. As a result, orphans are forced to solve their problems on their own: rent apartment, seek shelter from friends or relatives. Housing deprivation of orphans becomes a trigger point for such manifestations of social exclusion as limited access to vital social services, problems with employment, and a difficult financial situation. Untimely provision of housing, absence or insufficiency of compensatory measures of regional support compress the space for the implementation of successful life scenarios for orphans, and form social anomie risks. A consequence of these dysfunctions is growing protest potential of boarding schools graduates.

Key words: orphans, housing provision for orphans, housing deprivation, social exclusion, social anomie.

REFERENCES

- Balabanova E.S., Balabanov A.S. (2003) The processes of accumulating advantages and deepening deprivation: towards the formulation of a research problem. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. No. 4(4): 62–78. (In Russ.)
- Barsukov A.V., Semikova L.A., Markelova T.V. (2019) The problem of self-consciousness of the personality of orphans. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education]. No. 63 (3): 282–285. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Fluid modernity*. St. Petersburg: Peter. (In Russ.)
- Bakhmatova T.G., Chusova Yu.A. (2015) Social exclusion of orphans in the regional labor market: the experience of the Irkutsk region. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6 (374): 40–45. (In Russ.)
- Dyurkgeym E. (1995) *Sociology. Its subject, method, purpose*. Moscow: Canon. (In Russ.)
- Zelinskaya M.V., Klochko E.N. (2020) Improving state regulation of the mechanism for providing housing for orphans in the Krasnodar Territory. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural-Humanitarian Studies]. No. 1 (27): 114–122. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-00021. (In Russ.)
- Kazakova A.Yu. (2017) The Phenomenon of Housing Deprivation in Social and Natural Science Research: Conceptualization and Knowledge (Scientific-Analytical Review). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Surgut State Pedagogical University]. No. 3 (48): 46–62. (In Russ.)
- Kostina E.Yu., Orlova N.A., Panfilova A.O. (2018) The state of the value system as a factor of anomie in modern Russian society. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Ser.: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. No. 18 (4): 719–730. (In Russ.)
- Lytkina T.S. (2011). Social biography of exclusion in post-Soviet Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 14 (1): 87–109. (In Russ.)
- Medvedeva N.V., Frolova E.V., Rogach O.V. (2021) Interaction and prospects for partnership of territorial public self-government with local authorities. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 72–82. DOI: 10.31857/S013216250015275-5. (In Russ.)
- Noskova A.V., Titova M.A., Vasiliev A.A., Kishkin M.I. (2016) Children outside the family: foster practices in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8 (388): 54–64. (In Russ.)

- Ponomareva I.V., Sizova Ya.N., Kuba E.A. (2019) Methods for diagnosing learned and personal helplessness among young people. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovaniye i zdavookhraneniye* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Education and healthcare]. No. 3–4 (7–8): 23–26. (In Russ.)
- Popov S.N. (2017) The practice of realizing the constitutional right to housing for persons left without parental care: on the example of the Tyumen region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Bulletin of Tomsk State University. Right]. No. 25: 107–112. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2003) The phenomenon of social exclusion in Russia. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. No. 12 (1): 36–84. (In Russ.)
- Tsiring D.A., Evstafeeva E.A. (2011). Psychodiagnostics of personal helplessness: problems and methods. *Siberian psychological journal* [Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal]. No. 41: 111–120. (In Russ.)
- Frikovski M., Stolbov V.P. (2006) Social exclusion and its overcoming: psychosociological aspect. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 9 (3): 43–52. (In Russ.)
- Yaroshenko S.S. (2004) Northern village in the mode of social exclusion. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7(243): 71–82. (In Russ.)
- Yaroshenko S.S. (2019) On the possibilities of applying the underclass theory in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 28–38. (In Russ.)
- Adnanes M. (2007) Social transitions and anomie among post-communist Bulgarian youth. *YOUNG*. Vol. 15(1): 49–69. DOI: 10.1177/1103308807072684.
- Atkinson R., Davoudi S. (2000) The concept of social exclusion in the European Union: Context, development and possibilities. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 38(3): 427–448.
- Cass N., Shove E., Urry J. (2005) Social Exclusion, Mobility and Access. *The Sociological Review*. Vol. 53(3): 539–555. DOI: 10.1111/j.1467–954X.2005.00565.x.
- Copeland P., Daly M. (2012) Varieties of poverty reduction: Inserting the poverty and social exclusion target into Europe 2020. *Journal of European Social Policy*. Vol. 22(3): 273–287.
- Geddes M. (2000) Tackling Social Exclusion in the European Union? The Limits to the New Orthodoxy of Local Partnership. *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 24(4): 782–800.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press.
- Hess Y.D., Ledgerwood A. (2014) Bolstering system-justifying beliefs in response to social exclusion. *Group Processes & Intergroup Relations*. Vol. 17(4): 494–508. DOI: 10.1177/1368430213510572.
- Madanipour A., Weck S. (2015) Social exclusion and poverty in Europe: Territorial patterns. *Local Economy*. Vol. 30(7): 715–720. DOI: 10.1177/0269094215601628.
- Merton R. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press.
- Milbourne P. (2014) Poverty, place and rurality: Material and sociocultural disconnections. *Environment and Planning A*. Vol. 46(3): 566–580.
- Su Z., Ye Y., Wang P. (2019) Social change and generalized anomie: Why economic development has reduced social trust in China. *International Sociology*. Vol. 34(1): 58–82. DOI: 10.1177/0268580918812281.
- Uslaner E.M. (2000) Producing and consuming trust. *Political Science Quarterly*. Vol. 115(4): 569–590.
- Weck S., Lobato I.R. (2015) Social exclusion: Continuities and discontinuities in explaining local patterns. *Local Economy*. Vol. 30(7): 765–782. DOI: 10.1177/0269094215601641.

Received: 07.02.22. Final version: 01.04.22. Accepted: 04.04.22.

О.А. ПАРФЕНОВА, И.С. ПЕТУХОВА

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ЖИЗНЬ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ГОРОДСКОМ И СЕЛЬСКОМ КОНТЕКСТАХ

ПАРФЕНОВА Оксана Анатольевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (oparfenova@socinst.ru); ПЕТУХОВА Ирина Сергеевна – старший преподаватель, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия (irini-ptz@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена влиянию пандемии на жизнь пожилых людей в городском и сельском контекстах. На материалах 43 интервью мы сравнили ключевые параметры самоизоляции в городе и сельской местности. Сделан вывод, что пандемия в сельском контексте не усилила социальную исключенность пожилых на уровне местного сообщества, поскольку действовавший там мягкий режим позволял осуществлять привычные повседневные практики и поддерживать коммуникацию. В городе пожилые столкнулись с жесткой пространственной изоляцией и невозможностью поддерживать привычный повседневный образ жизни, что негативно сказалось на их физическом и психологическом состоянии. Исключенность из сферы медицинского обслуживания характерна и для горожан, и для сельчан – все информанты вынуждены были отменять или переносить на неопределенный срок плановые визиты, обследования и операции. Пандемия обострила инфраструктурный дефицит села: после отмены автобусных рейсов сельские жители оказались фактически отрезанными от крупных магазинов, банков, аптек и медицинских учреждений. Особенностью переживания пандемии в селе стало усиление общественного контроля за «чужаками» и перемещениями местных жителей. Яркой тенденцией стала стремительная цифровизация (освоение гаджетов, перевод общения в онлайн-формат, поиск и потребление информации в Интернете), которая затронула и сельчан, и горожан. Наблюдался рост межпоколенной и локальной солидарности, которая выражалась в помощи со стороны младших поколений семьи, волонтерских объединений в городе и местного сообщества в селе.

Ключевые слова: пандемия COVID-19 • самоизоляция • пожилые в городе • пожилые в сельской местности

DOI: 10.31857/5013216250018704-7

Введение. Глобальная пандемия COVID-19 затронула все группы населения, но наиболее уязвимым оказалось старшее поколение. Это связано не только с тем, что риск умереть от COVID-19 повышается с возрастом [WHO, 2020], но и с последовавшими в результате ограничительными мерами в адрес пожилых. Возникла ситуация «принудительной изоляции» ('forced lockdowns'), при которой более молодые поколения могли продолжить работу или учебу удаленно, а пожилые оказались изолированными, социальное дистанцирование стало новой нормой [Subudhi et al., 2020]. Длительная социальная изоляция пожилых рассматривается как дрейф между пользой и ущербом. При принятии решений не всегда учитывались сопутствующие риски: усугубление имеющихся и приобретение новых заболеваний в связи со снижением двигательной активности и сокращением доступа к плановой медицинской помощи. Люди пожилого возраста пострадали от самого SARS-CoV-2 и от мер, предпринимаемых против его распространения [Голубев, Сидоренко, 2020]. Вторичный ущерб еще предстоит оценить, но уже сейчас, по оценкам экспертов, за минувшие 2020–2021 гг. заметно возросла смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, что является не только следствием (осложнением) COVID-19, но и результатом недополученной

плановой и экстренной медицинской помощи¹ вследствие переориентации системы здравоохранения на борьбу с пандемией [Русанова, Камынина, 2021].

Данное исследование является продолжением изучения влияния периода самоизоляции на жизнь пожилых петербуржцев [Парфенова, 2020]. Мы дополнили контекст большого города (Санкт-Петербурга) сельским (Республика Карелия).

Теоретический контекст исследования: эйджизм, социальная исключенность и межпоколенная солидарность. Можно говорить о том, что произошло пересечение двух пандемий: пандемии эйджизма и пандемии COVID-19 [Maxfield et al., 2021]. В ходе пандемии можно было наблюдать широко развернувшийся в СМИ и социальных сетях эйджистский дискурс [Brad, 2021]. Эйджизм принял не только агрессивную или дискриминационную форму, но и сострадательную. Сострадательный эйджизм (compassionate ageism) активно проявился в социальных сетях и подчеркнул многообразие форм дискриминации и стигматизации [Vervaecke, Meisner, 2021]. Несмотря на благие намерения, принимаемые меры имели негативные эффекты для людей старшего возраста, поскольку подразумевали запугивание и психологическое напряжение, способствовали закреплению стереотипов о пожилых как о слабых и нуждающихся в защите [Webb, 2020].

Исследователи из разных стран констатируют, что меры по поддержанию безопасности здоровья и снижению рисков заражения коронавирусной инфекцией на практике привели к повышению риска социального исключения пожилых [Girdhar et al., 2020]. Социальное исключение давно перестало считаться синонимом бедности и рассматривается в горизонтальной плоскости, включающей различные сферы жизни [Abrahamson, 1997]. В случае с пожилыми людьми подчеркивается многомерность исключения и выделяется ряд конкретных областей/сфер жизни, в которых оно проявляется, – социальные отношения; среда обитания и сообщество; сервисы, инфраструктура и мобильность и т.д. [Walsh et al., 2017]. Делая попытку концептуализировать особенности социального исключения пожилых в сельской местности (на примере Ирландии), исследователи выделяют четыре фактора, которые влияют на то, как пожилой человек справляется с исключенностью в разных сферах жизни, – индивидуальные способности, жизненные траектории, макроэкономические факторы, место и сообщество [Walsh et al., 2020]. Если индивидуальные способности и жизненные траектории не выглядят специфически сельскими, то особенности места и сообщества, наряду с макроэкономическими факторами, действительно способны определить «сельскую» специфику. Для сельского сообщества характерен персонифицированный режим коммуникаций, основанный на длительных личных знакомствах [McCann et al., 2014]. С нашей точки зрения, именно этот факт лег в основу конструирования образов «своих» ('we-images') и «чужих» (the outsiders). Эти процессы могут способствовать установлению идентичности и привязанности среди тех, кто включен, но вызывают чувство отчуждения среди исключенных [Wanka et al., 2018].

Что касается макроэкономических факторов, то применительно к российскому контексту «оптимизация» медицинского обслуживания в селе привела к ограничению доступа населения к медицинским услугам. Нехватка медицинских учреждений и кадров, препаратов и оборудования, низкая эффективность профилактических мероприятий – актуальные проблемы современного села [Козырева, Смирнов, 2018]. Обделенность ресурсами, транспортная оторванность и изолированность от основных социальных потоков превращают сельскую местность в «глубинку», которая в долговременной перспективе обречена на исключенность [Ильин, 2010]. Пандемия, как и многие другие серьезные кризисы, не просто усилила, но фактически обнажила давние механизмы исключения и укоренила множественные формы неблагоприятия (disadvantages) для разных групп пожилых людей [Walsh et al., 2021].

¹ Петербургские врачи назвали «убийственные» последствия «ковида» // РБК-Петербург, 13 августа 2021 г. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/13/08/2021/611614429a794736e2e9e5e2 (дата обращения: 20.02.2022).

Тем не менее отмечается и рост межпоколенной солидарности во время пандемии [Fraser et al., 2020]. Некоторые полагают, что пандемия коронавируса не только ставит нас перед серьезными трудностями, связанными с (пере)согласованием ((re)negotiation) взаимных ожиданий и обязательств между поколениями в обществе, но и дает возможность изучить фундаментальную «моральную экономику» наших отношений между поколениями [Ellerich-Groppe et al., 2020].

Основной вопрос, на который мы отвечаем в нашей статье: как пандемия повлияла на повседневную жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах? Основная цель – выяснить, как пандемия повлияла на социальную исключенность (или включенность) пожилых в разных сферах и разных типах поселений (мегаполис и село), и что происходило с межпоколенными отношениями в период самоизоляции.

Эмпирическая база, социально-экономический и географический контекст исследования. Наше исследование базируется на материалах 43 интервью с городскими и сельскими пожилыми. Были проинтервьюированы 7 мужчин и 36 женщин в возрасте от 63 до 87 лет. Первый этап интервью проходил с июля по сентябрь 2020 г. в Санкт-Петербурге, было собрано 26 интервью (письменные и аудио) с городскими пожилыми². Это позволило нам зафиксировать мнения информантов на первоначальных этапах распространения инфекции и введенного режима самоизоляции. Важно отметить, что как такового локдауна или карантина в России официально не вводилось, каждый регион определял ограничительные меры, исходя из эпидемиологической ситуации. Второй этап исследования проходил с августа по сентябрь 2021 г., были собраны 19 интервью с пожилыми людьми, проживающими в четырех сельских поселениях Республики Карелия. Данные материалы позволяют зафиксировать осмысление пожилыми пандемии, ее последствий, «уязвимых» точек.

Гайд интервью включал в себя несколько тематических блоков, посвященных условиям самоизоляции и основным агентам помощи; изменениям в практиках посещения общественных мест и коммуникации; оценкам предпринимаемых властями мер и последствий пандемии. Результаты анализа мы также сгруппировали тематически.

Санкт-Петербург – это мегаполис, в котором проживают более 5 млн жителей. Период полной самоизоляции (с марта по май 2020 г.) здесь был достаточно жестким, покидать квартиры было запрещено всем возрастным группам, не только пожилым. Карелия в нашем исследовании представлена четырьмя сельскими поселениями, типичными для республики. Количество постоянных жителей в поселках может варьироваться от 1000 до 2500 человек. Расстояние до районных центров – от 12 километров до 100. Во всех поселках есть продуктовые магазины, в том числе принадлежащие крупным продуктовым сетям. В одном поселке регулярно работает поликлиника, в двух – дважды в неделю принимает фельдшер, в одном поселке – отсутствует фельдшер. Объекты социальной инфраструктуры распределены неравномерно. Как правило, есть детский сад, школа, клуб, который является центром культурной жизни сельского поселения. Аптека и банкомат встречаются не во всех поселениях. Общим для всех сельских поселений Карелии был ослабленный режим самоизоляции без жесткого контроля.

Условия самоизоляции и основные помощники. Обязательный режим самоизоляции для граждан 65+ в Санкт-Петербурге и граждан 60+ в Карелии был закреплен соответствующими нормативными актами³. В Санкт-Петербурге режим самоизоляции регулировался постановлением, законодательно запрещающим покидать дома людям старше

² Интервью были собраны волонтерами старшего возраста (60+) общественной организации «Дом проектов» (Санкт-Петербург). Материал собирался в рамках проводимой кампании «Возраст требует действий в пандемию» под эгидой международной сети «Помощь пожилым» (HelpAge).

³ Постановление Правительства Санкт-Петербурга, 2020; Распоряжение главы Республики Карелия, 2020.

65 лет⁴. В селах Карелии из введенных ограничений можно отметить специальные часы для посещения продуктовых магазинов лиц старше 60 лет (с 9 до 11 часов), отмену междугородних рейсов, соединяющих сельские поселения с районным центром. В городе был довольно строгий контроль за соблюдением режима самоизоляции, в отличие от сельской местности, где основным можно считать неформальный контроль со стороны местного сообщества, то есть условия самоизоляции были гораздо более жесткие в городе и относительно расслабленные в сельской местности.

В нашу выборку попали как одиноко проживающие пожилые, так и проживающие в семьях. Большинство городских информантов период самоизоляции провели в городских квартирах. В выигрышном положении оказались те, кто смог уехать в сельскую местность (на «дачу»), поскольку там были возможности для прогулок на свежем воздухе. В сельской местности информанты проживали, как правило, в своих частных домах. Основными помощниками чаще всего выступали близкие родственники, соседи и, если говорить о городе, социальные службы. В случае с одиноко проживающими людьми социальный работник и родственники оставляли продукты за дверью. В Санкт-Петербурге для помощи одиноким пожилым активизировались волонтерские движения, активно возникшие на базе государственных учреждений и НКО. Волонтеры помогали с доставкой продуктов и лекарств некоторым из наших городских информантов. В селе организованная помощь волонтеров отсутствовала, о ней слышали «где-то по телевизору», но никто ее не получал. Вместо этого здесь активизировалась родственная и соседская взаимопомощь. Услугами онлайн-доставки продуктов и медикаментов не пользовался никто из наших городских и сельских информантов. В первую очередь это связано с отсутствием необходимых навыков, а в сельской местности – еще и с отсутствием самих сервисов доставки.

Пространственные ограничения и изменения в практиках посещения общественных мест. Городские информанты провели самоизоляцию в своих квартирах, с запретом на любые прогулки, это оказалось для них наиболее существенным ограничением. *«Раздражало отсутствие прогулок на свежем воздухе, т.к. во дворе все площадки были закрыты. Есть балкон, но он почти в аварийном состоянии, боюсь упасть»* (О.И., 83 года, СПб.). В результате пожилые отмечали ухудшение физического состояния из-за невозможности поддерживать уровень физической активности и режим прогулок.

В сельской местности, поскольку прогулки на свежем воздухе были разрешены, пожилые люди не почувствовали на себе введение пространственных ограничений. *«Ничего не изменилось. Мы как жили, так и жили»* (Н.П., 81 год, Карелия). Были и те, кто, наоборот, больше стал гулять, так как появилось много свободного времени. Некоторые отметили, что в сельской местности не было такого жесткого официального контроля за перемещениями: *«У нас разрешалось в поселке. Кто смотрит, куда мы пошли? Я везде ходила. И к сестре ходила. Никто на нас тут не смотрит, куда пошел или не пошел. Не ловили, как в метро»* (М.В., 76 лет, Карелия).

В городе в период самоизоляции у пожилых практически не было легитимных способов посещать общественные места. Городские жители отмечали, что страшно было просто выйти на улицу. Сельчанам стало сложнее попасть из села в райцентр, т.к. сокращались или отменялись автобусные маршруты. *«Невозможно ехать в районный центр, автобусы не ходили, время ограничено было. На меня очень угнетающе действовала сама обстановка»* (П., 63 года, Карелия).

Таким образом, в части включенности в местное сообщество мы можем видеть очевидное преимущество у сельчан перед городскими жителями. Это объясняется разницей в условиях самоизоляции и максимальным сохранением привычного режима в селе. Однако этот опыт нельзя экстраполировать на сельскую местность в других странах, где исследователи определяют следующие эффекты изоляции для сельских пожилых в локдауне:

⁴ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 30 марта 2020 г. № 167 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга от 13.03.2020. № 121».

потеря автономности/агентности, активности, социального пространства (например, кофе или обед вне дома, волонтерство и посещение церкви) [Herron et al., 2021].

Межпоколенные отношения и цифровизация общения. У городских пожилых живое общение было заменено телефонным или видеоформатом посредством использования мессенджеров и специальных программ. Недостаток живого общения негативно оценивали многие информанты. Тем не менее страх заболеть/заразиться перевешивал недостаток офлайн-коммуникаций.

Среди сельских информантов были и те, кто отметили увеличение общения, поскольку у многих приехали родные из больших городов. Некоторые информанты отмечали положительные изменения в отношениях с младшими поколениями, указывая, что внуки и дети стали внимательнее и заботливее: *«Мне показалось, я почувствовала, что молодое поколение искренне обеспокоилось о здоровье своих пожилых родственников. Волонтерское движение активизировалось, молодежь отнеслась к этому неформально. Мне постоянно предлагается помощь и даже деньги от посторонних молодых людей. Это очень отраднo»* (О.И., 83 года, СПб.). Сюда же можно отнести и плотное погружение в жизнь внуков-школьников, помощь им с дистанционной учебой, что также отмечалось информантами как положительная сторона периода самоизоляции. Городские и сельские жители отметили, что чаще стали разговаривать по телефону, заменяли телефоном и социальными сетями живое общение: *«Где-то мы 4 месяца не виделись, я не боялась, а родственники боялись. Страх присутствовал у всех. Только телефоны и соцсети»* (Е.И., 63 года, Карелия).

Активно развивалась (часто вынужденная) цифровизация, позволившая переместить общение и потребление информационного контента в онлайн. *«Без телефона и скайпа совсем беда была бы. Лучше освоила свой мобильник, можно сказать, подружилась с ним. Обмениваюсь SMS, фотографиями, даже элфи делаю запросто, видео снимаю и отправляю. Внуки смеются: прогресс пришел вместе с вирусом»* (О.С., 86 лет, СПб.). Наряду с этим обострилось и цифровое неравенство (не все пожилые умеют пользоваться гаджетами/Интернетом и их основными возможностями). Некоторым преодолеть цифровой разрыв оказалось сложно. Бабушка в селе, вынужденная помогать внучке и делать с ней уроки во время дистанционного режима обучения, жаловалась на то, что не владеет технологиями и ей сложно было проверять задания: *«Родители жили в другом городе, а мне приходилось делать с ней уроки. Не всегда удавалось подключиться к Интернету, новые темы, сложно, а мне приходилось учить ее»* (Е.И., 63 года, Карелия). Тем не менее можно сделать вывод о том, что цифровизация коснулась не только массово ушедших на «удаленку» работников и учеников, но и пожилых, которые стали гораздо активнее осваивать и использовать цифровые способы общения и получения информации, снижая тем самым степень социальной изоляции. К похожему выводу приходят созвучные нашему исследованию, оценивающие освоение пожилыми цифрового формата общения как один из способов преодолеть социальную исключенность [Галкин, 2021]. На практике использование цифровых способов доступно не всем пожилым в силу цифрового разрыва [Dalberg, 2021]. И многие пожилые даже в странах с более высоким уровнем жизни (США) не имеют средств, чтобы оплачивать регулярный доступ в Интернет или купить себе девайсы для выхода в онлайн. Пожилым зачастую не хватает навыков для навигации в Интернете, что затрудняет использование телемедицины и виртуальных услуг, особенно актуальных в период пандемии [Weil et al., 2021]. О сколько-нибудь заметном развитии телемедицины в российском контексте, тем более сельском, к сожалению, говорить на сегодняшний день не приходится.

Доступ к медицинскому обслуживанию. Городские и сельские информанты отметили, что старались не обращаться за медицинской помощью в этот период. Плановые визиты, обследования и операции приходилось отменять на неопределенный срок. Невозможно было получить рецепты на лекарства, очки, стоматологическую помощь. Жизненно необходимые рецептурные препараты порой приходилось добывать с помощью ухищрений, что стоило немалых переживаний.

В сельской местности и без того скудный репертуар медицинских услуг стал фактически недоступным. Для типичного карельского поселка характерно наличие фельдшерско-акушерского пункта, работающего 1–2 дня в неделю ограниченное количество часов (как правило, 2–3). Работа фельдшера в сельской местности во время пандемии прекратилась в связи с нехваткой врачей из-за болезни. Многие информанты назвали страх остаться без медицинской помощи как самую большую проблему, которая возникла в период ограничительных мер. Данная ситуация усугубилась в связи с тем, что в первые месяцы жестких ограничений (апрель–июнь 2020 г.) между сельской местностью и районным центром не ходил общественный транспорт. Это создавало транспортные трудности для пожилых, которым требовалось попасть на прием к врачу в ближайший город. Ситуация с доступом к медицинским услугам во время пандемии выглядела удручающей еще и вследствие реорганизации районных больниц. Для того, чтобы сделать компьютерную томографию (КТ) пожилым с симптомами ковида, приходилось самостоятельно добираться до ближайшей межрайонной больницы (около 100 км) или ждать очереди, когда скорая сможет отвезти на обследование. *«Очень трудно было добраться, чтобы сделали КТ. У нас тут нет, только за 80 километров. Потом все-таки добились направления. [...] Решили, что я поеду на скорой. [...] Приехали, простояли мы у этого приемного покоя часа 4, не меньше. И в итоге нам сказали, что прием окончен, в 6 вечера. [...] сказали, приезжать завтра. Приехали в то же время. А меня стали проверять, 25% поражение легких»* (И.Н., 75 лет, Карелия).

Среди сельских информантов были те, кто оценивал действия медицинских работников как некомпетентные. Некоторые не обращались к врачу, занимались самолечением, советовались с родственниками по поводу лекарств. Сельчанам затрудняла доступ к плановой медицинской помощи необходимость электронной записи. Это было неудобно для пожилых, так как у них не было специальных навыков и возможностей записаться к врачу онлайн.

Так как второй этап нашего исследования совпал с кампанией вакцинации от коронавирусной инфекции, то в интервью с сельскими информантами был поднят вопрос об отношении к вакцинам. Многие наши информанты охарактеризовали вакцину как средство победы над болезнью. Сельские пожилые в интервью продемонстрировали высокую приверженность вакцинации от коронавируса. В частности, информанты оценили вакцину как способ победить страх над болезнью и ее последствиями.

Дефицит информации и порождение страхов. В качестве ощутимых неудобств наши информанты, как городские, так и сельские, отмечали недостаток информации по разным вопросам, начиная от особенностей самого заболевания и заканчивая возможностями получения волонтерской и социальной помощи. У пожилых был ярко выражен запрос на регулярную трансляцию проверенной информации о безопасном поведении.

Жители сельской местности отметили отсутствие доступа к актуальной информации о вводимых мерах и ограничениях. Нередко разные магазины указывали на разные распоряжения относительно ограничений посещения общественных мест. *«А поехала я как-то за сосисками в магазин, и меня развернули, так как мне не было 65. А где-то, наоборот, пускали только с 9 до 11, так как мне уже 60 было. Не было четкой градации по возрасту, то так, то так. Где-то более жесткие меры были, где-то менее»* (И.П., 63 года, Карелия). Количественные опросы на тему информированности населения о принимаемых мерах показали, что группа 65+ является наименее информированной (18% респондентов не знали о предпринимаемых властями мерах на первом этапе пандемии)⁵.

Негативную роль сыграло отсутствие информации о заболевших жителях местного сообщества. Все это отразилось на появлении «слухов», особенно в коммуникации

⁵ Режим самоизоляции: ожидания, мотивы, оценка введенных ограничений. Совместный аналитический доклад ВЦИОМ и АНО НИЦ «Особое мнение». URL.: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/rezhim-samoizolyacii-ozhidaniya-motivy-ocenka-vvedennykh-ogranichenij> (дата обращения: 20.02.2022).

местного сообщества, когда реальные события, ограничения, информация переплетаются с вымышленными. Слухи увеличивали страх перед болезнью, ее последствиями и угнетающе действовали на пожилых.

Многие информанты отметили, что ощущали страх в этот период. В сельской местности страх был связан с отсутствием достоверной информации об ограничительных мерах (решения менялись стремительно), о количестве заболевших, о возможности получения медицинской помощи и т.п. Информанты как в городе, так и в селе отметили негативное влияние «нагнетания» в СМИ на их эмоциональный настрой. Постоянное транслирование тревожных новостей – ограничение социальных контактов и взаимодействия, конструирование страхов: страх заразиться, страх перед карантинном, страх госпитализации, страх смерти, страх быть брошенным, страх остаться без продуктов питания, страх остаться без медицинских осмотров и помощи, беспокойство за родных. Все это повышало тревожность и подрывало психическое здоровье. Обратной стороной конструирования страхов и тревожных новостей стало целенаправленное уклонение от получения новых сведений, отмечают российские исследователи [Богомякова, Попова, 2021].

Оценка действий властей и принимаемых мер. В адрес принимаемых властями мер мы услышали немало критических замечаний как со стороны горожан, так и сельчан. Действия воспринимались как «растерянные» и неадекватные ситуации. Одна из характерных цитат: *«Ощущение, что никто не знал, что нужно делать, неготовность медицины, не было индивидуальных средств защиты и др. [...] В регионе ждали указаний свыше, не всегда понятна статистика, не было контроля за исполнением указов, принимаемых на местах, и до настоящего времени нет понимания полной картины происходящего»* (В.А., 63 года, СПб.). Отсутствие финансовой помощи также отмечалось многими информантами. Критиковались и нерациональные подходы к организации потоков людей в учреждениях, идущие вразрез с декларациями о соблюдении дистанций и требованиями о ношении масок и т.п. Закрытие парков и скверов было расценено горожанами как вредная и абсурдная мера.

Однако для многих сельских информантов характерно оправдание действий властей, введения ограничений, информационной работы в СМИ. Отчасти это может быть связано с тем, что в сельской местности отсутствовали жесткие ограничения передвижения. Создается впечатление, что сельские жители оценивают введение ограничений «где-то там», не конкретно в их населенном пункте. Но когда речь заходит о проблемах сельских территорий, работе транспорта, поликлиник, аптек, то работа властей получает критическую оценку. *«Кто на нас тут обращает внимание? Если у нас тут даже терапевта нет. [...] Если у нас что-то заболело, человек больной едет в город. Автобусы, в другой раз, не ходят, ходят плохо. [...] Депутаты собираются, толку никакого. [...] Если что-то заболело, в аптеку надо в город ехать»* (М.И., 73 года, Карелия).

Сельчане критично оценивали действия региональных и местных властей в вопросе ограничений для приезжающих из крупных городов. Действовавшие ограничения оценивались как недостаточные. Сельскими жителями были сконструированы образы «своих» и «чужих». «Свои» – жители этого поселка и их родственники, даже если они приезжие, они никак не связывались с угрозой распространения болезни. «Чужие» – жители крупных городов, туристы, приехавшие на период самоизоляции в экологически чистые и относительно безопасные районы. «Чужие» рассматривались как угроза распространения болезни и дополнительная нагрузка на и без того скудную коммунальную и социальную инфраструктуру. *«Была пандемия, и что? Те же самые москвичи и ленинградцы, все едут сюда. У нас, мол, коронавирус, а товарищи приезжают, правильно? [...] Ограничить нужно было. Мы были ведь тоже и в красной зоне, и так далее. [...] Нужно было сделать ограничения, чтобы Карелия оставалась “чистой”»* (А.И., 67 лет, Карелия).

Заключение и дискуссия. Многие из рисков, озвученные экспертами в отношении пожилых еще на старте пандемии (рост эйджизма, дефицит информации, изоляция и усиление социальной исключенности и т.п.), воплотились в жизнь, что подтверждается нашим исследованием.

Пандемия в сельском контексте не усилила социальную исключенность пожилых на уровне местного сообщества. Режим самоизоляции в селах позволял осуществлять привычные повседневные практики и поддерживать коммуникацию. В городском контексте пожилые столкнулись с жесткой пространственной изоляцией и невозможностью поддерживать привычный повседневный образ жизни. Пожилые горожане тяжело переживали изолированность в собственных квартирах, невозможность совершать прогулки, поддерживать привычное общение, что негативным образом сказалось на их физическом и психологическом состоянии. Запрет на прогулки в городах был оценен как вредная мера.

Если говорить об исключении из сферы сервисов и инфраструктуры, то сельские пожилые оказались более уязвимыми. Пандемия обнажила и подчеркнула инфраструктурный дефицит села, когда после отмены автобусных рейсов сельские жители оказались фактически отрезанными от крупных магазинов, банков, аптек и медицинских учреждений. Из сферы медицинской помощи оказались исключены как городские, так и сельские пожилые. Все информанты вынуждены были отменять или переносить на неопределенный срок плановые визиты, обследования и операции, испытывали сложности с получением рецептурных лекарств, очков и стоматологической помощи. Жители сельской местности подчеркивали необходимость обратить внимание на медицину, так как пандемия особенно остро высветила риски неполучения медицинской помощи в периферийных поселениях. В сельской местности пандемия обострила проблемы отсутствия медицинской и социальной инфраструктуры, так как многие сельские территории вступили в пандемию и без того хронически не получающими должного медицинского обслуживания. Это было связано с конструированием дополнительных страхов у пожилых – остаться без медицинской помощи, продуктов питания, социальных услуг, страх быть «отрезанными» от больших городов. Последствия недополучения экстренной и плановой медицинской помощи по неинфекционным заболеваниям уже нашли свое отражение в росте смертности от сердечно-сосудистых заболеваний за прошедшие два года.

Наше исследование позволяет говорить о росте межпоколенной и локальной солидарности, которая выражалась в помощи со стороны младших поколений семьи, волонтерских объединений в городе и местного сообщества в сельской местности. В сельском контексте усилилось разделение на «своих» – «безопасных» и горожан-«чужаков», воспринимаемых как угроза, что привело к усилению социального контроля, в том числе за контактами с приезжими.

Помимо усиления социальной исключенности пожилых в период пандемии, нам представляется важным вопрос о будущем и роли пожилых в нем. Здесь мы солидарны с исследователями, которые задаются вопросом о том, какой могла бы быть «новая роль» пожилых в ближайшем будущем, когда начнется этап «реконструкции» после пандемии и потребуются огромные усилия каждого человека [Petretto, Pili, 2020]. Хочется надеяться, что этот этап не за горами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Богомягкова Е.С., Попова Е.Е. «Усталость сострадать» в практиках медиапотребления (на примере отношения к проблематизации распространения COVID-19) // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 46–56. [Bogomyagkova E.S., Popova E.E. (2021) "Fatigue to Compassion" in the Practices of Media Consumption (the Example of the Attitude to the Problematisation of the Spread of COVID-19). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 46–56. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250012269-8.
- Галкин К.А. Социальное исключение пожилых людей в сельской местности в период пандемии COVID-19 в Республике Карелия // Вестник Института социологии. 2021. № 4. С. 193–210. [Galkin K.A. (2021) Social exclusion of older people in rural areas during the COVID-19 pandemic in the Republic of Karelia. *Vestnik instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 4: 193–210. (In Russ.)] DOI: 10.19181/vis.2021.12.4.760.

- Голубев А.Г., Сидоренко А.В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. № 2. С. 397–408. [Golubev A.G., Sidorenko A.V. (2020) Theory and practice of aging in the conditions of the COVID-19 pandemic. *Uspekhi gerontologii* [Advances in Gerontology]. No. 2: 397–408. (In Russ.)] DOI: 10.34922/AG.2020.33.2.026.
- Ильин В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 25–47 [Ilyin V.I. (2010) Russian outback in the social structure of Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 13(4): 25–47. (In Russ.)]
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Проблемы медицинского обслуживания в сельской местности // Гуманитарий Юга России. 2018. № 4. С. 33–49. [Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2018) Problems inherent to healthcare in rural areas. *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. No. 4: 33–49. (In Russ.)]
- Парфенова О.А. Самоизоляция пожилых в городе во время пандемии COVID-19 (на примере Санкт-Петербурга) // Успехи геронтологии. 2020. № 6. С. 1027–1031. DOI: 10.34922/AE.2020.33.6.002. [Parfenova O.A. (2020) Self-isolation of the elderly in the city during the COVID-19 pandemic (on the example of St. Petersburg). *Uspekhi gerontologii* [Advances in Gerontology]. No. 2: 1027–1031. DOI: 10.34922/AE.2020.33.6.002. (In Russ.)]
- Русанова Н.Е., Камынина Н.Н. Коронавирус и преждевременная смертность от неинфекционных заболеваний в России // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 123–134. [Rusanova N.E., Kamynina N.N. (2021) Coronavirus and premature mortality from noncommunicable diseases in Russia. *Narodonaselenie* [Population]. No. 3: 123–134. (In Russ.)] DOI: 10.19181/population.2021.24.3.10.
- Abrahamson P. (1997) Combating poverty and social exclusion in Europe. In: W. Beck L. van der Maesen and A. Walker (eds). *The Social Quality of Europe*. The Hague, the Netherlands.
- Brad A. Meisner (2021) Are You OK, Boomer? Intensification of Ageism and Intergenerational Tensions on Social Media Amid COVID-19. *Leisure Sciences*. Vol. 43. No. 1–2: 1–6. DOI: 10.1080/01490400.2020.1773983.
- Dahlberg E. (2021) Loneliness during the COVID-19 pandemic. *Aging & Mental Health*. Vol. 25. No. 7: 1161–1164. DOI: 10.1080/13607863.2021.1875195.
- Ellerich-Groppe N., Schweda M., Pfaller L. (2020) “# StayHomeForGrandma—Towards an analysis of intergenerational solidarity and responsibility in the coronavirus pandemic”. *Social Sciences & Humanities*. Vol. 2. No. 1: 1–5. DOI: 10.1016/j.ssaho.2020.100085.
- Fraser S., Lagacé M., Bongué D. et al. (2020) Ageism and COVID-19: what does our society's response say about us? *Age and Ageing*. September 2020: 1–4. DOI: 10.1093/ageing/afaa097.
- Herron R.V., Newall N.E.G., Lawrence B.S., Ramsey D., Waddell C.M., Dauphinais J. (2021) “Conversations in Times of Isolation: Exploring Rural-Dwelling Older Adults' Experiences of Isolation and Loneliness during the COVID-19 Pandemic in Manitoba, Canada”. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 18. No. 6: 3028. DOI: 10.3390/ijerph18063028.
- Maxfield M., Peckham A.M., Guest A., Pituch K.A. (2021) Age-Based Healthcare Stereotype Threat during the COVID-19 Pandemic. *Journal of Gerontological Social Work*. Vol. 64. No. 6: 571–584. DOI: 10.1080/01634372.2021.1904080.
- McCann M., Grundy E., O'Reilly D. (2014) Urban and rural differences in risk of admission to a care home: A census-based follow-up study. *Health and Place*. No. 30: 171–176. DOI: 10.1016/j.healthplace.2014.09.009.
- Petretto D.R., Pili R. (2020) Ageing and COVID-19: What Is the Role for Elderly People? *Geriatrics*. Vol. 5. No. 2: 25. DOI: 10.3390/geriatrics5020025.
- Subudhi R., Srikant D., Sonalimayee S. (2020) Social Inclusion of Older Adults during COVID-19 Pandemic. *Journal of Management*. URL: <https://ssrn.com/abstract=3755830>.
- Vervaecke Deanna and Brad A. Meisner. (2021) Caremongering and Assumptions of Need: The Spread of Compassionate Ageism During COVID-19. *The Gerontologist*. Vol. 61. Iss. 2: 159–165. DOI: 10.1093/geront/gnaa131.
- Walsh K., O'Shea E., Scharf T. (2020) Rural old-age social exclusion: A conceptual framework on mediators of exclusion across the lifecourse. *Ageing and Society*. No. 40(11): 2311–2337. DOI: 10.1017/S0144686X19000606.
- Walsh K., Scharf T., Keating N. (2017) Social exclusion of older persons: A scoping review and conceptual framework. *European Journal of Ageing*. No. 1: 81–98. DOI: 10.1007/s10433-016-0398-8.
- Walsh K., Scharf T., Van Regenmortel S., Wanka A. (2021). The Intersection of Ageing and Social Exclusion: 3–25 In: Walsh K., Scharf T., Van Regenmortel S., Wanka A. (eds). *Social Exclusion in Later Life: International Perspectives*. Cham: Springer International Publishing. DOI: 10.1007/978-3-030-51406-8_30.

- Wanka A., Moulaert T., Drilling M. (2018) From environmental stress to spatial expulsion: Rethinking concepts of socio-spatial exclusion in later life. *International Journal of Ageing and Later Life*. Vol. 12. No. 2: 25–51. DOI: 10.3384/ijal.1652–8670.18402.
- Webb L. (2020) Covid-19 lockdown: a perfect storm for older people's mental health. *Journal of psychiatric and mental health nursing*. DOI: 10.1111/jpm.12644.
- Weil J., Kamber T., Glazebrook A., Giorgi M., Ziegler K. (2021). Digital Inclusion of Older Adults during COVID-19: Lessons from a Case Study of Older Adults Technology Services (OATS). *Journal of Gerontological Social Work*: 1–13.
- WHO. (2020) Report of the WHO-China Joint Mission on Coronavirus Disease 2019 (COVID-19). URL: <https://www.who.int>. (accessed 10.11.21).

Статья поступила: 03.02.22. Финальная версия: 23.02.22. Принята к публикации: 28.03.22.

COVID-19 PANDEMIC IMPACT ON OLDER PEOPLE IN URBAN AND RURAL CONTEXTS

PARFENOVA O.A.*, PETUKHOVA I.S.**

*Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia; **Petrozavodsk State University, Russia

Oksana A. PARFENOVA, Senior Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia (oparfenoVA@socinst.ru); Irina S. PETUKHOVA, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University, Institute of History, Political and Social Sciences, Department of Sociology and Social Work, Petrozavodsk, Russia (irini-ptz@yandex.ru).

Abstract. The article is devoted to the analysis of the pandemic impact on the life of the older people in urban and rural contexts. Our study permits to conclude that the pandemic in a rural context has not increased social exclusion of the older people at the community level. In turn, in the urban context, the elderly faced severe spatial isolation and inability to maintain their usual daily lifestyle, which negatively affected their physical and psychological state. In terms of health care, many older people, both urban and rural, have been forced to cancel scheduled doctor visits and check-ups, postpone surgery indefinitely. The pandemic emphasized the infrastructure deficit in rural areas, when, after the cancellation of bus traffic, the villagers were actually cut off from shops and services. A striking trend during the pandemic has been a rapid digitalization (developing gadgets, transferring communication to an online format, searching for and consuming information on the Internet), which has affected both villages and city dwellers. We can see the growth of intergenerational and local solidarity expressed in the help from the younger generations of the family, volunteer associations in the city and the local community in the countryside.

Keywords: COVID-19 pandemic, self-isolation, older people in the city, older people in the countryside.

Received: 03.02.22. Final version: 23.02.22. Accepted: 28.03.22.

© 2022 г.

Д.Н. НЕЧАЕВ, О.Р. ЛЮБКИНА

РОЛЬ АГРАРНЫХ ЭЛИТ В ДЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

НЕЧАЕВ Дмитрий Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин (nechaevpolitia@rambler.ru); ЛЮБКИНА Ольга Романовна – аспирант кафедры управления социально-экономическими системами и бизнес-процессами (lyubkinao@bk.ru). Оба – Воронежский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Воронеж, Россия.

Аннотация. Исследуется феномен аграрных элит областей Центральной России – групп интересов агропромышленных комплексов (АПК) и сельских территорий. Доказывается, что конкурентные преимущества аграрных элит в правящем слое субъектов РФ ведут к политическим решениям на субнациональном уровне в интересах в первую очередь АПК и сельских жителей. На основе анализа эмпирических данных о структуре региональных законодательных собраний, где доминировало аграрное лобби (8 регионов из 17), и отраслевых приоритетах глав регионов авторы доказывают деструктивное влияние аграрных элит на региональную социально-экономическую политику, стимулирующее деиндустриализацию. Сделан вывод, что конкуренция аграрных и промышленных элит в регионах РФ предопределяет либо технологическую модернизацию территорий и их преимущественно индустриальное развитие, либо их деиндустриализацию и сохранение аграрной архаики.

Ключевые слова: политическая социология • группы интересов • аграрные и промышленные элиты • старопромышленные регионы • деиндустриализация • новая индустриализация

DOI: 10.31857/5013216250018510-4

Соблюдение баланса интересов различных социальных страт современного российского общества на общенациональном и субнациональном уровнях – сложный, многоаспектный и противоречивый процесс. Эти интересы отражаются в разных видах государственной политики (промышленной, аграрной, социальной и т.д.), которые, в свою очередь, являются следствием влияния элит и групп интересов. В современной России одной из ключевых задач является преодоление последствий деиндустриализации, это – ключевой приоритет промышленной политики. Авторы постараются далее доказать, что решение этой, казалось бы, чисто экономической задачи является на самом деле в значительной степени социальной проблемой, связанной с конкуренцией различных отраслевых элит, прежде всего промышленной и аграрной.

Аграрные и промышленные элиты как конкурирующие акторы. Для понимания сущности и роли современных отраслевых элит целесообразно опереться на подход Джона Д. Нэгла, который под элитой понимает доминирующий класс, владеющий производственными активами общества и контролирующий их [Nagle, 1992: 492]. Этот

доминирующий класс структурно разделен на отраслевые, функционально важные для социума элиты, обеспечивающие защиту себя и «своих» групп. Если рассматривать элиты с точки зрения управленческих процессов, то их можно определить как группы, члены которых имеют в обществе высокий статус, а сама группа занимает лидирующие позиции в политико-управленческом процессе и в социальном управлении, распределяя и перераспределяя ресурсы общества.

При анализе деиндустриализации в постсоветской России необходимо обращение к тем научным концептам, в которых специально анализируется роль элит в контексте социальной акторности национальной экономической политики. Первостепенную роль играет подход американского социолога Р. Лахмана, который на примере развивающихся стран обосновал роль аграрных и промышленных элит в индустриальной модернизации государств и территорий. Там, где аграрная элита тесно связана с властно-политическими группировками национальных государств, эта элита господствовала в процессе принятия государственных решений и блокировала усилия правительств инвестировать в промышленность. Альтернативой аграрной элите в реализации общенациональных проектов развития, в том числе и индустриального, являлась промышленная элита, рекрутируемая из собственников и менеджеров промышленных производств. Там, где элита «раскалывалась» на аграрную и промышленную, возникали окна возможностей для индустриального развития [Лахман, 2020: 195]. Р. Лахман как постмарксист выделял элиты по классовому признаку, производному от традиционного противопоставления землевладельцев владельцам промышленного капитала, но предлагаемая им типологизация элит содержит и отраслевой подход. Ведь при наличии конкурентных отраслевых рынков неизбежен процесс формирования соответствующих отраслевых элит, участвующих в лоббировании специфических интересов «своей» отрасли и тех социальных страт, которые с ней прямо или опосредованно связаны. Поэтому наличие взаимосвязанных отраслей АПК предполагает и наличие аграрных элит как на общенациональном, так и на региональном уровне.

Отечественный элитолог О.В. Гаман-Голутвина считает региональную политическую элиту, включая и бизнес-элиты, специфическим постсоветским феноменом. Она указывает на тенденцию расширения участия бизнес-элиты в региональной политике, объясняя этот процесс стремлением региональных бизнес-элит как защитить свой бизнес от федеральных ФПГ, так и получить посредством электоральных процессов властно-административные рычаги влияния [Гаман-Голутвина, 2006: 383]. Таким образом, региональные элиты РФ, на наш взгляд, представляют собой отраслевые финансово-политические группы интересов, являющиеся фоном фигуры территориальной власти и обладающие статусными позициями в территориальном сообществе, имеющие рычаги воздействия на принятие решений в системе исполнительной и законодательной власти региона, а также являющиеся носителями территориальной идентичности.

Общенациональные и территориальные элиты наравне с позитивными миссиями могут осуществлять и такие политико-управленческие практики, которые, согласно Э. Фромму, ориентированы на разрушение [Фромм, 2016: 30]. Так, в «генетической» памяти отечественных аграрных элит находятся травматические воспоминания об индустриализации СССР рубежа 1920–1930-х гг., которая была осуществлена во многом за счет ресурсов крестьянства и аграрной отрасли (вплоть до «голодомора»).

Во взаимодействии аграрных и промышленных элит изначально заложено противоречие, которое выражается в конкуренции этих отраслевых групп интересов за ресурсы, позиции и влияние на принятие политических решений. Логично предложить гипотезу, что результаты конкуренции региональных промышленных и аграрных элит в части субъектов РФ предопределили деиндустриализацию территорий из-за преобладания «аграриев». Наоборот, доминирование промышленных элит в союзе с сильной бюрократией, ставящей перед собой проекты территориального развития, способствовало реализации в другой части субъектов РФ стратегий реиндустриализации и новой индустриализации.

Процессы деиндустриализации. Поясним, прежде всего, сущность проблемы деиндустриализации, которую правомерно рассматривать в значительной степени как результат конкуренции региональных отраслевых элит в постсоветской России.

Деиндустриализация в 1990–2000-е гг. носила долговременный и массовый характер, негативно отразившийся на многих регионах РФ. Согласно Росстату, одним из показателей деиндустриализации страны стало снижение доли валовой добавленной стоимости промышленного производства в ВВП. Если в 1990 г. в РСФСР эта доля составляла 39%, то к 1995 г. она упала до 29% и на этом низком уровне оставалась до 2013 г. [Российский статистический ежегодник, 2000; Промышленное производство в России, 2019], пока в 2014 г. не был принят федеральный закон о промышленной политике. В ряде регионов Центральной России деиндустриализация приобрела характер откровенно разрушительного процесса.

Одним из основных критериев деиндустриализации является снижение веса обрабатывающих производств в структуре валового регионального продукта (ВРП). На основе данного критерия следует утверждать, что из 17-ти областей Центральной России восемь областей образовали к середине 2010-х гг. «ржавый пояс ЦФО» [Нечаев, 2018: 82] с отчетливыми признаками деиндустриализации. Это – Воронежская (где в 2015 г. обрабатывающие производства давали лишь 13,7% ВРП), Орловская (15,2%), Тверская (16,9%), Брянская (17,1%), Ивановская (17,5%), Смоленская (21,6%), Костромская (24,2%) и Владимирская (30,0%) области. Для сравнения: в соседней Липецкой области обрабатывающие производства составляли 41,3% ВРП [Регионы России, 2016].

Деиндустриализация территорий является отнюдь не только постсоветским феноменом. Ее начали активно изучать еще в конце XX в., когда многие старопромышленные регионы развитых стран стали переживать упадок. Например, В.Ф. Левер на примере агломерации Глазго анализировал деиндустриализацию как «болезнь» экономики, выделяя такие ее симптомы, как устойчивое сокращение промышленного производства и занятости населения в данной отрасли, переход от материального производства, как основного источника занятости и дохода, к производству услуг [Lever, 1991: 983]. Деиндустриализацию территорий следует определить как долговременный процесс в экономике старопромышленного типа, ведущий к существенному снижению индустриальной активности и деструктивным институциональным изменениям в промышленности. В постсоветской России эти негативные изменения выражались в неспособности провести модернизацию предприятий старопромышленных регионов (их переход на пятый и шестой технологические уклады – см. подробнее [Сорокина, Латов, 2018]), в последовательном радикальном снижении доли обрабатывающей промышленности в реальном секторе экономики территорий, в сокращении выпуска промышленной продукции и в откате оставшихся индустриальных предприятий к технологической архаике. Наиболее активно деиндустриализация происходила в 1992–2014 гг., в период от начала радикальных экономических реформ до активизации политики импортозамещения¹.

На деиндустриализацию отечественных регионов повлияло несколько факторов. Во-первых, это – технологическое отставание большинства суботраслей промышленности РФ в экономике старопромышленного типа [Нестерова, 2006: 22]. Промышленная продукция «старых» предприятий, как правило, не могла конкурировать не только на внешних, но и на внутренних рынках. Во-вторых, это – политико-управленческий фактор, выразившийся, по оценке С. Хедлунда, в системных провалах государства и рынка в ходе реформ, приведших к неудачным отраслевым институциональным решениям [Хедлунд, 2015: 23] и, как следствие, к деиндустриализации. В-третьих, это – доминирование аграрных элит

¹ С 2015–2016 гг., после принятия федеральных законов о промышленной политике и стратегическом планировании, позитивно повлиявших на создание институциональных условий индустриального развития, в большинстве регионов «ржавого пояса ЦФО» начался восстановительный промышленный рост. Согласно данным Росстата, доля обрабатывающих производств в структуре ВРП по итогам 2017 г. выросла, например, в Воронежской области до 14,6%, в Смоленской – до 23,9%, а во Владимирской – до 36,4%.

в большинстве субъектов РФ, что привело к принятию на региональном уровне решений, усиливших деиндустриализацию. Именно этот последний фактор и будет далее подробно анализироваться.

Различия аграрного и промышленного лобби в регионах ЦФО. Опираясь на опрос 60 экспертов в 17 областях ЦФО в 2020–2021 гг., авторы выявили, что в Центральной России аграрные элиты играли роль одной из доминантных отраслевых элит, активно и успешно лоббирующих свои интересы. В эту группу интересов инкорпорированы не только многочисленные собственники и менеджеры сельскохозяйственного бизнеса, но и гораздо более широкие социальные слои: 1) сельская интеллигенция (учителя, врачи, работники учреждений культуры); 2) лидеры и актив парламентских и непарламентских политических партий, укорененных в сельской традиции (как, например, «Казачья партия РФ»); 3) общественники и лоббисты НКО, представляющие отраслевые организации бизнеса (АККОР, Российское аграрное движение – РАД, Союз сельских кредитных кооперативов и др.).

Региональные промышленные элиты обычно активно разделяют ценности инноваций (по Й. Шумпетеру [2008: 131]), но являются относительно малочисленными, что снижает их вес и влияние. Согласно проведенному нами экспертному опросу, в региональные промышленные элиты входят собственники и менеджеры промышленных производств, ученые-конструкторы промышленных предприятий и сотрудники НИИ, промышленные инвесторы, лоббисты отраслевых объединений бизнеса (РСПП, «Деловой России», ТПП).

Опираясь на проведенный опрос, следует утверждать, что серьезное отличие аграрных элит от промышленных состоит в разнонаправленности векторов их социальных действий. Так, энергетика промышленных элит направлена не только на собственно промышленную отрасль, но и гораздо шире вовне, на межотраслевое сотрудничество и развитие (*«развитие промышленности стимулирует развитие других отраслей»*), что дает приращение общего блага. Действия же региональных аграрных элит в более высокой степени продиктованы отраслевыми эгоистическими интересами (*«аграрные лоббисты имеют деревенскую психологию нести все в свой дом»*), сконцентрированы на узком понимании развития в пределах только АПК и конкретных сельских территорий. Такая психология аграрных элит негативно повлияла на процесс деиндустриализации территорий ЦФО.

Масштабный и не контролируемый государственными институциями процесс деиндустриализации проходил наиболее болезненно в тех регионах ЦФО, где на него влияли три социально-политических фактора, не связанных с объективными экономическими условиями. Это – отраслевые приоритеты губернаторов-«аграрников», доминирование аграрных элит в процессе принятия решений на региональном уровне и действия рейдерских групп, скупавших акции промпредприятий для их репрофилирования. Важно также отметить, что в 2000-е проблематика деиндустриализации не стала резонансным феноменом в публичном политическом пространстве.

Роль губернаторов в выборе отраслевых приоритетов. В табл. 1, где регионы деиндустриализации выделены жирным шрифтом, авторы акцентируют внимание на статусе и политико-управленческих практиках доминирующего регионального политического актора – губернатора. Опираясь на разработанную Б.Д. Джоунсом типологию лидерства как взаимодействия с элитами (он выделяет лидера-«делегата», лидера-«доверенное лицо», лидера-«лакея», лидера-«предпринимателя» [Jones, 1989: 7]²), а также на авторскую типологию глав регионов, в основе которой лежит отраслевая приоритетность руководителей

² Согласно типологии Б.Д. Джоунса, лидер-«делегат» серьезно зависит от отраслевых элит, но подотчетен избирателям. Лидер-«доверенное лицо» в первую очередь подотчетен своим избирателям, при этом он свободен от контроля и давления отраслевых элит. Лидер-«лакей» неподотчетен избирателям и полностью подконтролен отраслевым элитам. Лидер-«предприниматель» неподотчетен своему электорату и автономен в своих действиях от отраслевых элит. Согласно исследованиям авторов, в областях ЦФО наиболее распространенными типами лидерства в губернаторском корпусе являются типы лидер-«делегат» и лидер-«доверенное лицо».

Таблица

**Типы лидерства и отраслевая специализация губернаторов
в управленческих практиках в субъектах ЦФО**

Субъект РФ	Губернатор	Срок полномочий	Типы лидерства глав регионов	Отраслевое доминирование глав регионов
Белгородская область	Евгений Савченко	1993–2020 гг.	Лидер-«доверенное лицо»	Губернатор-промышленник
Брянская область	Юрий Лодкин	1996–2004 гг.	Лидеры-«делегаты»	Губернаторы-аграрники
	Николай Денин Александр Богомаз	2004–2014 гг. 2014 – н/в		
Владимирская область	Николай Виноградов	1996–2013 гг.	Лидер-«делегат»	Губернатор-аграрник
Воронежская область	Иван Шабанов	1997–2000 гг.	Лидеры-«делегаты»	Губернаторы-аграрники
	Владимир Кулаков	2001–2008 гг.		
	Алексей Гордеев	2009–2017 гг.		
Ивановская область	Владислав Тихомиров	1996–2000 гг.	Лидеры-«делегаты»	Губернаторы-аграрники
	Владимир Тихонов	2000–2005 гг.		
	Михаил Мень	2005–2013 гг.		
Калужская область	Валерий Сударенков Анатолий Артамонов	1996–2000 гг. 2000–2019 гг.	Лидеры-«доверенные лица»	Губернаторы-промышленники
Костромская область	Виктор Шершунов	1997–2007 гг.	Лидеры-«делегаты»	Губернаторы-аграрники
	Игорь Слюняев	2007–2012 гг.		
	Сергей Ситников	2012 – н/в		
Курская область	Александр Рущкой	1996–2000 гг.	Лидер-«доверенное лицо»	Губернатор-политик
	Александр Михайлов	2000–2018 гг.	Лидер-«делегат»	
Липецкая область	Михаил Наролин Олег Королев	1993–1998 гг. 1998–2018 гг.	Лидеры-«доверенные лица»	Губернаторы-промышленники
Московская область	Анатолий Тяжлов Борис Громов Андрей Воробьев	1995–1999 гг. 2000–2012 гг. 2012 – н/в	Лидеры-«доверенные лица»,	Губернаторы-промышленники
Орловская область	Егор Строев	1993–2008 гг.	Лидеры-«делегаты»	Губернаторы-аграрники
	Александр Козлов	2009–2013 гг.		
Рязанская область	Вячеслав Любимов	1997–2004 гг.	Лидеры-«доверенные лица»	Губернатор-аграрник Губернатор-промышленник Губернатор-политик
	Георгий Шпак	2004–2008 гг.		
	Олег Ковалев	2008–2017 гг.		
Смоленская область	Анатолий Глушенков	1993–1998 гг.	Лидеры-«доверенные лица»	Губернаторы-промышленники
	Александр Прохоров	1998–2002 гг.		
	Виктор Маслов	2002–2007 гг.	Лидеры-«делегаты»	Губернаторы-аграрники
	Сергей Антуфьев Алексей Островский	2007–2012 гг. 2012 – н/в		
Тамбовская область	Александр Рябов Олег Бетин	1995–1999 гг. 1999–2015 гг.	Лидеры-«доверенные лица»	Губернаторы-политики
Тверская область	Владимир Платов Дмитрий Зеленин Андрей Шевелев	1995–2003 гг. 2003–2011 гг. 2011–2016 гг.	Лидеры-«делегаты»	Губернаторы-аграрники

Окончание таблицы

Субъект РФ	Губернатор	Срок полномочий	Типы лидерства глав регионов	Отраслевое доминирование глав регионов
Тульская область	Василий Стародубцев	1997–2005 гг.	Лидер-«доверенное лицо»	Губернатор-аграрник
	Вячеслав Дудка	2005–2011 гг.	Лидеры-«делегаты»	Губернаторы-промышленники
	Владимир Груздев	2011–2016 гг.		
Ярославская область	Анатолий Лисицын	1991–2007 гг.	Лидер-«доверенное лицо»	Губернатор-промышленник
	Сергей Вахруков	2007–2012 гг.	Лидеры-«делегаты»	Губернаторы-политики
	Сергей Ястребов	2012–2016 гг.		

территорий³, проследим взаимосвязь типов лидерства с процессами деиндустриализации и индустриального развития в Центральной России в период до 2014 г.

Можно сделать вывод, что на процесс деиндустриализации оказывала сильное влияние исполнительная власть губернаторов-«аграрников», которые формировались как лидеры-«делегаты», испытывавшие зависимость от доминантных (аграрных) элит, на которых сказывался фактор подотчетности перед избирателями в первую очередь сельских территорий⁴.

Более того, в данных регионах происходило фактическое торпедирование группами интересов «выращивания» новых институтов индустриального развития. Речь идет о промышленном законодательстве, региональных программах (проектах) индустриального развития, о создании региональных Фондов развития промышленности (ФРП). Например, в Воронежской области региональный ФРП начал свою работу лишь с 2019 г., хотя на федеральном уровне ФРП был создан в 2014 г., а в Калужской области учрежден еще в 2006 г. Вместе с тем в регионах новой индустриализации (Белгородская, Калужская и Липецкая области, которые выделены в таблице курсивом) губернаторы-«промышленники» обладали типом лидеров-«доверенных лиц», ориентированных на подотчетность избирателям и, что очень важно, на свободу от контроля и давления доминантных элит⁵.

Роль депутатов в выборе отраслевых приоритетов. Не менее значимым фактором, повлиявшим на деиндустриализацию территорий, является доминирование аграрных элит

³ Авторы выделяют четыре типа отраслевой приоритетности: губернатор-«аграрник» (реализуемая государственная политика в регионе четко соотносится с интересами отрасли АПК, его политическая устойчивость в субъекте РФ зависит от поддержки отраслевых аграрных элит), губернатор-«промышленник» (государственная политика в регионе представляет собой баланс отраслей и сфер жизнедеятельности, но приоритет отдается развитию промышленного комплекса, от которого зависит технологическая модернизация региональной экономики), губернатор-«политик» (приоритетом госполитики в регионе становится стабильность территориальной политической системы и устойчивость политического режима, поддержание мира среди отраслевых элит) и губернатор-«технократ» (политически нейтрален к отраслевым элитам, в государственной политике поддержки отраслей ставка сделана на регламенты и процедуры).

⁴ На основании опроса экспертов губернатор Воронежской области Владимир Кулаков (2000–2008 гг.) и губернатор Смоленской области Виктор Маслов (2002–2007 гг.), являвшиеся выходцами из ФСБ, отнесены к губернаторам-аграрникам, на которых оказывали серьезное влияние аграрные элиты и которые в управленческих практиках делали ставку на АПК. В то же время эксперты отнесли профессиональных военных, губернатора Рязанской области Г. Шпака (2004–2008 гг.) и губернатора Московской области Б. Громова (2000–2012 гг.), к губернаторам-промышленникам, которые в своей политике сбалансированно подходили к интересам различных отраслей экономики.

⁵ Губернатор Московской области Борис Громов (2000–2012 гг.) и губернатор Рязанской области Георгий Шпак (2004–2008 гг.), вышедшие из военной среды, были губернаторами-промышленниками, и публично подчеркивали значимость промышленности как стратегической отрасли экономики и в своих управленческих практиках ориентировались на приоритетную поддержку именно промышленного комплекса, включая ОПК.

в региональных законодательных собраниях, являющихся площадкой лоббирования интересов отраслевых групп территорий. Авторы провели анализ составов законодательных собраний областей ЦФО⁶ как публичных лоббистских площадок, а также количества принимаемых законов в интересах АПК и промышленного комплекса. Тем самым проверялось предположение, что численное превосходство аграрной элиты в депутатском корпусе законодательных собраний отражается в большем количестве региональных законов, принимаемых в интересах АПК и развития сельских территорий.

Эмпирические данные показывают, что в 8-ми областях ЦФО (Воронежская, Орловская, Брянская, Смоленская, Тверская, Владимирская, Ивановская, Костромская области) с высоким уровнем деиндустриализации наблюдается не только существенный «перекос» депутатов-аграриев, но и более высокое количество принимаемых законов в интересах агропромышленного комплекса и сельских жителей⁷. Хотя коэффициент корреляции по Пирсону между этими двумя показателями является невысоким (лишь 0,202), он доказывает влияние аграрных элит на принятие более частых решений в интересах опекаемой ими отрасли. В сочетании же с наличием губернаторов-аграрников в системе исполнительной власти, где принимаются ключевые решения по распределению финансовых средств по отраслям и где доминирует аграрное лобби, результативность аграрных элит существенно возрастает, хотя количественно ее измерить трудно.

Принимаемые в субъекте РФ решения в интересах аграрной отрасли и соответствующих групп интересов критически влияли на интересы другой доминирующей отрасли – на господдержку промышленности. И наоборот, высокое количество в законодательных собраниях депутатов, представляющих промышленный комплекс, усиливало защиту промышленного развития. На рис. хорошо видна очень высокая корреляция между численностью депутатов-промышленников и количеством принимаемых законов в интересах промышленного комплекса (корреляция по Пирсону 0,797).

Сопоставляя влияние аграрных и промышленных элит в российских регионах 2000-х гг., нужно отметить две важные особенности.

Во-первых, аграрные элиты были доминантными как минимум в половине субъектов РФ (в ЦФО – в 8 областях из 17), либо их роль была сопоставима с иными отраслевыми элитами (прежде всего, с промышленными элитами). Такая ситуация во многом предопределяла принятие решений по перераспределению ограниченных материальных ресурсов в интересах в первую очередь именно аграрных элит. При этом в процессе лоббирования интересов отрасли не исключалась и вербовка (в терминологии польского социолога Э. Внук-Липиньского – убеждение [Внук-Липиньский, 2012: 370]) лиц в системе исполнительной власти, принимающих решения.

Во-вторых, аграрные элиты в субъектах РФ оказались более результативными в сравнении с промышленными. Региональные аграрные элиты проявляют большую солидарность и лучшую организованность как на этапе электоральных кампаний (сельчан меньше, чем горожан, но сельские избиратели голосуют более массово, чем городские), так и во время работы депутатов-аграриев в региональных заксобраниях. В большей части облсоветов (Дум) они представляют собой массовый феномен или численно доминируют. Более того, аграрные элиты активны в подготовке законопроектов, используя то, что Х. Хекло называет «железными треугольниками контроля» [Heclo, 2006: 732] (профильные комитеты, структуры исполнительной власти и клиента аграрных групп). Депутаты-аграрники вместе с клиентелой готовят конструкции законопроектов, потом его передают в региональные правительства, где идет их доработка, после чего губернатор (тем более, губернатор-аграрник) вносит их от исполнительной власти в региональный парламент. При

⁶ Авторами представлен анализ 5-го созыва региональных законодательных собраний, сформированных до принятия федеральных законов о промышленной политике и стратегическом планировании, но отмеченные тенденции характерны и для предыдущих созывов.

⁷ Данные по структуре Законодательных собраний областей ЦФО приведены до 2014 г., т.е. до принятия федеральных законов о промышленной политике и стратегическом планировании.

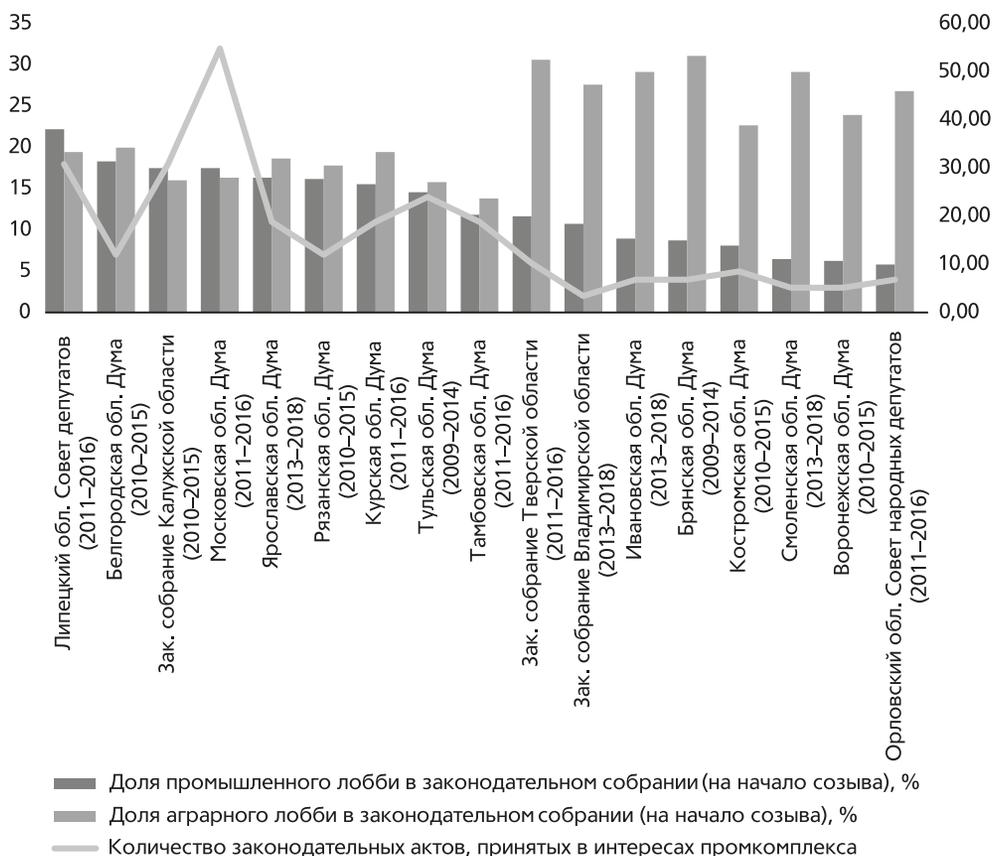

Рис. Доля промышленного и аграрного лобби в региональных законодательных собраниях областей ЦФО (правая шкала) и количество законов, принятых в 2010-е гг. в интересах отраслей промышленного комплекса (левая шкала)

этом аграрные элиты нередко блокируют инициативы других отраслевых элит, поскольку это отнимает материальные ресурсы от опекаемой ими отрасли АПК. Таков механизм социально-политической деструкции, которая приводит к деиндустриализации значительной части региональных территорий.

Эффективность аграрных элит состояла и в том, что аграрные элиты не допустили разрушительных процессов в АПК, сопоставимых с масштабной деиндустриализацией в значительной части регионов России. Более того, аграрные элиты за счет принятия региональных законов и лоббирования своих интересов на федеральном уровне смогли оказать серьезную государственную финансовую поддержку крупным сельхозпредприятиям (агрохолдингам-латифундиям), средним и малым сельскохозяйственным предприятиям (КФХ и ЛПХ), выделить ресурсы на модернизацию и строительство новых инфраструктурных объектов сельских территорий (Дома культуры, школы и детские сады). Объяснение эффективного лоббизма аграрных элит кроется, возможно, в унаследованной с советских времен «деревенской» идеологии, согласно которой аграрные элиты «защищают слабых», противопоставят господству сильного государства и его бюрократии, их нацеленности на поддержку промышленности за счет сельского хозяйства.

На определенном этапе аграрные элиты могут, лоббируя интересы АПК и сельских страт, «перейти черту» и сформировать деструкцию, которая приводит к деградации

промышленности. Поэтому необходим баланс аграрных и промышленных элит как на федеральном уровне (в Федеральном Собрании), так и на региональном (в региональных законодательных собраниях), который позволит сбалансированно принимать ключевые законы в интересах промышленности и АПК, не допуская разрушительной деиндустриализации.

Выводы. Сформулируем ключевые выводы, которые базируются на концептах конкуренции элит, о влиянии аграрных элит на деиндустриализацию территорий в условиях радикальных постсоветских трансформаций.

1. Становление рыночной конкуренции в постсоветской России предопределило усиление конкуренции внутри правящей элиты, представляющей собой множество отраслевых элит [Крыштановская, 2005: 38] как на общенациональном, так и на субнациональном уровне. При этом весомым преимуществом аграрных элит выступает их энергетика отраслевой солидарности, склонность к консервации традиций.

2. На основе количественного анализа эмпирических данных по ЦФО мы констатируем сильную конкуренцию аграрной и промышленной элит за влияние на принятие политических решений в субъектах федерации. В тех территориях, где аграрная бизнес-элита была отобилизована и тесно связана с губернаторами-«аграрниками» и с законодательной властью, она доминировала в процессе принятия государственных решений. Аграрные элиты данных территорий блокировали усилия промышленных ведомств администраций регионов по принятию индустриальных проектов развития, что стало сильным фактором деиндустриализации.

3. «Сбои» в развитии старопромышленных регионов связаны во многом с тем, что органы власти и управления ряда субъектов РФ не ставили в повестку дня ценности Четвертой промышленной революции, пятого и шестого технологических укладов, пропуская возможность подстройки промышленных производств к очередной технологической волне. За этим фактором нужно видеть и влияние аграрных элит, торпедировавших инвестиции в технологические и институциональные инновации.

4. Определенной альтернативой деструкциям региональных аграрных элит в осуществлении проектов индустриального развития объективно выступает промышленная элита, рекрутируемая из собственников и менеджмента промышленных производств, лоббистов этой отрасли. В ряде регионов ЦФО промышленная элита совместно с сильной бюрократией, имеющей субнациональные проекты развития, смогла успешно проводить политику новой индустриализации.

5. Для восьми регионов ЦФО, переживших деиндустриализацию, не следует снимать с повестки дня социально-экономического развития перспективу преодоления последствий данного негативного процесса. В этом аспекте следует выделить факторы управленческого, институционального и технологического содействия со стороны федерального центра. С 2014 г., после принятия федеральных законов о промышленной политике и стратегическом планировании, в этих регионах приняты аналогичные региональные законы, создающие базу для концентрации ресурсов на индустриальном развитии. Создаваемые новые производства в преференциальных территориях расширенно воспроизводят промышленную элиту, которая становится позитивной альтернативой аграрным элитам и ее политическим деструкциям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Внук-Липинский Э. Социология публичной жизни. М.: Мысль, 2012.
Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.
Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
Лахман Р. Государства и власть. М.: «Дело» РАНХиГС, 2020.
Нестерова Д.В. Методологические принципы анализа экономики старопромышленного типа // Старо-промышленные регионы: перспективы и ограничения социально-экономической модернизации. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2006.

- Промышленное производство в России 2019: Стат. сб. М.: Росстат, 2019.
- Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2016: Стат. сб. М.: Росстат, 2016.
- Российский статистический ежегодник: Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2000.
- Сорокина Н.Ю., Латов Ю.В. Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Вопросы регулирования экономики. 2018. Т. 9. № 1. С. 6–22.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2016.
- Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: ВШЭ, 2015.
- Шумпетер Й.А. Теория экономического развития // Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. С. 31–362.
- Hecló H. Thinking institutionally // Political institutions. Oxford: University Press, 2006. P. 731–742.
- Jones B.D. Causation, Constraint, and Political Leadership // Leadership and Politics. New Perspectives in Political Science. Kansas: University Press of Kansas, 1989. P. 3–14.
- Lever W.F. Deindustrialisation and the Reality of the Post-industrial City. Urban Studies. 1991. Vol. 28. № 6. P. 983–999.
- Nagle J. Recruitment of Elites // Encyclopedia of Government and Politics. Vol. 1. Ed. by M.E. Hawkesworth and M. Kogan. London: Routledge, 1992. P. 486–503.

Статья поступила: 16.02.22. Финальная версия: 04.04.22. Принята к публикации: 04.04.22.

THE ROLE OF AGRARIAN ELITES IN THE CENTRAL RUSSIA DEINDUSTRIALIZATION

NECHAEV D.N.*, LIUBKINA O.R.*

*Voronezh Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Russia

Dmitry N. NECHAEV, Dr. Sci. (Polit.), Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines (nechaevpolitia@rambler.ru); Olga R. LIUBKINA, Postgraduate student of the Department of Management of Socio-Economic Systems and Business Processes (lyubkinao@bk.ru). Both – Voronezh Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Voronezh, Russia.

Abstract. The article analyzes the factor of competition between agricultural and industrial elites in the regions of the Russian Federation, which, according to the theory of the American sociologist R. Lachman, determines either the technological modernization of territories and industrial development, or the deindustrialization of regions and preservation of agrarian archaism in them. The agrarian elites of the Central Russia regions, representing diverse groups of interests in agro-industrial complex and rural areas, in the processes of deindustrialization of territories is investigated. It is emphasized that between 1992 and 2014, the time of the adoption of the Federal Law on Industrial Policy in the Russian Federation, there was an objective imbalance of political influence of agrarian and industrial elites in the Russian regions. After all, in the conditions of radical socio-economic transformations, it was also about the physical survival of various social strata of society, the mission of which was assumed by more consolidated and active groups of agricultural producers. The competitive advantages of agrarian elites in the ruling stratum of the Russian Federation subjects, which are relayed in political decisions at the subnational level in the interests of the agro-industrial complex and the social strata of rural residents, are identified and substantiated. Other reasons for the Central Federal District regions deindustrialization, which were based on the influence of agrarian elites, are also formulated. The article ends with conclusions about the role of the agrarian elites in the territories deindustrialization and key factors in overcoming its consequences.

Keywords: elites, interest groups, agrarian and industrial elites, old industrial regions, deindustrialization, new industrialization.

REFERENCES

- Fromm E. (2016) *Anatomy of human destructiveness*. Moscow: AST.
- Gaman-Golutvina O.V. (2006) *Political elites of Russia: Milestones of historical evolution*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Grandson-Lipinsky E. (2012) *Sociology of public life*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
- Heclio H. (2006) *Thinking institutionally. Political institutions*. Oxford: University Press: 731–742.
- Hedlund S. (2015) *Invisible hands, the experience of Russia and social science. Ways to explain a systemic failure*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Industrial production in Russia 2019: Become. Sat. (2019) Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Jones B.D. (1989) *Causation, Constraint, and Political Leadership*. In: *Leadership and Politics. New Perspectives in Political Science*. Kansas: University Press of Kansas: 3–14.
- Kryshatanovskaya O. (2005) *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zakharov.
- Lakhman R. (2020) *States and power*. Moscow: «Delo» RANEPА. (In Russ.)
- Lever W.F. (1991) Deindustrialisation and the Reality of the Post-industrial City. *Urban Studies*. Vol. 28. No. 6: 983–999.
- Nagle J. (1992) Recruitment of Elite. In: *Encyclopedia of Government and Politics. Vol. 1*. Ed. by M.E. Hawkesworth, M. Kogan. London: Routledge: 486–503.
- Nesterova D.V. (2006) *Methodological principles of the analysis of the economy of the old industrial type*. In: *Old industrial regions: prospects and limitations of socio-economic modernization*. Yekaterinburg: Ural. Un-t. (In Russ.)
- Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation. 2016: St. Sat. (2019) Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Russian Statistical Yearbook: St. sat. (2000) Moscow: Goskomstat Russii. (In Russ.)
- Schumpeter J.A. (2008) Theory of economic development. In: Schumpeter J.A. *Theory of economic development. Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Eksmo: 31–362. (In Russ.)
- Sorokina N.Yu., Latov Yu.V. (2018) Evolution of old industrial regions in the Russian economy. *Voprosy regulirovaniya ehkonomiki* [Issues of economic regulation]. Vol. 9. No. 1: 6–22. (In Russ.)

Received: 16.02.22. Final version: 04.04.22. Accepted: 04.04.22.

ФЕРМЕРСТВО: ПЕРЕМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

ВИНОГРАДСКИЙ Валерий Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник (vgrape47@yandex.ru); ВИНОГРАДСКАЯ Ольга Яковлевна, старший научный сотрудник (vgrape58@yandex.ru). Оба – Центр аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.

Аннотация. В статье анализируются возможные варианты трансформации традиционных форм фермерства в связи с объективным фактом смены сельских (в частности, фермерских) поколений новой России. Фермерство рассматривается не только как аграрная хозяйственная практика, но и как социально-экономическая институция, взятая в ее исторической эволюции. В статье приводится специфическая форма законодательного закрепления понятия фермерства, прямо указывающая на его транзитивную социально-культурную миссию. Предлагается аналитическая оценка потенциалов поколенческого рассмотрения феномена фермерства. Отмечаются основные контуры нового фермерского мира, то есть формы и способы присутствия на земле очередного поколения сельских хозяев. Обосновывается вывод, что нынешний фермерский «социум» накопил к настоящему времени такой потенциал уже прошедших апробацию перемен, который в состоянии сконструировать арсенал различных, в том числе перспективных, детерминированных будущим, деятельностных моделей, форм и привычек.

Ключевые слова: фермерство • поколенческая проекция • поколение • крестьянское (фермерское) хозяйство • фермер • сельские территории • повседневные жизненные практики

DOI: 10.31857/S013216250020154-2

Введение. По своей человеческой природе нынешний фермер – это умелый крестьянский сын, натерелый в перипетиях рынка, набравшийся технологических и бизнес-знаний. Как и крестьянин, фермер остается человеком земли, живущим на земле и землём.

«Своя земля и в горсти мила». Так говорит крестьянский народ, примериваясь к ключевым параметрам полноты житейского существования. Существования не только органического – когда человек себя кормит, одевает, обогревает и берегает как работающее тело. «Своя земля» – это и деревня, ее окрестные, вдоль и поперек изведенные «у-годья» – всё годное, полезное и желанное. В поговорку вошел экзистенциальный крестьянский вздох: «Всех угодьев не соберешь: вода близко, ин лес далёко». Феномен «своей земли» удерживает на себе сельский мир – особенное жизненное настроение, тихую мелодию бытия. Деревенские люди с теплотой относят землю к подлинным жизненным ценностям. И в особенности – землю продуктивную, за несколько весенне-летних недель извлекающую из почвенного подземелья горы натурального вещества, способного напитать и людей, и животных. Говорит доколхозная крестьянка: «За землю сильно переживали. Особенно, если нарезали в “степи”, за Грязным лесом. Степь – самая хорошая земля во всей округе. Без дождя родила хлеб. Когда в степи нарезали, по всей деревне разговор. Мечтали: “Хоть бы осьминничек достался...”. Степь-то не всем доставалась! Жеребий трясли. Палочки в шапку покидают, и вынают по очереди... А кто вынет жеребий, на котором степь, сразу: “Ой, живем! Ой, живем! С хлебом мы таперя...”» [Виноградский, 2012: 76].

Вот уж поистине – «чья земля, того и хлеб». Это натуральное крестьянское чувство. А что нынешнее фермерство? Сегодня на смену бывалым фермерам 1990-х гг. приходят новые люди, уже «крестьянские внуки». Кто они? Далеко ли ушли от крестьянского бытийного настроения? Что нового принесли в нынешний сельский мир? Начнем с дефиниций.

Фермерство как хозяйственная и социально-экономическая институция. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН в связи с начавшимся десятилетием (2019–2028) семейных фермерских хозяйств дает такое определение: «Семейное фермерское хозяйство охватывает все виды ведения сельского хозяйства силами семьи. Оно является неотъемлемой частью развития сельских районов. Семейное фермерское хозяйство – это земледельческое, лесное, рыболовное, пастбищное производство и производство аквакультуры, которое ведет и которым распоряжается семья и которое преимущественно полагается на семейный труд – как мужчин, так и женщин. Семейное фермерское хозяйство также играет важную социально-экономическую, экологическую и культурную роль»¹.

Здесь учтены свойства и функции фермерства, сложившиеся в мире к началу XXI в. Наша страна не исключение. Прототипические формы фермерства укоренены в хозяйственно-экономических акциях традиционного крестьянского двора. Его многовековая история претерпевает нынче новые, еще неясные по последствиям, трансформации. Обновляется и языковой инструментарий: на смену крестьянскому «двору» всё чаще приходят «подворье», «усадыба», «поместье». Принятие в 1990 г. Закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»² привело к взлету частотности словоформы «фермер», «фермерство», и это зафиксировал Национальный корпус русского языка.

В европейских языках понятие «фермерство» имеет лаконичное, не прибегающее к детализации определение. Фермерство – это и *farming* (англ.), и *die Landwirtschaft* (нем.), и *agriculture* (франц.), и *contadini* (итал.), и *labranza* (исп.)³. В современном русском языке содержание этого понятия выражается описательными лингвистическими конструкциями. Так, «фермерство» – это «занятие фермера» («Толковый словарь Ушакова», 2008), «ведение хозяйства на ферме» («Словарь иностранных слов русского языка», 2012), «фермерская система хозяйства» («Энциклопедический словарь», 2002), «пребывание в должности фермера» («Толковый словарь Ефремовой», 2006). В этих словарях не найдено примеров определения фермерства посредством интегральной словоформы, отвечающей канонам научного понятия, – быть выраженным с помощью целевой лексемы.

Возникли описательные формулы, усредняющие аграрные и индустриальные практики, придающие управленческо-распорядительным речам солидность и весомость, – «сельхозработы», «сельские занятия», «сельский труд», «аграрная занятость», «аграрная сфера», «агросистема». Однако именно «фермерство» прочно вошло в ряд русскоязычных дискурсивных форматов – экономических, политических, хозяйственных, юридических, социальных, демографических, статистических, вплоть до разговорно-бытовых. Заимствованное из англоязычного словаря, это понятие укоренилось и удостоверило безусловно «нововведенческую» устремленность нынешних форм сельского хозяйства. Последние также начали именоваться по-новому – «агробизнесом». «Фермерство» – прощальная отмашка «двору», знак «отречения» от тягот «крестьянствования». Но вовсе расстаться с «крестьянством» не удается. Лексически выставляемое за ворота, оно то и дело заглядывает в разные щели и окошки, в том числе законодательные.

О предчянии перемен свидетельствует не лишняя курьезности формула организационно-юридического закрепления института «фермерства». 1990 год, гремит перестройка, стартуют экономические реформы, открыты валютные обменники, общее настроение – «время, вперед!». Сознание законодателей претерпевает состояние некой

¹ FAO and IFAD.2019. Начало десятилетия семейных фермерских хозяйств Организации Объединенных Наций, 2019–2028 гг. Рим. URL: <http://www.fao.org/family-farming-decade/about/ru/> (дата обращения: 24.07.2021).

² Закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

³ Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/dictionaries> (дата обращения: 24.07.2021).

раздвоенности, бинарной детерминации – советским прошлым и не вполне ясным будущим. В Федеральном законе № 348-1 от 22.11.1990 «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» лексема «фермерское» застенчиво взята в скобки, то же самое наблюдается и в последней редакции закона № 74-ФЗ, принятого в мае 2003 г. Такой лексический «дуплет» выдает два если и не воюющих, то оппонировавших друг другу взгляда на предмет закона: это и признание основательности института крестьянства, уважительное отношение к его тысячелетним хозяйственно-экономическим традициям, и растущее понимание пока что извинительного, но всё же явного анахронизма традиционных сельских миров. А в целом – это предощущение модернизированных форм аграрного хозяйствования, сберегающих, разумеется, фонд жизненных традиций крестьянства, но все-таки решительно идущих по пути рациональных, рыночно ориентированных действий, уже не вполне откликающихся на устаревающие «крестьянские» имена. Сам заголовок Федерального закона № 74-ФЗ выступает как своеобразный «лифт» в будущие порядки аграрной подсистемы общества. Как работает этот идеологический, организационный и социально-культурный «подъемник»?

Отечественное фермерство началось как заведомо современная хозяйственная и социально-экономическая институция, как зона инновационной активности, как модная тема публицистики, увлеченной возможностью говорить о сельских проблемах иначе, чем в дежурном жанре «Вести с полей». С той поры миновало тридцать лет. Календарное время стало *временем поколения*. На смену фермерскому «разведотряду» пришли и развернули хозяйственно-экономическую и социальную активность представители следующего поколения («новые фермеры», «новые поселяне»).

Что изменилось статистически? Всероссийская сельскохозяйственная перепись (ВСХП) 2016 г. зафиксировала сокращение крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) почти на 46% по сравнению с 2006 г. (с 253,1 до 136,7 тыс.). Однако количество индивидуальных предпринимателей (ИП), входящих в статистическую группу КФХ и ИП, за этот же период выросло на 19,1% (с 32,0 до 38,1 тыс.)⁴. Почему произошло падение количества КФХ? Во-первых, со «сцены» ушли фиктивные фермерские хозяйства, которые фактически не занимались производством, а держали землю «на потом» или сдавали ее в аренду. Ужесточение земельного и налогового законодательства вынудило их свернуть эту деятельность. Во-вторых, запутанная система регистрации фермерских хозяйств, которые статистически «размываются» по иным категориям сельхозпроизводителей, усугубили картину сокращения численности КФХ.

С 2016 г. произошло еще большее сокращение КФХ. В очередной ВСХП осени 2021 г. планировалось охватить всего 144,9 тыс. КФХ и ИП, а это меньше показателя 2016 г. на 29,9 тыс. Новейшие данные Росстата по производственным показателям говорят, что КФХ и ИП не только не сбавили своё производство со времени последней переписи, но значительно увеличили его, а по ряду культур даже превысили показатели сельхозорганизаций. Так, по данным Росстата, удельный вес валовых сборов КФХ и ИП востребованных сельскохозяйственных культур (зерновые и зернобобовые, лен-долгунец, семена подсолнечника, картофель, овощи) в 2020 г. составил 30% от удельного веса таких сборов по хозяйствам всех категорий. Причем удельный вес валовых сборов, рассчитанный как суммарный показатель по таким категориям хозяйств, как малые сельхозпредприятия (фактически те же КФХ), собственно КФХ и ИП, по указанным сельскохозяйственным культурам в рассматриваемом году составил почти 60% от таких сборов по хозяйствам всех категорий, превышая подобный показатель по крупным и средним сельскохозяйственным организациям более чем в 1,5 раза. Подобного рода перемены и переакцентировки не в последнюю очередь порождены, как мы полагаем, именно поколенческими сдвигами.

Вместе с тем экономический социолог отмечает: «При впечатляющем росте доли фермерских хозяйств в сельскохозяйственном производстве ожидания начала 1990-х о превращении “фермерского класса” в главного кормильца страны не оправдались.

⁴ URL: <https://icss.ru/otrasli-i-ryinki/agropromyshlennyij-sektor/kopiya-podderzhka-selskogo-khozyaystva-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 28.08.2021).

Фермерство не стало, да и не могло стать серьезной альтернативой крупным сельхозпредприятиям и особенно агрохолдингам» [Фадеева, 2018: 144]. Эта в целом справедливая оценка существенно уточняется, если прильнуть к земле. Вот фрагмент из интервью со специалистом департамента агропромышленного комплекса и воспроизводства окружающей среды Белгородской области, записанного авторами статьи в мае 2021 г.: «Фермер, по определению, не может накормить страну. Точка! Фермеры – это вроде как структурные подразделения крупных холдингов. Они в целом движутся в русле единой финансово-производственной политики холдинга. Пусть они и мелкие, но для них шаг влево, шаг вправо равнозначен побегу. Побегу из большой системы. И только эта система может накормить такую страну, как наша. Есть, конечно, и беглецы. Их у нас мало, наперечет. Я могу назвать несколько таких. Тут особый случай. Досыта накормить страну способен холдинг. А вот угостить человека, попотчевать его вполне способен вот такой фермер-беглец. Они уже торгуют на рынке. И к ним, я вижу, очереди стоят...».

Обобщающее наблюдение чиновника подтверждается и нашим экспедиционным опытом⁵. Приводим фрагмент интервью с владелицей фермы органических продуктов (хутор Савенки, июнь 2021 г.):

«– В чем основное преимущество фермерства перед холдингами?

– Фермерство сохраняет аутентичность пищевого вещества природы. Вот что главное. Наша продукция максимально специфична. Она природоподобна. В условиях холдинга этого эффекта достичь просто невозможно. Это всё равно как заводская столовая, где борщ готовят на пять тысяч человек. Эксклюзивность и качество продукта возможны, строго говоря, лишь в малом, фермерском хозяйстве. В агрохолдинге эта ситуация невозможна и немыслима...

– А почему?

– Они это сделать просто не смогут. В агрохолдинге эксклюзивную продукцию просто невозможно произвести, в агрохолдинге главенствует экономика. Просто разные ценностные приоритеты у фермеров и холдингов. У холдинга на первом месте исключительно экономика. Люди должны получать хорошую зарплату, хозяин заинтересован в максимальной прибыли. А в маленьком фермерском хозяйстве человек получает удовольствие от того, что он каждодневно возится с природой. Это чувство передается и самой фермерской продукции. Это всё равно как еду готовит любимая женщина или чужая повараха. Из продуктов уходит некая эфирная субстанция. И всё это, как я вижу, доходит до сознания покупателя. Да вы посмотрите на домашние соленья. И на них же, но изготовленных в цеху. И запах, и вид совершенно разные...».

Вряд ли нужно подробно комментировать эту «новофермерскую» позицию. Иной язык, свежие ориентиры, неподдельный кураж.

Фермерство в проблематике перспектив эволюции сельского социума. Фактически сегодня еще сосуществуют и ранний, захваченный возможностями начала 1990-х «труженик села», вчерашний колхозник, и современный, начала 2020-х, искусственный пробными практиками отцов, а также собственным хозяйственным и торгово-сбытовым опытом фермер. И эти различные образцы сегодня физически сосуществуют, наблюдают друг друга, но смена этих разных поколений уже неотвратима.

Такая поколенческая событийность именуется исследователями как время «посткрестьян» (см. разработки историка В.В. Бабашкина, социолога И.П. Басалаевой и др.), как пора «новых крестьян России» (исследовательские проекты этнографа О.Ю. Артемовой). Этот познавательный-аналитический пейзаж возник как реакция на открывшийся взору поколенческий сдвиг. В отечественной социологической науке последних лет, посвященной сельской проблематике, усилиями ряда специалистов создана активная зона интеллектуальных интересов и перспективных замыслов [Бабинцев, Ечин, 2001; Бражник, Шевченко, 2014; Великий, 2016; Дементьев, 2014; Евдокимова, 2016; Калугина, Фадеева, 2009;

⁵ В мае-июне 2021 г. была проведена экспедиция, целью которой было исследование хозяйственных и торгово-экономических практик фермеров трех районов Белгородской области (Белгородского, Ракитянского и Яковлевского).

Кученкова, 2016]. Однако в массовом социологическом дискурсе фермерство в проблематике перспектив эволюции сельского социума не занимает заметного места.

При этом целым рядом авторов отмечается некий парадокс: данные государственной статистики России говорят о том, что суммарное количество сельского населения постепенно растет, в то время как численность занятых в аграрной сфере экономики продолжает сокращаться. В ряде регионов имеет место накачивание урбанизационных векторов и тенденций с параллельным ростом сельской безработицы. Перекраивается картина принадлежности продуктивных земель: их площади переходят в агрохолдинги и концентрируются в них. Владельцы этих аграрных монстров активно выкупают за внушительные для деревни суммы земельные паи сельчан. Лучшие участки земля буквально выдергиваются на правах аренды индивидуальных паёв из многогектарных владений бывших хозяйственных институций (колхозов, совхозов, племенных хозяйств).

Что же касается мелких частных крестьянских образований (а по сути – слегка модернизированных крестьянских семейных дворов), то они вместе с землей присоединяются к более крупным аграрным производственным структурам. А их хозяева, принудительно поставленные в ситуацию, в которой они вынуждены существенно понизить свой социально-экономический статус и утратить внутриселенческий авторитет, становятся наёмной рабочей силой. И это если, что называется, «повезет по жизни». В худшем случае они систематически пополняют деревенский прекариат. Отсюда нередки эксцессы пьянства, соседских ссор, мелкого воровства, изнурительных вахтовых работ, бесцеремонно разрушающих исправно функционирующие прежде семейные организмы. Такие жизненные обстоятельства ведут к мучительному раздвоению личности. Человек, пытаясь как-то наладить или поменять механику своей ежедневной жизни, рвет семейные обязательства, покидает деревню и, как правило, минуя райцентр, где он известен не хуже, чем дома, устраивается в областном городе, соглашаясь на низкооплачиваемую и непрестижную работу (дворники, охранники, работники коммунальных служб, грузчики на предприятиях ритейла и т.п.).

На глазах происходит и социально-пространственное опустошение, примитивизация сельской жизненной среды. Её покидают скромные по масштабу, но десятилетиями выполнявшие свои задачи институции, ответственные за образовательные, культурные, медицинские услуги. Заметно обескровились, исчезли сети былой, хоть и редкой, но все же до поры исправно действующей транспортной системы, в результате чего обезлюдели прежде обжитые, посещаемые городской роднёй и систематически обихаживаемые (ремонт жилья, поддержка в порядке огородов, садов, ягодников) уголки сельских пространств. И это только самые заметные, бросающиеся в глаза моменты «упрощения» сельских территорий.

Так, одно из крупных поволжских сёл, в которых авторам довелось в 1990–1994 гг. работать полевыми социологами в крестьяноведческом проекте Т. Шанина, за прошедшее с той поры время (поколенческая ступень) потеряло: 1) одну водяную мельницу, 2) четыре животноводческие фермы, 3) ремонтные мастерские сельхозтехники, тракторов и комбайнов, 4) великолепную по качеству хлеба пекарню, 5) низовое отделение районной лесоохранной службы, 6) лесопилку, 7) кирпичный завод, 8) 60-гектарный фруктовый сад, 9) старшие классы в местной школе, 10) отделение почты, 11) отделение сбербанка, 12) столовую, 13) магазин промтоваров, 14) книжную лавку, 15) службу пожарной охраны. С начала 2000-х гг. отменено регулярное автобусное сообщение этой придорожной деревни как с районным центром, так и с обширным кустом окрестных сел, деревень и хуторов.

Контуры нового поколенческого мира. Справедливости ради нужно отметить, что данная ситуация начинает в самое последнее время подвергаться интенсивному и умелому ремонту в ряде регионов. Самые заметные социально-пространственные изменения выражаются в том, что такие места уже начали осваиваться так называемыми «одинокими фермерами» – людьми состоятельными, как правило, выходцами из города, работающими «на удаленке» и желающими решительно обновить свои житейские судьбы. Роль такого «фермерства» в повседневной жизни села пока что подробно не изучена, однако его присутствие в деревенском жизненном пространстве стало ощутимо в ряде регионов. Разумеется,

официальная статистика имеет основания пока что пренебречь учетом такой и подобных ей социальных групп. Но ее реальное появление сигнализирует о начавшемся очередном поколенческом сдвиге, результаты которого вполне проявятся спустя очередные тридцать лет.

Можно с определенным основанием утверждать, что социально-экономическая ситуация, складывающаяся в последние годы в сфере активного хозяйствования на земле, включая разнообразные организационные формы последнего (агрохолдинги, крупные и мелкие сельхозпроизводители, микромасштабные ЛПХ сельских обывателей), начинает постепенно претерпевать ряд эволюционных изменений, сущность и формы которых заслуживают специальных исследовательских усилий, связанных с координацией работы социологов в различных регионах сельской России.

Но если сузить это обширное исследовательское поле до обозреваемых масштабов, доступных для системного (не только обзорно-аналитического, но и экспедиционного «включения» в сельские миры) изучения, то весьма целесообразным может стать сосредоточение на вопросах, в архитектуре которых заметны тенденции суммирования, накопления, интегрирования опытов хозяйственно-экономического, а также социально-культурного существования в отдельных сегментах отечественного фермерского сообщества.

Приведем пример современного фермерского хозяйства традиционного типа. *«Я занимаюсь семеноводством. В основном, соей. Раньше пшеницей занимался и некоторыми другими культурами, но в нашей зоне самая рентабельная и эффективная именно соя. Сотрудничаю с Сельхозакадемией, закупая у нее самые суперэлитные и устойчивые сорта. Они же помогают мне и с реализацией. Соей я занимаюсь уже лет десять, и она хорошую прибыль дает. За счет этого я обновил технику. У меня два новых трактора МТЗ, комбайн приобрел, «Дон». Прицепная техника, опрыскиватели – тоже всё новое. Техника сейчас очень дорогая, но за счет сои я и выезжаю. В фермерском хозяйстве земли нужно минимум 400–500 гектаров. А в нашем районе самый крупный фермер, Иван Иванович, имеет 300–400 га. У меня лично 110 гектаров. Это, конечно мало. Техника на этих 110-ти гектарах нерентабельно используется. Ей нужны более крупные объемы. А вот 500 га – это оптимально, можно лучше использовать технику и человека содержать, чтобы постоянно работать. Хотя мне лично земли хватает. А вот для семьи, для сыновей земли маловато. Мне уже под шестьдесят лет, мне бы уже думать о пенсии. Но я не сижу, и как бы ни было тяжело, я всю свою работу выполняю сам»* (Белгородская область, лето 2021).

А вот еще один пример. Но это уже фермерское хозяйство нового поколения, нового отношения к земле. *«Наша фермерская ниша – это желание производить продукцию совсем иного качества, нежели у других подобных фермерских хозяйств. Не говоря уж о холдингах. Ведь многие нынешние фермеры производят вполне обычную продукцию, стандартную. Ну, человеку для жизни много чего надо. Начиная от овощей, мяса, молочки, фруктов. Люди больше хотят. Вот, мы заметили, что ягоды на рынке перестали в достаточном количестве появляться. Просто перестали быть. Они исчезли. Раньше бабушки на дачах ягоды выращивали, а теперь ушел этот привычный и знакомый порядок. Нынешние дачники не работают на грядках и в ягодниках. Многие старики дачи продали, и теперь там цветники и газоны. И теперь люди бегают по рынку и ищут ягоду. Хорошую, а не привозную, давленную. И не массовую. Вот, голубика, 960 рублей за килограмм, малина не меньше 300 рублей. Клубника от 400 рублей. И вся эта продукция с обычных фермерских хозяйств. Которая выращивается как корм. Вот, мы ездим в гости в Воронеж. Там фермер выращивает малину, у него 4 гектара. Собирает тоннами. У него капельный полив, минеральные растворы в воде... Мы глядим на это кося, а он оправдывается: "Я мало лью, я мало лью...". Ну, химии немного подливает кустам. Он-то знает, что мы противники такого и что мы органикой увлечены. И его ягода такая накормленная, такая пузатая. С виду красиво. Но... Это же катастрофа! Человек в погоне за вкусовыми ощущениями, за товарным видом такое иногда проглатывает, что ему надо сразу же бежать в аптеку. Возвращаемся к нашей любимой продукции. Вот, мы сейчас запускаем ягоды. Ну, нам самим ягод вдоволь хочется.*

Их надо кушать много, потому что это ягоды, выращенные в натуральной природе. И они на рынок хорошо пойдут» (Белгородская область, лето 2021).

Именно современный фермер, за плечами которого в исторической дымке кроется деревенский народ – хозяева крестьянского двора, умелые землепашцы, пресловутые «кулаки», да даже и недавние колхозные бригадиры (рассказами о мастерстве и преданности земле которых наполнены семейные истории, записанные в экспедиции Т. Шанина [Рефлексивное..., 2002]), в лице лучших представителей занят сегодня подлинным освоением земли. Именно он способен отчетливо слышать этот самый «зов земли». И в этой его незаурядности одно из коренных отличий от ведущего настроения топ-менеджеров отечественных агрохолдингов, начальственно присвоивших и нещадно топчущих землю ради роста прибылей. Принципиальная разница между изначальной органикой крестьянско-фермерского «зова земли»⁶ и бесстрастным механизмом эпохи «Machenschaft» (М. Хайдеггер) понята русским философом. «Только умение обращаться с землей как родом по сути дела стоит в основе прав отдельных землевладельцев и объединяет их. <...> Освоение земли отличается от присвоения и его единственно оправдывает. <...> Освоить землю по-настоящему может только тот, кто сделал ее своей не в смысле нотариального закрепления, а так, как врастает в землю крестьянин, “отсталость” которого терпеливо ждет своего будущего» [Бибихин, 2012: 154].

Интуитивное предощущение и анализ фермерского «будущего», его «удостоверяющее усмотрение» (М. Хайдеггер) должны быть заложены и в исходный замысел, и в полевые процедуры. К счастью, работа начинается не на пустом месте. Ряд исследовательских опытов сельских социологов демонстрирует, какое значение современный фермер придает таким социально-экономическим материям, как «отношение к земле». Изучая менталитет российских фермеров, социолог И.В. Логунова фиксирует аналогичный (по смыслу и по языковой форме) с приведенным выше («зов земли») индикатор социально-хозяйственного настроения – «желание земли». «Фермеров характеризует такая черта, как “желание земли”, – желание трудиться на земле и владеть ею. Фермер Чернухин, создавший первое в Лебедянском районе Липецкой области фермерское хозяйство, пояснял: “Хочу быть господином на своей земле. И чтобы никто не мешал”» [Логунова, 2013: 127]. Автор считает, что фермерам изначально свойственно «развитое “чувство хозяина”, тяготение к свободе и самостоятельному ведению хозяйства» [там же], и цитирует нарративы: «Липецкий фермер М.П. Неплюев: “Эх, не завидую я колхозникам, которые нынче вывеску заменили. Командуют ими по-прежнему, трудом их распоряжаются. Разве почувствовали они себя хозяевами, несмотря на все реформы? Мне по крайней мере не приходится разрываться на части между колхозом и подворьем. Винить в неудачах могу только себя”. Ему вторит фермер из Воронежской области А. Авдеев: “Я ушёл из колхоза, чтобы получить свободу, независимость, не опуститься”. Проявляя стремление к независимости, сами фермеры строго подходили к оценке имевшихся у них личностных качеств, приемлемых для единоличного ведения хозяйства. По данным опроса фермерских хозяйств Жердевского района Тамбовской области, проведённого в 1993 году, 60% опрошенных полагали, что “самостоятельно вести фермерское хозяйство способны единицы”» [там же].

Это исследование было выполнено «на старте» отечественного фермерства, в пределах короткой, не более десяти лет, дистанции от начала фермерского движения. Тем более интересным будет анализ феноменологических трансформаций этих личностных, сопряженных с рядом социальных качеств уже на новой поколенческой ступени фермерского сообщества.

Заключение. Мы опираемся на тридцатилетний опыт фермерского существования – технологического, организационно-правового и хозяйственно-экономического. В данной

⁶ В рассказе «Много ли человеку земли нужно» Л.Н. Толстой говорит о хозяйственной крестьянской прицеленности Пахома, об азарте владения годными для разных аграрных действий земельными участками. «Прошел еще и по этой стороне много, хотел уж загигать влево, да глядь – лошинка подошла сырая; жаль бросать. Думает: “Лен тут хорош уродится”». Цит. по: Собрание сочинений в двадцати томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. Т. 10. С. 395.

исследовательской проекции важен экзистенциальный фермерский «основострой» повседневных жизненных практик. Их формирующееся социальное, этическое и культурно-эстетическое самоощущение. Оно возникло как человеческая реакция на деконструкцию сельского мира эпохи колхоза, где настроение согласия вытекало не из общинной памяти односельчан, а задавалось сконструированной политико-экономической «равновесностью», «винтикообразностью» сельских работников перед лицом властей. Представление о подобном равенстве, автоморфизме было в свое время сформулировано В.И. Лениным, который с мечтательной повелительностью заявил: «Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата» [Ленин, 1974: 208]. Рубежные десятилетия XX и XXI столетий стали временем, когда из рассыпающихся «колхозных батальонов» возникли самостоятельные хозяева, с таким же инновационным упованием названные по-иностранному «фермерами». Они часто непохожи друг на друга по хозяйственным тактикам, привычкам и выполняемым ролям. Каждого из них уже вряд ли можно безболезненно загнать в какие бы то ни было типовые, усредняющие и обесцвечивающие ячейки.

Располагая объемистым массивом профессиональных знаний, технологических умений, коммуникативных навыков и организационных возможностей, научившись всей этой мастеровитости, вобравшей в себя многообразные попытки и опыты, фермерский «социум» накопил к настоящему времени такой потенциал предошущаемых и уже прошедших апробацию перемен, который уже не может не создать ансамбль различных, в том числе и весьма перспективных, детерминированных будущим, форм жизни на земле и землём. Они поистине многообещающи и порой загадочны. Фермерство в его новой поколенческой инкарнации заслуживает неторопливого и зоркого наблюдения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабинцев В.П., Ечин Н.М. Ценностный мир современного российского крестьянства // Крестьянство в исторической судьбе России / Науч. ред. В.П. Агафонов. М.: МСХА. 2001. С. 537–545.
- Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012.
- Бражник Г.В., Шевченко Н.В. Факторы риска при формировании социального капитала на селе // Научные ведомости. Сер. Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). Вып. 28. С. 60–65.
- Великий П.П. Стойкость российского села: настоящее и будущее // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Д.Г. Цыбикова. М.: РГУ, 2016. С. 127–133.
- Виноградский В.Г. Протоколы колхозной эпохи. Саратов: Сарат. ин-т РГТЭУ, 2012.
- Дементьев И.А. Радиус доверия сельского населения Архангельской области // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 2. С. 26–31.
- Евдокимова Т.Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения России: прошлое и настоящее // Жизненный мир россия: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2016. С. 146–166.
- Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009.
- Кученкова А.В. Взаимопомощь как основа неформальных экономических отношений в жизни сельчан // Социология жизни: теоретические основания и социальные практики / Под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. Д.Г. Цыбикова. М.: РГУ, 2016. С. 158–163.
- Ленин В.И. Очердные задачи советской власти // Полное собрание сочинений. М.: Полит. лит-ра, 1974. Т. 36.
- Логунова И.В. Особенности становления менталитета российских фермеров (на материалах Центрального Черноземья) // Проблемы развития территории. 2013. № 3 (65). С. 124–129.
- Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВЛШСЭН, РОССПЭН, 2002.
- Фадеева О.П. Штрихи к фермерскому проекту: алтайская палитра // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1. С. 141–173. DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-141-173

Статья поступила: 18.08.21. Финальная версия: 23.01.22. Принята к публикации: 04.04.22.

FARMING: A GENERATION CHANGE

VINOGRADSKY V.G.*, VINOGRADSKAYA O.Ya.*

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Valery G. VINOGRADSKY, Dr. Sci. (Philos.), Leading Researcher (vgrape47@yandex.ru); Olga Ya. VINOGRADSKAYA, Senior Researcher (vgrape58@yandex.ru). Both – Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Abstract. The article analyzes feasible options for the traditional forms of farming transformation in connection with the objective fact of the changing rural (in particular, farmer) generations in new Russia. Farming is taken not only as an agrarian economic practice, but also as a socio-economic institution in its historical evolution. The article offers a specific form of legislative consolidation of the farming concept, which directly indicates its transitive socio-cultural mission. An analytical assessment of the potential for generational impact of the farming phenomenon is proposed. The main contours of the new farming world are outlined, that is, the forms and methods of the presence on the earth of the next generation rural owners. The conclusion is argued for that the current farming “society” has accumulated by now such a potential for change which has already been tested demonstrating its ability to construct an arsenal of various, including promising, future-oriented, activity models, forms and habits.

Keywords: farming, generational projection, generation, peasant (farming) economy, farmer, rural areas, everyday life practices.

REFERENCES

- Babintsev V.P., Echin N.M. (2001) The value world of the modern Russian peasantry. In: Agafonov V.P. (ed.) *The peasantry in the historical fate of Russia*. Moscow: MSHA: 537–545. (In Russ.)
- Bibikhin V.V. (2012) *Property. Philosophy of one's own*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Brazhnik G.V., Shevchenko N.V. (2014) Risk factors in the formation of social capital in the countryside. *Nauchnyye vedomosti. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific statements. Philosophy Series. Sociology. Right]. No. 9 (180). Iss. 28: 60–65. (In Russ.)
- Demytyev I.A. (2014) Radius of trust of the rural population of the Arkhangelsk region. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo universiteta. Ser. «Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki»* [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanities and Social Sciences”]. No. 2: 26–31. (In Russ.)
- Evdokimova T.G. (2016) Values and value orientations of the rural population of Russia: past and present. In: Toshchenko Zh.T. (ed.) *The life world of Russians: 25 years later (late 1980-s – mid 2010-s)*. Moscow: TsSP i M: 146–166. (In Russ.)
- Fadeeva O.P. (2018) Traits for a farm project: Altai palette. *Krest'yanovedeniye* [Russian Peasant Studies]. Vol. 3. No. 1: 141–173. DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-141-173 (In Russ.)
- Kalugina Z.I., Fadeeva O.P. (2009) *Russian village in the labyrinth of reforms: sociological sketches*. Novosibirsk: IEOP SO RAN. (In Russ.)
- Kuchenkova A.V. (2016) Mutual assistance as the basis of informal economic relations in the life of villagers. In: Toshchenko Zh.T. (ed.) *Sociology of Life: Theoretical Foundations and Social Practices*. Moscow: RGGU: 158–163. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1974) The next tasks of the Soviet government. In: Complete Works. Moscow: Polit. lit-ra. Vol. 36. (In Russ.)
- Logunova I.V. (2013) Features of the formation of the mentality of Russian farmers (based on the materials of the Central Black Earth Region). *Problemy razvitiya territorii* [Problems of the development of the territory]. No. 3 (65): 124–129. (In Russ.)
- Shanin T., Nikulin A., Danilov V. (eds) (2002) *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Research in Rural Russia*. Moscow: MVSHSEN, ROSSPEN. (In Russ.)
- Velikiy P.P. (2016) The Resilience of the Russian Village: Present and Future. In: Toshchenko Zh.T. (ed.) *Sociology of Life: Theoretical Foundations and Social Practices*. Moscow: RGGU: 127–133. (In Russ.)
- Vinogradsky V.G. (2012) *Protocols of the collective farm era*. Saratov: Sarat. in-t RGTEU. (In Russ.)

Received: 18.08.21. Final version: 23.01.22. Accepted: 04.04.22.

© 2022 г.

М.В. ПЕВНАЯ, Е.А. ШУКЛИНА, М. ЧЕРНИКОВА-БУКА

УЧАСТИЕ СТУДЕНЧЕСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СУБЪЕКТНОСТИ (на материалах международного исследования)

ПЕВНАЯ Мария Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой (m.v.pevnaya@urfu.ru); ШУКЛИНА Елена Анатольевна – доктор социологических наук, профессор (e.a.shuklina@urfu.ru). Обе – кафедра социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; ЧЕРНИКОВА-БУКА Марьяна – Ph.D., доцент факультета коммуникационных наук, Политехнический университет, Тимишоара, Румыния (mariana.cernicova@upt.ro).

Аннотация. Проблема социального участия студенчества в развитии городов раскрывается на основе результатов сравнительного международного исследования, проведенного в 2020 г. методом онлайн-опроса студентов (выборка целевая, N = 1272) в городах Свердловской области (Российская Федерация), Ширакской области (Армения), области Банат (Румыния), Великопольского воеводства (Польша). Анализируется характер субъектности молодежи, участвующей в развитии региональных городов сравнимых стран. Речь идет об особенностях формирования и реализации социокультурной субъектности в региональных городах – местах постоянного проживания и обучения. Осуществляется сравнение регионов разных стран, различие которых обусловлено комплексом социокультурных и институциональных факторов. Изучается готовность к участию и реальная включенность студенчества в социокультурную деятельность, городские и социальные проекты. Оценивается субъективное восприятие городской молодежью культурного потенциала и перспектив территориального развития, понимание студентами разных стран ответственности и роли своей социальной активности в социокультурном развитии городской среды. Межстрановое сравнение показало различие моделей социокультурной субъектности молодежи, формирующейся и реализуемой в пространстве региональных городов. Для молодежи Свердловской области характерна преимущественно «эскапистская» модель субъектности с низким уровнем готовности к социальному участию и отсутствием опыта его реализации. В Ширакской области Армении доминирует модель, характеризующаяся высоким уровнем готовности студенчества к социокультурной деятельности и значительным потенциалом ее дальнейшего развития. Польские студенты демонстрируют «пассивный» тип социокультурной субъектности, при котором наличие достаточного опыта и навыков реальной вовлеченности в проекты по развитию городской среды сочетается с низким уровнем готовности и мотивации к этому виду деятельности. Для румынских студентов области Банат характерна актуализированная «активная» модель социокультурной субъектности, при этом потенциал для ее развития невелик, поскольку практически полностью реализован. Сделаны выводы об институциональных факторах, обуславливающих особенности формирования и реализации социокультурной субъектности молодежи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-00471).

Мы благодарим за помощь в статистической обработке данных к.с.н., доцента А.Н. Тарасову. Мы выражаем признательность за помощь в реализации полевого этапа исследования проф. J. Kazmierczyk (University of Economics and Business in Poznan) и проф. L. Asoyan (Shirak State University).

Ключевые слова: социальное участие • молодежное участие • развитие городов • студенчество • субъектность • идентичность

DOI: 10.31857/S013216250018512-6

Введение. Актуальность темы обусловлена выраженным трендом на расширение многообразия субъектов участия в развитии городов и их управлении. Это массовые общности, локальные городские сообщества, различные субкультурные, молодежные объединения, возникающие по разным основаниям, поводам, в разных событийных контекстах, которые в последнее время все больше привлекают внимание социологов.

Студенческая молодежь является активным субъектом участия, при этом она достаточно дифференцирована, отличается разнообразием запросов, мотивов, видов социокультурной деятельности. Формирование субъектности социального участия молодежи обусловлено широким спектром противоречий, связанных с неоднозначностью процесса деятельностного приобщения молодежи к развитию социокультурной среды города как «среды обитания» [Зубок, Чупров, 2017]. Концептуализация проблемы предполагает осмысление взаимодействия молодежного сообщества с пространством города [Антонова et al., 2021], разработку идей, позволяющих увидеть взаимосвязь между становлением субъектности молодежи и проявлением различных форм ее социальной активности в городской среде [Луков, Луков, 2020], совмещением субъективного пространства восприятия себя в городе и его объективацией в конкретных практиках участия.

Осмысление проблемы взаимодействия молодежи с городским пространством реализуется через анализ взаимообусловленности социокультурного потенциала города и моделей реализации студенческой активности в нем, особенностей культурной политики и уровня организованности социальной активности молодежи, возникновение новых форм идентичности и актуальной городской культуры. Последняя органично включает в себя городские смыслы, образы города, элементы социальной памяти о событиях, исторических фактах, культурных реалиях, аутентичных практиках прошлого и настоящего. Она связана с процессом формирования социокультурной идентичности молодежи, социальной включенности горожан в решение именно городских проблем, формирующей социокультурную субъектность молодого поколения.

Исследовательские цели статьи исходят из потребности ответить на ряд вопросов о характере субъектности молодежи, участвующей в развитии региональных городов постсоциалистических стран. Во-первых, каким образом она связана с 1) процессами идентификации с городом (общностью «судьбы»; «городским патриотизмом»; интересом к культуре и истории города; активностью реализации потенциала идентичности); 2) готовностью студенчества включаться в развитие социокультурной среды города; 3) уровнем организации и самоорганизации социального участия (институционального и неинституционального типа). Во-вторых, в какой мере характер социокультурной субъектности определяется институциональной средой, задающей границы правового и организационного регулирования социальной активности молодежи, а также социокультурным бэкграундом страны, региона, отдельного городского поселения? Второй аспект нашего исследования в силу ограничений объема статьи может быть лишь контурно обозначен. Все сравниваемые страны характеризуют различия в развитии организационной инфраструктуры городских пространств для социального участия молодежи. В Польше и Румынии одно НКО приходится на 215 и 188 граждан соответственно, в России и Армении одна организация зарегистрирована на 1007 и 554 чел.¹ Отличается нормативное регулирование молодежной политики, соответственно и уровень молодежного развития (Россия – 82 место, Армения – 66, Польша – 36, Румыния – 43)². Социокультурный бэкграунд

¹ Рассчитано авторами по статистическим данным базы Knoema и Civil Society Organization Sustainability Index Central and Eastern Europe and Eurasia.2019.

² 2020 Global Youth Development Index. URL: <https://clck.ru/dVvVRM>

страны в контексте исследовательской проблематики во многом определяется благотворительной культурой населения (Россия на 117 месте, Армения – 114, Польша – 86, Румыния – 97)³, а также национальной политикой в отношении молодежи. За счет единого поля нормативного регулирования, тиражирования практик и общеевропейских проектов страны-лидеры ЕС смогли за последние 20 лет продвинуть население разных городов, регионов и стран союза, особенно молодежи, в сторону общеевропейских ценностей через формирование «общеевропейского гражданства». Армения как член Совета Европы оказалась на этом пути лишь в последние годы. В России государственная доктрина поддержки благотворительности начала активно реализовываться в последнее десятилетие.

О методологии исследования. Методологическая рамка исследования определена комплементарными теоретическими концептами идентификации с городом, социального участия, социокультурной субъектности молодежи. Сделаем отсылки к имеющимся теоретическим разработкам, значимым для исследования.

Идентификация с городом. Идентификация – двунаправленный процесс самоидентификации и формирования коллективной идентичности [Lawler, 2014], рассматриваемый в социокультурном контексте. Имеет широкое разнообразие форм, например аскриптивную, культурную, территориальную, политическую, экономическую, социальную [Huntington, 2004]. Самоидентификация с городом, соответственно, может быть рассмотрена как феномен личной судьбы: включение города в биографическую траекторию личности, встроенность личности в коллективную судьбу горожан через мотивацию «я горожанин» [Литвина, Муравьева, 2018]; как соотносительность с институциональным объектом или отношение ко всем видам организационных структур и нормативных регуляторов как к условиям жизни и деятельности в городе [North et al., 2009]. Она может раскрываться как общий для всех ресурс, связывающий субъективное восприятие «мой город» (внутренний слой территориальной самоидентификации) и значимые места, события, территориальные и культурные объекты в историческом контексте (ее внешний слой) [Ostrom, 1990]. Коллективная идентификация с городом – это механизм формирования социальной солидарности, развития сетевых горизонтальных связей и просредовых форм активности [Tajfel, Turner, 1986].

Феномен социокультурной идентификации выступает в качестве самоопределения личности как части социокультурной системы [Ядов, 1995], ее социальной, в том числе исторической, памяти и судьбы. При этом город – пространство и компромисса [Wirth, 1938], и столкновения разных типов идентичности по принципу «свой – чужой». Ресурсный потенциал городской идентичности – условие развития территории. Его измерение, а именно: критерии, уровни, модальность, субъектность, характер, системы показателей, является одной из дискуссионных проблем методического уровня [Lalli, 1992; Литвина, Муравьева, 2018; Шкурко, Балакина, 2014]. Степень идентичности с городом позволяет предсказывать уровень социально-активного поведения человека [Литвина, Муравьева, 2018].

Социальное участие. Общественное участие – процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления ими целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата, включающий взаимозависимые виды участия: социальное, гражданское и политическое. За гражданским закрепляется вертикальное участие, связанное с процессами соуправления и принятия решений. Социальное участие локализуется на горизонтальном уровне и трактуется как коллективная деятельность, осуществляемая в рамках повседневной жизни и направленная на удовлетворение общественного интереса [Никовская, Скалабан, 2017].

Социокультурная сфера городской жизни – среда вовлечения молодых горожан в программы и проекты некоммерческого сектора [Cahill, Dadvand, 2018]. Социологами социальное участие измеряется как опыт вовлечения горожан в различные социальные

³ Индекс благотворительности CAF, 2019. URL: <https://clck.ru/dVvRo>

и культурные практики и проекты, оценивается готовность горожан к конкретным действиям [Michels, 2012]. Отследить связь характера социального участия молодежи в городской среде и субъектности ее как актора – сложная многоуровневая проблема.

Социокультурная субъектность. Субъектность характеризуется активно выраженным деятельностным началом, проявляющимся в разных сферах реальности в зависимости от того, насколько этому способствуют социальные условия, является фактором изменений социальной среды и самого субъекта деятельности. Феномен субъектности концептуализирован в разных дисциплинарных сферах. Специфика социологического подхода заключается в понимании субъектности как формы самоорганизации социального целого. Субъектность – системное качество, придающее целостность социальному субъекту – личности, социальной группе, общности, организационным структурам разного уровня. Она имеет процессуальный характер.

Мы рассматриваем субъектность студенческой молодежи как взаимосвязь социального и индивидуального, как переход от потенциальных возможностей к реальным действиям [Ядов, 1995], как качество, формируемое в процессе самоосознания, самоидентификации, самоорганизации [Ушамировский, 2016]. Социокультурная субъектность в исследовании интерпретируется как процесс общественного воспроизводства посредством самоорганизации и саморегулирования молодежи в культурном пространстве, где происходит «субъективный выбор не только конкретных смыслов и целей, связанных с позиционированием себя в культуре, но и более общий процесс выстраивания жизненных стратегий» [Зубок, Чупров, 2017].

О методе и эмпирических данных. В статье анализируются данные международно-го исследования социального участия студенчества, проведенного в 2020 г. С помощью онлайн-анкетирования опрошено 1276 респондентов из четырех постсоциалистических стран: России, Армении, Польши, Румынии. Две из них (Россия и Армения) относятся к постсоветскому пространству, две другие (Польша и Румыния) являются членами Европейского союза. Для сравниваемых стран характерны существенные различия институциональной среды социального участия молодежи в развитии культурного пространства городов.

Выборка – целевая, включает студенческую молодежь вузов ряда городов сравниваемых стран: Екатеринбурга (Россия, $N = 465$), Гюмри (Армения, $N = 268$), Познани (Польша, $N = 264$) и Тимишоары (Румыния, $N = 279$). Они являются административными центрами регионов и, концентрируя региональные вузы, центрами притяжения молодежи из соседних городов. В выборке представлена студенческая молодежь из 41 города Свердловской области (Россия), 5 – Ширакской области в Армении, 27 – Великопольского воеводства Польши, 14 городских поселений области Банат в Румынии.

Отобранные нами для сравнения регионы имеют следующие характеристики. Свердловская область и Великопольское воеводство – это урбанизированные регионы с богатым индустриальным и культурно-историческим наследием. Ширакская область и область Банат – традиционно сельскохозяйственные районы, с уникальными городами, которые концентрируют в себе культурное наследие, имеющее многовековые традиции.

В ходе исследования выборка перевзвешена по типу города постоянного проживания (малый, средний, большой, крупный)⁴ и в соответствии с гендерной структурой студенческой молодежи регионов: 46,6% мужчин и 53,4% женщин Свердловской области (РФ), 45,7% мужчин и 54,3% женщин Ширакской области (Армения), 46,3% мужчин и 53,7% женщин области Банат (Румыния), 40,6% мужчин и 59,4% женщин Великопольского воеводства (Польша). Ошибка выборки с 95%-ной вероятностью составляет соответственно $\Delta = 4,7\%$ для России, $\Delta = 6,1\%$ для Армении, $\Delta = 6,2\%$ для Польши и $\Delta = 6\%$ для Румынии. Для расчета коэффициента взвешивания использованы статистические данные базы Кноета за 2020 г.

⁴ Тип города идентифицирован по российской классификации городских поселений (численность населения).

В методике характер субъектности социальной общности молодежи, реализуемой через социокультурную деятельность в городской среде, определяется потенциалом ее социального участия в развитии культурной среды города и уровнем реализации этого потенциала. Формирование субъектности находится во взаимосвязи с уровнем организации и самоорганизации социокультурной деятельности и характером включенности молодежи в различные формы добровольческой активности.

В нашем проекте модели реализации социокультурной субъектности молодежи в городской среде методически конструируются с помощью комплекса показателей: 1) *идентификации с городом* (связь с прошлым, настоящим и будущим города; представления об уникальности города; уровень «городского патриотизма»; интерес к культуре и истории города; активность как реализация потенциала идентичности); 2) *готовности молодежи включаться в развитие социокультурной среды города* (готовность к участию в городских проектах просветительского, культурно-досугового типов и инициативах социальной направленности); 3) *уровня организации и самоорганизации социального участия* (включенность респондентов в добровольческое сообщество и индивидуальные инициативные проекты).

В итоге мы имеем четыре комбинации значений наличия/отсутствия опыта добровольческой деятельности, готовности/неготовности к социальному участию. Они лежат в основе технологии формирования сводного индекса, так называемой четырехвекторной модели [Кисленко, 2018]. Уровень готовности к социальному участию характеризуется сводным индексом по показателям, включающим готовность к участию в городских проектах просветительского типа, культурно-досугового типа и проектах социальной направленности. Значения индекса дифференцируются и интерпретируются от 0 до 0,5 как относительно низкий уровень готовности к участию, от 0,51 до 1 – как относительно высокий.

Некоторые портретные черты студентов как горожан. Для анализа социокультурной субъектности студенческой молодежи как горожан важен ряд портретных параметров, зафиксированных по следующим показателям: продолжительность проживания в городе; место обучения (в своем городе или ином, куда переехали); связь планов на будущее с родным городом. Некоторые из них выступают факторами формирования идентификации с городом и социальной активности молодежи в городской среде. Их характеристика представлена в таблице 1. Различия по всем показателям статистически значимы.

Таблица 1

Студенты о месте обучения, продолжительности проживания в родном городе и планах остаться в нем после окончания вуза

(ответы да в % от числа ответивших в разрезе сравниваемых стран)

Показатели	Россия	Армения	Польша	Румыния
Проживают в родном городе с рождения	69	79	80	72
Учатся в своем родном городе	11	59	20	28
Планируют остаться в родном городе после окончания вуза	43	59	26	25

Сравнительный анализ условий проживания и обучения студенческой молодежи, а также их миграционного потенциала в виде самооценок планов на будущее позволил определить, что среди российских студентов меньше тех, кто живет в своем городе с рождения. В Свердловской области выше процент получающих образование за пределами своего города по сравнению с другими странами. Во многом это обусловлено процессами централизации системы высшего образования в России, когда сокращается филиальная сеть. При общем снижении числа вузов университеты чаще сохраняют в крупных городах. В целом миграционный потенциал студенческой молодежи Польши и Румынии, то есть тех, кто не планирует будущее в своем родном городе, значительно выше, чем в России и Армении. На такое положение дел во многом оказывают влияние два средовых фактора: экономический и территориальный. Экономическая и политическая

интеграция стран Европейского союза расширяет возможности для мобильности молодежи. Относительно небольшой территориальный охват союза обеспечивает реальность реализации этих планов.

Когнитивный аспект социокультурной самоидентификации студенческой молодежи с городом. Связь социокультурной субъектности студенческой молодежи с процессами их самоидентификации прямая. В ходе исследования она прослеживалась по совокупности имеющих значимые статистические различия показателей, которые отражены в таблице 2. «Внешний слой» идентификации фиксировался показателями «информированность о достопримечательностях города»; «оценка наличия значимых мест в городе». «Внутренний слой» идентификации отражали показатели «самооценка знания истории города»; «интерес к истории города».

Таблица 2

Показатели социокультурной идентификации студенческой молодежи с родным городом*
(ответы да в % от числа ответивших в разрезе сравниваемых стран)

Показатели	Россия	Армения	Польша	Румыния
Отметили наличие значимых для города мест**	58	72	92	79
Знают историю родного города	30	59	42	57
Проявляют активный интерес к истории города***	21	43	39	37

Примечания. *Здесь речь идет о месте постоянного проживания. **Показатель рассчитан по ответам на открытый вопрос: «Какие достопримечательности в вашем городе вы считаете заслуживающими особого внимания?» (показатель входит в блок вопросов о городе как месте постоянного проживания). ***Показатель расчетный и отражает наличие и характер интереса среди тех, кто знает историю своего города. Он рассчитывался по ответам на вопрос: «Из каких источников информации вы узнаете об интересных памятниках, парках, музеях и достопримечательностях вашего города?» Пассивный интерес отмечался при выборе таких источников информации, как «что-то слышал в СМИ», «читал в Интернете», «рассказывали в школе», «рассказывали друзья, знакомые, родные», «видел издание про свой город», «посещал музей». Активный интерес – при выборе ответа «сам интересовался, искал специально информацию» и «встречался с краеведами».

Исследование показало высокий уровень самооценки студентов в отношении своей информированности о культурно-исторических местах и достопримечательностях их родных городов. На вопрос: «В вашем городе есть интересные памятники, парки, музеи и достопримечательности, знаете ли вы о них?» – положительно ответили 93% из числа российских студентов, 98% респондентов из Армении, 95% польских и 91% румынских студентов.

В качестве информационных факторов, обуславливающих тип интереса к городу и его истории, рассматривались источники сведений/знаний о городе и характер их использования респондентами. Сравнительный анализ показателей когнитивных характеристик социокультурной самоидентификации студенческой молодежи с городом позволил увидеть, что при достаточно высоком уровне информированности студентов разных стран о достопримечательностях в их родных городах интерес к городской истории у студенческой молодежи в целом чаще пассивный. В наиболее выраженной форме пассивность интереса к истории города проявляется у молодежи Свердловской области. Ниже и их самооценка знания истории своего города. В целом можно констатировать, что когнитивная сфера социокультурной самоидентификации студенческой молодежи с городом формируется поверхностно, не имея под собой серьезного знаниевого потенциала.

Рассмотрим информационные факторы, обуславливающие процесс социокультурной идентификации с городом (табл. 3).

Проведенный на основе корреляционного анализа показателей таблиц 2 и 3 сравнительный анализ характера социокультурной идентификации студенческой молодежи

Таблица 3

**Информационные факторы социокультурной идентификации
студенческой молодежи с родным городом**
(% от числа ответов на поливариантный вопрос в разрезе сравниваемых стран)

Показатели	Страна опроса				В целом
	Россия	Армения	Польша	Румыния	
СМИ	14	6	30	16	16
Интернет	27	11	58	35	31
Школа	51	30	70	61	52
Друзья, знакомые, родные	25	31	52	49	37
Книжные издания о родном городе	19	19	26	18	20
Встречи с краеведами, урбанистами и др.	6	7	25	5	10
Посещение экскурсий, музеев в родном городе	47	57	59	50	52
Всего	189	161	320	234	218

Примечание. Здесь и далее в таблицах указывается не город опроса, а страна, это сделано для удобства сравнения, однако результаты исследования локальны и не репрезентативны относительно страны опроса.

с городом позволил выявить, что уровень информированности студенческой молодежи о достопримечательностях города зависит, прежде всего, от основных институциональных факторов – школьного образования и культурного потребления (посещения музеев). Для студентов всех сравниваемых стран характерна взаимосвязь между наличием опыта волонтерской деятельности и участием в школьных волонтерских проектах. Другими словами, школа – необходимое условие для приобретения опыта социального участия, приобщения учащихся к добровольчеству на систематической основе. При этом в ряде стран она неэффективно воздействует на процесс углубления идентификации школьников с городом, не формирует знаниевое ядро интереса участников городских проектов, задействуя только уровень информирования об элементах культурной городской среды. В наиболее выраженной форме пассивность интереса к истории города проявляется у российской молодежи, а роль школы в формировании интереса молодого поколения к истории города незначительна. Важным фактором формирования интереса к «истории места» в Польше и Румынии является семья, близкое окружение, друзья студентов. Для этих стран характерна высокая значимость локального сообщества, участия старшего поколения в передаче знаний и отношения к родному городу. Выявлено, что активный интерес учащихся к истории города обусловлен в основном неинституциональными факторами. Он формируется благодаря встречам молодежи со специалистами-краеведами, в общении с друзьями, знакомыми и родственниками через погружение в семейные истории, биографический материал семьи, связанный с городом; в самостоятельном поиске информации о городе в Интернете.

Социальное участие студенческой молодежи: уровень готовности и степень организованности. Социальное участие студенческой молодежи в развитии городской среды анализировалось на основе ее готовности и реальной вовлеченности в социокультурную деятельность. Индекс готовности (среднее значение индекса от 0 до 1) молодежи и доля готовых к участию в развитии города представлены в таблице 4.

Уровень готовности к социокультурной активности среди студентов вузов России и Польши примерно одинаков (проверка с помощью непараметрического теста Манна и Уитни показала отсутствие статистически значимой разницы⁵). А вот в Армении этот уровень статистиче-

⁵ Россия и Польша: U Манна-Уитни = 60789,5; W Вилкоксона = 169134,5; Z = -0,217; асимпт. знач. (2-стор.) = 0,828, т.е. > 0,05.

Таблица 4

Уровень готовности студентов к реализации социокультурной деятельности по развитию городской среды в разрезе сравниваемых стран

Показатели	Страна опроса			
	Россия	Армения	Польша	Румыния
Индекс готовности*	0,46	0,71	0,46	0,58
Доля студентов, готовых к социальному участию	42%	80%	40%	56%

Примечание. *Сводный индекс готовности к социальному участию в жизни города (СИГ) определяется как среднее арифметическое трех частных индексов (ЧИ), отражающих готовность участия в городских проектах просветительского, культурно-досугового типа и проектах социальной направленности, т.е. $СИГ = (ЧИ_1 + ЧИ_2 + ЧИ_3)/3$. Предложенный индекс, не претендующий на универсальность, помогает решить задачу сопоставления уровня готовности к социальному участию среди разных групп студенческой молодежи (в т.ч. и по странам).

ски значительно выше не только в сравнении с Россией⁶ и Польшей⁷, но и с Румынией⁸, которая имеет значимые отличия от других стран по индексу готовности к социальной активности.

Вместе с тем реальная вовлеченность в волонтерскую деятельность выше всего оказывается в Польше, где абсолютное большинство студентов (73%) имеет опыт участия в различных акциях и проектах, как инициированных в вузе, так и за его пределами. Распределение опрошенных студентов по опыту участия в волонтерской деятельности представлено в таблице 5.

Таблица 5

Опыт участия студентов в волонтерской деятельности
(ответы да в % от числа ответивших в разрезе сравниваемых стран)

Есть ли у вас опыт участия в волонтерской деятельности?	Страна опроса			
	Россия	Армения	Польша	Румыния
Да, участвовал в различных акциях и проектах, которые инициировали в школе, вузе	28	30	45	33
Да, участвовал по собственной инициативе в различных акциях и проектах за пределами школы, вуза	18	16	28	24
Нет, такого опыта у меня нет	54	54	27	43
Итого	100	100	100	100

Соотношение инициативных проектов, инициированных за пределами школы и вуза, по отношению к организованным в этих учреждениях показывает, что на первый план по уровню самоорганизации добровольческой активности выходят студенты исследуемых нами регионов Румынии и Польши.

Социокультурная субъектность студенческой молодежи и модели ее реализации. Формирование субъектности социального участия реализуется в сложной системе социальных взаимодействий. Его изучение предполагает теоретические и эмпирические исследования субъектов участия, типологизированных по разным основаниям: характеру их взаимодействия, типам и стратегиям участия, факторам, их обуславливающим, социокультурному контексту социального участия и сформировавшимся практикам реализации

⁶ Россия и Армения: U Манна-Уитни = 32030; W Вилкоксона = 140375; Z = -11,004; асимпт. знач. (2-стор.) = 0,000, т.е. < 0,01.

⁷ Армения и Польша: U Манна-Уитни = 17380,5; W Вилкоксона = 52360,5; Z = -10,192; асимпт. знач. (2-стор.) = 0,000, т.е. < 0,01.

⁸ Армения и Румыния: U Манна-Уитни = 27592; W Вилкоксона = 66652; Z = -5,328; асимпт. знач. (2-сторонняя) = 0,000, т.е. < 0,01.

социальной активности в нем, представлений о потребностях и перспективах, реальном и должном, значимом и востребуемом в развитии городской среды.

Мы типологизировали модели реализации социокультурной субъектности студенческой молодежи исходя из соотношения готовности студентов к социальному участию в социокультурном развитии городов и реальному опыту участия, полученному институционально и на инициативной основе (схема 1). В результате выделены четыре модели социокультурной субъектности молодежи, которые могут быть реализованы одновременно в каждом конкретном регионе. Группы студентов, являющиеся их носителями, в количественном отношении различаются по сравниваемым нами регионам, определяя региональную специфику культуры социального участия молодежи.

Схема 1

Модели реализации социокультурной субъектности студенческой молодежи в городской среде

Показатели	Готовность к социальному участию	Неготовность к социальному участию
Наличие опыта волонтерской деятельности (институционализированной и инициативной)	Активный тип субъектности (34%) РФ – 25% Армения – 40% Польша – 32% Румыния – 44%	Пассивный тип субъектности (23%) РФ – 22% Армения – 7% Польша – 42% Румыния – 24%
Отсутствие опыта волонтерской деятельности	Потенциал для развития субъектности (19%) РФ – 17% Армения – 40% Польша – 8% Румыния – 12%	Эскапистский тип субъектности (24%) РФ – 36% Армения – 13% Польша – 18% Румыния – 20%

Применение данной исследовательской схемы наглядно показывает, что в рассматриваемых странах ситуация принципиально различна. Для студенческой молодежи Свердловской области (РФ) характерна преимущественно «эскапистская» модель субъектности, при которой молодые люди не готовы к добровольческой деятельности (58%) и не имеют опыта ее реализации (54%). Даже будучи вовлечены в те или иные волонтерские (школьные, вузовские, общественные) проекты, почти половина студентов отличается низким уровнем готовности участвовать в них или подобных им в дальнейшем. Для большинства характерна позиция отстраненности, уверенности в невозможности повлиять на социокультурную ситуацию в городе и решить возникающие социальные проблемы с помощью своего участия. Мы связываем такие характеристики не столько с несформированностью в российском обществе благотворительной культуры, сколько с созданием условий для молодежного участия. Подходы в реализации молодежной политики современной России предполагают единый вектор в ее реализации во всех регионах и городах, ограничивающий направления возможной активности творческой самореализацией талантливой молодежи и патриотическим воспитанием.

Комплекс управленческих задач в этом случае должен быть связан с коррекцией курса молодежной политики в стране и внедрением иных подходов работы с молодежью, дающими больше свободы действий на локальном городском уровне. При работе с молодежной аудиторией важно изменение их отношения к социальному участию, вовлечение молодежи в сопродуктивную деятельность как равноправного субъекта таким образом, чтобы трансформировать эту модель в «пассивный», а затем «активный» тип социокультурной субъектности, занимающие третье и второе места по значимости.

В Ширакской области Армении доминируют две модели реализации субъектности молодежи: «активная» (с высоким уровнем готовности к социальному участию среди студенческой молодежи и реальной вовлеченности в добровольческую деятельность) и модель «потенциального развития» (с высоким уровнем готовности при относительно

небольшой реальной вовлеченности в волонтерскую деятельность). В Армении ниже, чем в других странах, инициативность участия и более выражена ориентация на организованные извне формы управления участием. При этом в стране слабо развита инфраструктура молодежного участия, а государственная молодежная политика не артикулируется в публичном пространстве. Управленческие цели здесь заключаются в создании адекватных условий для реализации имеющегося у студенческой молодежи высокого потенциала социальной активности, расширении ее социальной базы через инициирование новых социокультурных проектов, интересных для студентов.

В региональных городах Великопольского воеводства (Польша) наличие опыта участия в волонтерской деятельности среди студентов значительно выше, чем в других странах. Однако доминантной оказывается «пассивная» модель социокультурной субъектности, характеризующаяся сниженной готовностью участвовать в проектах, направленных на развитие городского пространства. Средний уровень готовности к реализации социокультурной деятельности в городской среде не высок (0,46). Несмотря на то, что во всех сравниваемых регионах он меняется в зависимости от типа и особенностей предлагаемых культурных проектов, именно в Польше «пассивность» как характеристика участия проявляется наиболее явно⁹. Такая характеристика во многом связана с централизацией молодежной политики в странах ЕС, которая дает молодежи как право гражданского выбора, так и открывает возможности для социального участия во всех странах-участницах союза. Предполагаемые цели в отношении управленческого воздействия могут быть связаны с регулированием интереса к социальному участию, продвижением социокультурных проектов, ориентированных на базовые ценности, демонстрацией социальной значимости и необходимости разных типов социального участия.

Румынские студенты демонстрируют актуализированную «активную» модель социокультурной субъектности. При этом потенциал для ее дальнейшего развития не высок, поскольку практически полностью реализован. При развитой в стране структуре некоммерческого сектора вариативность практик просоциального поведения может увеличиваться. Управленческие цели в отношении расширения социальной базы для активного участия студентов связаны с преодолением пассивной и эскапистской стратегий их поведения в культурном пространстве города.

Выводы. Субъектность молодежи как социокультурный феномен выражается в характеристиках социальной идентичности и включенности в локальную социальную жизнь через культурные практики, процессы накопления социального капитала, построение жизненных стратегий с опорой на социальное окружение и социокультурную среду. Эти системные качества определяют ресурс развития инициативной самостоятельно регулируемой деятельности.

Выявленные в ходе исследования различия в реализации социокультурной субъектности студенчества обусловлены двумя группами институциональных факторов. Во-первых, это уровень развития демократических гражданских институтов и содержание государственной молодежной политики. Во-вторых, влияние институтов школьного образования и музейной сферы. Проведенный нами в ходе исследования углубленный анализ нормативных документов всех четырех стран, регламентирующих молодежную политику в социально-политической и социокультурной сферах, позволил сделать следующие выводы.

В России централизованная от федерального до муниципального уровня государственная политика поддержки социальной активности ориентирована на формирование культуры участия молодежи, предполагающей определенные ограничения его возможностей, форм и видов. На региональном уровне на примере Свердловской области выявлены ее дисфункции, которые проявляются в доминанте «эскапистской» модели социокультурной субъектности, а одним из наименее эффективных институциональных факторов

⁹ С помощью Н-теста Вилкоксона проверялась попарно значимость различий подвыборок по трем типам социокультурных проектов.

воздействия на формирование идентификации с городской средой оказались институты образования (школа) и культуры (музей).

В Армении не сформирована национальная стратегия поддержки социального участия молодежи. При этом муниципалитеты, взаимодействуя с локальными НКО, создают условия для функционирования институтов гражданского общества, обеспечивая развитие молодежного активизма. Этим во многом объясняется доминанта «активной» модели реализации социокультурной субъектности студенчества Ширакской области и наличие существенного организационного потенциала для ее дальнейшего развития.

В Польше и Румынии привлечение молодежи к решению общественных и городских проблем, поддержание ее социальной и гражданской активности – одна из актуальных задач управления участием. Это фиксируется в стратегии молодежной политики ЕС 2019–2027 гг.¹⁰, проявляется в использовании технологий гибкого участия в проектах некоммерческих организаций, в инициативах сообществ и в социальных движениях [Paolini et al., 2018]. На примере области Банат (Румыния) и Великопольского воеводства (Польша) видно, что при имеющихся ограничениях мы имеем дело с более развитой моделью реализации социокультурной субъектности. Институциональные условия школы и музейной сферы также оказывают на нее в целом позитивное влияние.

Социокультурные особенности регионов безусловно воздействуют на формирование культуры участия студенческой молодежи, но его содержание и формы обусловлены прежде всего институциональными факторами. В пространстве ЕС это следствие продвижения единых норм, стандартов и подходов в работе с молодежью. Армения (Ширакская область) в своем стремлении интегрироваться в ЕС движется в этом направлении, находясь в промежуточном состоянии. Российский контекст участия в социокультурном развитии городской среды обусловлен регулятивными нормами иной институциональной среды, является следствием централизации публичного управления в сфере работы с молодежью. В целом, при явных культурно-исторических отличиях сравниваемых стран, регионов и городов социокультурная субъектность молодежи реализуется по типичным сценариям, связанным с социальным опытом молодежного участия и средой, в которой этот опыт приобретает, поддерживается институционально, стимулируется и поощряется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В. Право на город: повседневные практики молодежи и партиципация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443–462.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57–67.
- Кисиленко А.В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 4 (1). С. 63–71.
- Литвина С.А., Муравьева О.И. Опросник идентичности с городом: разработка, валидизация, проверка надежности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 1. С. 73–91.
- Луков В.А., Луков С.В. Субъектность молодежи в процессах социализации и инкультурации // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 1. С. 3–20.
- Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60.
- Озерина А.А. Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. № 4 (34). С. 135–139.
- Ушамирский А.Э. К проблеме субъектности молодежи // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 11. С. 628–630.

¹⁰ The EU Youth Strategy for 2019–2027. URL: https://ec.europa.eu/youth/policy/youth-strategy_en. (дата обращения: 11.02.2022).

- Шкурко Т.А., Балакина А.А. Социально-психологические особенности отношений к другим людям и отношение к городу жителей мегаполиса, большого и малого городов. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2014.
- Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.
- Cahill H., Davand B. Re-conceptualising Youth Participation: A Framework to Inform Action // Children and Youth Services Review. 2018. № 95. P. 243–253.
- Huntington S. Who are we? The Challenges to American's National Identity. New York: Simon & Schuster, 2004.
- Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. Journal of Environmental Psychology. 1992. № 12 (4). P. 285–303.
- Lawler S. Identity. Sociological perspectives. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity press, 2014.
- Michels A. Citizen Participation in Local Policy Making: Design and Democracy // International Journal of Public Administration. 2012. № 35 (4). P. 285–292.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2009.
- Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Paolini G., Horváth A., Motiejūnaitė A. Situation of Young People in the European Union Commission. Brussels: EC, 2018.
- Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. Psychology of intergroup relations. Chicago: Chicago univ. press, 1986.
- Wirth L. Urbanism as a way of life // The American Journal of Sociology. 1938. № 44 (1). P. 1–24.

Статья поступила: 28.01.22. Финальная версия: 13.03.22. Принята к публикации: 05.04.22.

STUDENTS' PARTICIPATION IN THE SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE CITY: SOCIO-CULTURAL AGENCY ISSUES (INTERNATIONAL RESEARCH PERSPECTIVES)

PEVNAYA M.V.*, SHUKLINA E.A.*, CERNICOVA-BUCA M.**

*Ural Federal University, Russia; **Politehnica University Timisoara, Romania

Maria V. PEVNAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Head of department (m.v.pevnaya@urfu.ru); Elena A. SHUKLINA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof. (e.a.shuklina@urfu.ru). Both – Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; Mariana CERNICOVA-BUCA, Ph. D., Assoc. Prof., Politehnica University, Timisoara, Romania (mariana.cernicova@upt.ro).

Acknowledgements. The research was supported by RFBR, project № 20-011-00471. We are grateful to prof. J. Kazmerchik (University of Economics and Business in Poznan) and prof. L. Asoyan (Shirak State University) for their help in collecting research data.

Abstract. The article tackles the issue of youth agency, understood as desire and ability of young people to engage in the socio-cultural development of their cities of choice for pursuing higher education. This contribution tries to clarify factors to be considered in analyzing youth agency in an international perspective. It is based on an internationally conducted survey in 2020, among students in regional centers from Russia, Armenia, Poland and Romania (target sample $N = 1272$). Across their different socio-cultural backgrounds and context of living and studying, young people share similarities regarding their readiness to get involved in projects of territorial development but also display significant distinctive features to be considered in international comparisons. The cross-country comparison highlighted existence of four models of agency. Russian youth is characterized mainly by an “escapist” model of agency, with a low level of readiness for social participation and a lack of experience in such activities. Two models dominate in Armenia: “active” with a high level of readiness and real involvement, as well as the model of “potential development”. In Poland, the level of social participation among students is much higher than in other countries, but it is predominantly passive. Romanian students demonstrate an actualized “active” model of socio-cultural agency. At the same time, the potential for its development is low. These findings help explain the variations in students' readiness to participate in urban socio-cultural development projects.

Keywords: social participation; youth participation; urban development, students, agency, identity.

REFERENCES

- Antonova N., Abramova S., Polyakova V. (2020) The right to the city: Daily practices of youth and participation in the production of urban space. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 443–462. (In Russ.)
- Cahill H., Davdand B. (2018) Re-conceptualising Youth Participation: A Framework to Inform Action. *Children and Youth Services Review*. No. 95: 243–253.
- Huntington S. (2004) *Who are we? The Challenges to American's National Identity*. New York: Simon & Schuster.
- Kisilenko A.V. (2018) Volunteering: the self-organization potential of Russian youth. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie* [Research result. Sociology and Management]. No. 4: 63–71. (In Russ.)
- Lalli M. (1992) Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 12. No. 4: 285–303.
- Lawler S. (2014) *Identity. Sociological perspectives*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity press.
- Litvina S.A., Muravyeva O.I. (2018) Questionnaire of identity with the city: development, validation, reliability check. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Science for Education Today] No. 1: 73–91. (In Russ.)
- Lukov V.A., Lukov S.V. (2020) Subjectivity of youth in the processes of socialization and inculturation. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya* [Horizons of humanitarian knowledge]. No. 1: 3–20. (In Russ.)
- Michels A. (2012) Citizen Participation in Local Policy Making: Design and Democracy. *International Journal of Public Administration*. 2012. Vol. 35. No. 4: 285–292.
- Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. (2017) Civic participation: features of discourse and trends of real development. *POLIS. Politicheskie issledovaniya* [POLIS. Political Studies]. No. 6: 43–60. (In Russ.)
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Ostrom E. (1990) *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ozerina A.A. (2016) Urban identity as a socio-psychological phenomenon. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University]. No. 4 (34): 135–139. (In Russ.)
- Paolini G., Horváth A., Motiejūnaitė A. (2018) *Situation of Young People in the European Union Commission*. Brussels: EC.
- Shkurko T.A., Balakina A.A. (2014) *Socio-psychological features of attitudes towards other people and the attitude of residents of megalopolis, large and small cities*. Rostov-on-Don: YuFU.
- Tajfel H., Turner J.C. (1986) *The social identity theory of intergroup behavior. Psychology of intergroup relations*. Chicago: Chicago Univ. Press.
- Ushamirsky A.E. (2016) The problem of subjectivity of youth. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and prospects of development]. No. 11: 628–630. (In Russ.)
- Wirth L. (1938) Urbanism as a way of life, *The American Journal of Sociology*. Vol. 44, No. 1: 1–24.
- Yadov V.A. (1995) Social and socio-psychological mechanisms of formation of a person's social identity. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 3–4: 158–181. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2017) Threats in a transforming living environment as a factor of social risks: forecasting and regulation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies] No. 5: 57–67. (In Russ.)

Received: 28.01.22. Final version: 13.03.22. Accepted: 05.04.22.

СТУДЕНТЫ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА О ПРОБЛЕМАХ ДОБРОСОСЕДСТВА В УСЛОВИЯХ СБЛИЖЕНИЯ ЕВРОПЫ И АЗИИ

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Центра европейских исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Москва, Россия (sim@isras.ru).

Аннотация. Межцивилизационное взаимодействие, основной ареной которого сегодня является евроазиатский континент, представляет одну из фундаментальных проблем обществоведения. Особый интерес вызывают приграничные зоны, где оно непосредственно осуществляется. В статье рассматривается российско-казахстанское приграничье – пространство многовекового культурного диалога различных цивилизаций, которое сегодня недостаточно изучено, что прежде всего относится к его социальному аспекту. Востребованность знания о российско-казахстанском приграничье актуализируется в связи с ростом значения Азии для России. Автор рассматривает границу между странами не столько как государственно-правовой институт с материальной инфраструктурой, необходимой для обеспечения национальной безопасности и взаимодействия с соседними государствами, сколько как сознание и деятельность людей, обеспечивающих выполнение этих функций. Развитие межгосударственных отношений накладывает особую ответственность по выполнению задач приграничья на молодёжь как наиболее активную и перспективную часть населения. Приводятся результаты сравнительного исследования регионального сознания выпускников университетов двух стран, выявлены сходства и различия восприятий, представлений, оценок, ориентаций и установок, что подтверждает тесную взаимосвязь и близость мировосприятия студентов приграничных регионов России и Казахстана.

Ключевые слова: российско-казахстанское приграничье • социокультурная диффузия • студенческая молодёжь • региональные особенности массового сознания

DOI: 10.31857/S013216250016655-3

Приграничье России и Казахстана как географический центр Евразии. Социально-экономическая интеграция евразийского континента – масштабная и сложная задача, в решении которой огромная роль принадлежит России, создавшей такие организационные формы евразийской интеграции, как Содружество Независимых Государств, Евразийское экономическое пространство, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и, наконец, Евразийский экономический союз. В этих международных организациях Казахстан в силу своего геостратегического положения является наиболее заинтересованным и главным партнёром России, обладая второй по величине (после России) экономической постсоветского пространства и наиболее динамично развивающимся добрососедством с Россией. Россия вместе с Казахстаном образуют «сердцевину» Евразии. Бжезинский называл такие государства «геополитическими центрами, чье значение вытекает не столько из их силы, сколько из их важного местоположения» [Бжезинский, 2010: 55].

Зарубежные геополитики считают влияние России основным структурирующим компонентом региональных отношений с расположенными вдоль южных границ России постсоветскими странами, определяющими состояние стержневой части евразийского

Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-01 «Социокультурный феномен приграничья на постсоветском пространстве: массовое сознание, этнокультурные и конфессиональные идентичности, социальные практики».

материка: «...государства этого региона по-прежнему смотрят на мир через призму России» [Contessi, 2015: 237], объясняя это не только общей историей, но и соразмерностью, в отличие от 1,4-миллиардного Китая, растущая экономическая экспансия¹ которого вызывает опасения у его соседей, в том числе и у государств Центральной Азии.

Российское приграничье с Казахстаном – это регионы Нижнего Поволжья, Южного Урала и Южной Сибири, которые составляют мегарегион, занимающий около 20% территории России, геополитически и экономически «скреплённый» с Казахстаном и испытывающий его влияние. При этом приграничные регионы в экономике наших стран играют важнейшую роль: ВРП российско-казахстанского приграничья составил почти 18% ВВП России. Ещё больше доля казахстанско-российского приграничья – свыше 41% ВВП Казахстана, так как большая часть его промышленности сосредоточена в северных регионах, сопредельных с Россией.

Одним из важных факторов добрососедства является общее информационное пространство, в основе которого лежит широкая распространённость русского языка в Казахстане. В общественно-политической жизни русский язык используется наряду с казахским, что закреплено законодательно (см., напр.: Закон РК от 11 июля 1997 г. № 151-І «О языках в Республике Казахстан», Государственная программа по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы) и способствует стабильности использования русского языка. Так, по данным на декабрь 2017 г., уровень владения русским языком в Казахстане составляет около 89%, в крупных городах более 98%².

Южный сосед России – это пример нового молодого государства, которое предлагает другим постсоветским странам парадигму развития, основанного не на отторжении бывшей метрополии, а на сотрудничестве с ней. В то же время соседство с Казахстаном содержит сложный комплекс проблем. Если на западе Россия соприкасается с христианской (западнохристианской) цивилизацией, на востоке – с китайской (буддистской, конфуцианской), то на юге – с мусульманской, что придаёт российско-казахстанскому приграничью, как и всему южному подбрюшью России, в нынешних условиях радикализации исламского фактора особое значение. После распада СССР Россия столкнулась с проблемой уязвимости своих границ, создающих угрозу национальной безопасности.

По сравнению с традиционными «старыми» границами – российско-евросоюзовской и российско-китайской, где между Россией и её соседями исторически сложилась устойчивая международно-правовая система [Кочегарова, 2015], граница с Казахстаном возникла сравнительно недавно. Она не совпадает с этнической, казахи и русские проживают по обе стороны границы, которая является самой протяжённой в мире – более 7,5 тыс. км.

Нарушения российско-казахстанской границы фиксируются постоянно, но при этом обе стороны признают нецелесообразность заграждений. Во-первых, это потребует огромных затрат на их установку и содержание. Во-вторых, местными жителями, тесно связанными в том числе и родственными отношениями, но разделёнными границей, в них будут сделаны проходы. Например, каждый третий житель приграничных районов Оренбургской области имеет родственников или близких друзей по ту сторону границы [Бийжанова, 2015: 226]. В-третьих, ограждения будут препятствовать выпасу скота. В советское время пастбища распределялись руководителями совхозов и колхозов. После 1991 г. это входит в обязанности местных органов, избираемых населением. В-четвёртых, заграждения создадут помехи для естественной миграции диких животных. В этом ареале поголовье одних только сайгаков насчитывает более 300 тыс. И, наконец, в-пятых, проблема коммуникаций: через российско-казахстанское приграничье проходит 18 железных дорог и свыше 200 автомобильных. Построенная в советский период транспортная

¹ Г. Киссинджер ещё в 2010 г. утверждал, что «современный Китай стал державой, имеющей свои интересы в каждом уголке Земли» [Kissinger, 2010: 272].

² Саныкович В. Пресс-клуб «Содружество» 2017. URL: <http://press-unity.com/stati/10572.html> (дата обращения: 31.08.2021).

и энергетическая инфраструктура создавалась как единый народнохозяйственный комплекс без учёта административных границ между республиками, поэтому существуют многочисленные пересечения границы. Один только Южный Турксиб 12 раз пересекает границу, а 32 контрольно-пропускных пункта, среднее расстояние между которыми составляет около 200 км, не могут служить надёжным барьером для контрабанды, наркотрафика и нелегальной миграции.

Студенты российско-казахстанского приграничья как объект анализа. Изучение особенностей российско-казахстанского приграничья, его социальной составляющей – массового сознания его жителей, является актуальной задачей. Особый интерес представляет региональное сознание молодёжи – той части населения приграничья, которая наиболее активно участвует в междивизиональном взаимодействии и будет нести основную нагрузку по выполнению задач государственной границы в перспективе создания Большой Евразии.

Исследуя сознание молодёжи приграничья, можно понять, как формируется и/или меняется пространство межкультурного диалога, как функционируют его элементы, какие правила определяют поведенческие стратегии молодёжи, какую роль играет в этих процессах граница, как формируется региональная самоидентификация, как молодёжь воспринимает свои страны, насколько чувство принадлежности к особой территории, разделяющей «здесь» и «там», зависит от таких факторов, как уровень благосостояния, близость к границе, информированность, восприятие соседнего этноса [Симонян, Слуцкий, 2020]. Словом, как влияет феномен приграничья на региональное сознание молодёжи, в сфере которого «граница направлена и внутрь, чтобы объединить социальную общность, и вовне, чтобы отделить её от соседей» [Андерсон, 2001: 198]. В этой связи в октябре 2020 г. был проведён опрос студентов-магистрантов, проживающих в приграничных регионах России и Казахстана, с целью выявления региональных особенностей массового сознания данной социальной общности. Особый интерес к выпускникам вузов основывается на том, что эта наиболее образованная часть молодёжи готовится в самое ближайшее время участвовать в хозяйственной жизни общества, в том числе выполнении задач российского приграничья.

По критериям географического представительства, протяжённости границы, исторических традиций взаимодействия, масштаба экономического сотрудничества, удельного веса диаспор были отобраны три российских и три казахстанских региона.

В России: Астраханская область (АО), в составе населения которой русских – 66%, казахов – 17%; Оренбургская область³ (ОрО) – 74 и 7%, Омская область (ОМО) – 84% и 4%. В 17 вузах Омска обучаются около 12 тыс. студентов из Казахстана, в 10 вузах Оренбурга – более 3,5 тыс., в 9 вузах Астрахани – около 4 тыс. студентов из Казахстана⁴. Эти три области⁵ занимают 20, 24 и 51 места из 85 в рейтинге регионов России по уровню жизни. Расположенные на западе, в центре и на востоке приграничья, они входят в число основных торгово-экономических партнёров Казахстана, репрезентируя российско-казахстанское приграничье в целом.

В Казахстане: Западно-Казахстанская область (ЗКО)⁶, где казахов – 76%, русских – 19,5%; Северо-Казахстанская область (СКО) – 34 и 49,5%, Павлодарская область (ПО) – 50,5 и 35%. Эти области занимают 15, 10 и 6 места (из 17) в рейтинге регионов Казахстана по уровню жизни. Расположенные на западе, в центре и на востоке приграничья, они также входят в число ведущих экономических партнёров России, репрезентируя казахстанско-российское приграничье.

Общее число респондентов, участвовавших в исследовании, $N = 1200$, по 200 магистрантов пропорционально количеству факультетов и специализаций: Астраханского

³ Имеет самую протяжённую границу с Казахстаном – 1876 км, в Омской области проходит вторая по протяжённости граница – 1023 км.

⁴ Всего в вузах России в 2020/21 уч. г. обучались более 70 тыс. граждан Казахстана.

⁵ В двух из них (Астраханской и Омской областях) располагаются Консульства Казахстана.

⁶ В г. Уральск находится Консульство Российской Федерации.

государственного университета (14 факультетов, 68 программ), Оренбургского государственного университета (17 факультетов, 65 программ), Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (12 факультетов), Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова (6 факультетов), Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева (7 факультетов) и Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова (7 факультетов).

Студенты приграничья о себе. Региональные различия студентов ярко проявились в идентификации. В Казахстане государственная идентичность выражена значительно сильнее (67,1 против 49,2%). Высокий уровень государственной (гражданской) идентичности – характерная черта молодых государств. Отсюда меньшее предпочтение этнической идентичности, несмотря на большую интернациональность Казахстана (доля русских в составе населения России – 81,2%, доля казахов в составе населения Казахстана – 68,9%), что в примыкающих к России регионах проявляется в наибольшей степени, и ещё меньше территориальной. Чем дальше на восток, тем предпочтительнее территориальная (региональная) идентичность, что, как можно предположить, объясняется возрастанием суровости природных условий и меньшей заселённостью. Население таких территорий характеризуется повышенной взаимозависимостью и взаимопомощью.

Таблица 1

Самоидентификация молодежи на приграничье
(в % от числа опрошенных)

Показатели	Россия				Казахстан			
	АО	ОрО	ОмО	средняя	ЗКО	СКО	ПО	средняя
Государственная	60,3	46,1	41,2	49,2	74,8	58,5	68,0	67,1
Этническая	30,7	38,6	31,7	33,7	19,7	31,5	17,4	22,7
Территориальная	9,0	15,3	27,1	17,1	5,5	10,0	14,6	10,2

В процессе сближения Европы и Азии роль России с ее многовековым опытом мирного взаимодействия с азиатскими культурами, глубоко отразившимся в национальной психологии россиян, трудно переоценить, ибо никакой другой европейский этнос не обладает таким опытом. В полной мере это относится к российско-казахстанскому приграничью. Характеризуя мультикультурность приграничья на стыке двух цивилизаций, Л. Гумилёв подчёркивает, что «великая степь» – просторы России всегда были местом диалога великих культур Запада и Востока [Гумилёв, 1993: 27].

Терпимость в отношении других этносов – инстинкт сохранения социального равновесия в полиэтнической среде (русские, казахи, немцы, татары, калмыки, башкиры, украинцы, поляки и др.). Доля испытывающих расположение к каким-либо этническим группам в трех российских областях у молодежи в среднем составляет 74,8%, в казахстанских – 84,4%, а испытывающих неприязнь к каким-либо этническим группам в среднем составляет 23,1% и 19,5% соответственно. Это может говорить о более высоком уровне толерантности связанного с более высоким этническим разнообразием казахстанского приграничья. Практически не обнаружено чувство национального превосходства, наоборот, доминирует признание неповторимости («особости») этносов. С тем, что каждый народ уникален, в России согласны 86,8% студентов, в Казахстане – 84,5%, что коррелирует у респондентов с ценностью идентитета в сравнении с ценностью государства. На главенство ценности личности указали 90,3% российских студентов, казахстанских – 83,5%, ценность государства предпочли 7,4 и 14,3% соответственно. Невысокая доля этатистских ориентаций характеризует опрошенных в целом, но у россиян это проявляется отчетливее.

Геополитическое положение России – двухконтинентальность – обуславливает ее ключевую роль в сближении Европы и Азии, что в свою очередь актуализирует вопрос о ее цивилизационной принадлежности. Местоположение русских на восточных рубежах Европы предопределило влияние неевропейских (азиатских) цивилизаций на национальную психологию. Точно так же, как и влияние неевропейских цивилизаций, к примеру, на испанцев, расположенных на западных рубежах Европы, более 700 лет находившихся

под властью арабов. Насколько велико это влияние, показывают ответы респондентов на вопрос «С кем у России больше общего?»

В этом контексте то, что у России больше общего с Европой, в российских приграничных регионах признают 55,4%, в казахстанских – 45,2%. Мнение, что у России больше общего с Азией, с российской стороны разделяют 22,7%, у казахстанских студентов этот показатель выше – 40,7%. Жители Казахстана больше воспринимают Россию как азиатскую страну, что в значительной мере отражает позицию самих русских: чем больше их доля в составе населения региона, тем выше оценка азиатского влияния. Наибольшая доля русских в СКО, и там же – максимум показателя – 50,3% (при среднем – 40,7%).

В то же время определяющее влияние Европы на Россию признают в среднем 54,5% студентов российского приграничья и 40,3% казахстанского; азиатское влияние на Россию зафиксировано у меньшей части опрошенной молодежи – 9,8 и 27,4%, соответственно. Эти представления и оценки фокусируются в прямом ответе на вопрос о принадлежности России к европейской цивилизации.

Таблица 2

**Принадлежность к европейской цивилизации в оценках студенческой молодежи
российско-казахстанского приграничья**
(в % от числа опрошенных)

Россия – часть европейской цивилизации	Россия				Казахстан			
	АО	ОрО	ОмО	сред.	ЗКО	СКО	ПО	сред.
Да	53,3	50,8	54,7	52,5	50,8	42,3	47,5	46,9
Нет	20,3	24,3	21,5	22,4	17,0	33,4	27,2	25,3
Затруднились ответить	26,4	24,9	23,8	25,1	32,2	24,3	25,3	27,8

Российское приграничье более ощутимо, чем казахстанское, отождествляет Россию с Европой. При этом в казахстанском приграничье подтвердились сомнения русских в принадлежности России к европейской цивилизации, что видно из данных табл. 2. То есть казахи, как, впрочем, жители других азиатских стран, воспринимают нас как европейцев, но мы сами не уверены в этом.

Россия и Казахстан – многонациональные государства, что особенно характерно для приграничных регионов, где межэтнические отношения имеют особое значение. Доля студентов, испытывающих расположение к каким-либо этническим группам с российской стороны границы, составляет 72,7%, с казахстанской – 84,2%. По этому показателю лидируют регионы, отличающиеся наибольшей полиэтничностью – АО и СКО, где теснота контактов способствует устойчивости в эмоциональных отношениях. Доля испытывающих неприязнь к каким-либо этническим группам в российских приграничных регионах составила в среднем 29,7%, в казахстанских регионах разброс цифр оказался шире: ЗКО – 20,8%, СКО – 29,5%, ПО – 11,4% (ср. 20,6%). Однако в обоих случаях казахстанское пограничье оказалось более толерантным, что отражает его более интернациональный характер.

В ходе исследования по обе стороны границы не зафиксировано различий в оценках студенческой молодежью значения границ, почти половина опрошенных отметили возрастание их роли в последние пять лет. При этом в российском приграничье больше ощущают опасность, исходящую от южных границ, в среднем 10,6%, а в казахстанском – 5,1%. Потенциальная угроза непосредственного соседства с другим государством оценивается выше в России, так как она здесь более актуальна, особенно для жителей Оренбургской области, где проходит самая протяжённая часть государственной границы.

Приграничье в контексте процессов интеграции Европы и Азии. Через Казахстан и Россию пролегают основные мультимодальные транспортные коридоры между Азией и Европой. Объём транзитных перевозок контейнеров в направлении Китай – Европа – Китай по сети ОАО РЖД постоянно возрастает. Как это воспринимает студенческая молодежь в приграничье?

Считают, что расширение экономического сотрудничества Европы и Азии выгодно больше России: 14,4% российского студенчества и 11,4% казахстанского. Доля тех, кто больше оценивает выгоду Казахстана, ниже и составляет 7,1 и 8,4%. Что это будет выгодно России и Казахстану в равной мере, считают в среднем в российских регионах – 68,9%, в казахстанских – 69,4%. Большинство респондентов видит равные преимущества для своих стран в создании Большой Евразии.

Экономическая интеграция Европы и Азии, главными бенефициарами которой являются Евросоюз и Китай, способствует повышению их роли на евразийском континенте. Относительно небольшая доля (19,4% российских и 16,1% казахстанских) студентов сочла, что усиление Евросоюза представляет опасность для России. Несмотря на санкции и антиевропейскую риторику в официальных медиа, не очень многие в России отметили эту опасность и ещё меньше в Казахстане. Для Казахстана такую опасность видят в российских регионах в среднем 13,3%, в казахстанских – 14,9%.

В этом смысле более реальной для молодежи представляется опасность не с Запада, а с Востока – из Китая. В отличие от Евросоюза Китай вызывает значительно большее беспокойство студенческой молодежи: в России – 30,7%, в Казахстане – 36,7%. Восток острее чувствует геополитическую ситуацию в Азии. Исторически россияне, проживающие за Уралом, всегда осознавали свою особую миссию в охране границы. Ситуация, когда огромный сосед быстро набирает силу, всегда вызывает определённую тревогу [Симонян, Слуцкий, 2020]. Как более существенную опасность роста могущества Китая для Казахстана почти одинаково воспринимают россияне и казахстанцы (34,3 и 38,9% соответственно), хотя студенты-казахстанцы всё же несколько больше. При этом прослеживается общая закономерность: ощущение опасности возрастает по мере близости границ.

Тем не менее основополагающей ценностью для России и Казахстана является экономическое взаимодействие и с Евросоюзом, и с Китаем. Набирающий силу процесс экономической интеграции Европы и Азии актуализировал определение статусных позиций его основных участников, что нашло отражение в представлениях молодёжи приграничья. Россиян, считающих, что Евросоюз нужен больше России, 31,3%; Россия больше нужна Евросоюзу – 10,9%, в равной мере – 41,2%. Несмотря на перемены в политической конъюнктуре большинство российских студентов справедливо полагает, что Россия и Евросоюз в равной мере нуждаются в сотрудничестве.

Доля студентов-казахстанцев, которые считают, что Евросоюз больше нужен Казахстану, составила 35,9%, а считающих, что Казахстан больше нужен Евросоюзу, – 10,2%; равной мере – 22,8%. Обе стороны считают, что Евросоюз им нужен больше, чем они Евросоюзу, при этом казахстанцы считают свою страну менее привлекательной для Евросоюза, чем Россия, что объясняется не только большей величиной рынка, но и географической близостью.

Что касается Китая, то студентов-россиян, считающих, что Китай нужен больше России, оказалось 34,8%, казахстанцев – 29,8%. Считают, что Россия нужна больше Китаю, 23,4% и 27,4% соответственно.

То, что Китай, по мнению опрошенных, нужен России больше, чем Евросоюзу (34,3 против 31,3%), объясняется тем, что для азиатской части России Китай представляет особый интерес, ибо представляется более важным партнёром. Причём если у россиян это мнение доминирует, то у казахстанцев оно превалирует, но с более высокой долей сомнения: Восток лучше понимает Китай. Считают, что Китай больше нужен Казахстану, в российских областях – 23,9%; в казахстанских – 20,2%. Казахстан нужен Китаю: 31,5% и 22,6% соответственно. В равной мере 27,8%. Несколько больше тех, кто считает, что Казахстан больше нужен Китаю.

Растущая рискогенность современного мира порождает чувство тревоги. Обеспокоенность у молодежи приграничья вызывают как внешние, так и внутренние угрозы, которые острее ощущаются россиянами (58,9 против 39,3%). Внешние угрозы россияне

связывают с протяжённостью границ, казахстанцы – с уязвимостью границ с центрально-азиатскими странами, у порога которых Афганистан.

Россия, занимающая на евразийском континенте центральное, «осевое» положение, является с 1990-х гг. центром постсоветского пространства, которое составляют все входившие в СССР республики, и оказывает огромное влияние на происходящие в них процессы. Это заставляет бывшие союзные республики («страны ближнего зарубежья») внимательно следить за тем, что происходит в России. Это – проявление инстинкта самосохранения. Поэтому неудивительно, что соседи о нас знают больше, чем мы о них. Это подтверждают данные опроса.

Таблица 3

Полнота и своевременность взаимной информации
(в % от числа опрошенных)

Показатели	Россия				Казахстан			
	АО	ОрО	ОмО	сред.	ЗКО	СКО	ПО	сред.
Россияне о Казахстане	16,8	14,5	15,7	15,8	6,7	4,0	7,3	5,9
Казахстанцы о России	44,2	46,8	57,0	49,7	43,5	62,7	40,2	49,1
Источники информации								
Личные впечатления	12,3	14,2	15,5	14,0	9,5	13,7	10,3	11,2
Знакомые, друзья	13,3	13,5	14,4	13,7	11,8	13,5	10,6	11,9
Газеты, журналы	4,6	5,5	5,8	5,4	3,4	2,4	2,0	2,6
Телевидение	17,9	15,8	13,7	15,8	24,0	16,2	20,7	19,7
Кино	9,7	10,7	7,6	9,4	8,3	7,9	8,9	8,2
Интернет	32,4	31,8	32,6	32,3	32,3	33,5	36,2	34,1
Книги	9,8	10,5	10,4	10,2	12,5	13,2	11,3	12,2

Характерно, что если россияне оценивают свою осведомлённость о соседях в 3 раза хуже, чем соседней о России, то у казахстанцев эта разница ещё внушительнее – в 8 раз. При этом респонденты пользуются одними и теми же источниками информации, хотя с отчётливостью выраженными региональными предпочтениями. Информационные потоки захлёстывают современного человека. Основной критерий в этих условиях – доверие к информации, что особенно важно для молодёжи, которая отличается высокой долей скептицизма в потреблении информации.

Для студенческого сообщества характерным является разнообразие источников информации, что служит основой формирования широкого кругозора студентов. При этом Интернет по-прежнему остаётся главным, причём в Казахстане более востребованным, чем в России (34,1 против 32,3%). Личные наблюдения и рассказы очевидцев – второй по значимости источник, где россияне опережают казахстанцев (27,7 против 23,1%), что, возможно, связано с их большей подвижностью. Третий по значимости источник – телевидение, более популярен в Казахстане (19,7 против 15,8%). Показательно, что книга для студентов пока ещё остаётся незаменимым источником знаний, каждый девятый (11,2%) указал её в качестве основного ресурса познания. Это, можно сказать, элитарный слой студенческого сообщества. После достаточно популярных в молодёжной среде кинофильмов расположилась пресса – самый неавторитетный источник, причём в Казахстане почти не используемый (всего 2,6%). Таким образом, официальные средства информации (телевидение и пресса) как в российском приграничье, так и в казахстанском находятся на периферии познавательных интересов выпускников высших учебных заведений, как видно из табл. 3.

Полученная из различных источников информация, наложенная на высокий образовательный потенциал, способствует расширению кругозора и формированию объективного представления молодежи об окружающем мире. Это качество проявилось в оценке происходящих в их странах процессов. Согласных и скорее согласных, что дела в России идут в правильном направлении, среди россиян в среднем 18,8%, среди казахстанцев 32,1%;

скорее несогласных 32,6 и 21,4%; несогласных 39 и 15,1% соответственно. У россиян более критическое отношение к социально-экономическому положению страны.

Ответы на этот вопрос о Казахстане распределились следующим образом: согласных и скорее согласных, что дела в Казахстане идут в правильном направлении, среди казахстанцев 9,3%; среди россиян 7,9%; скорее несогласных 27,9 и 11,1%; несогласных 20,2% и 5,3% соответственно. При этом, если лишь 29,3% казахстанцев затруднились дать оценку происходящему в России, то оценить происходящее в Казахстане не смогли 48,7% россиян. Это ещё раз подтверждает более высокую осведомлённость наших соседей.

Выводы. Используя широкий диапазон источников информации, студенты по обе стороны российско-казахстанской границы демонстрируют самостоятельность в представлениях об окружающем мире и независимость в оценках происходящих событий, объективно воспринимают современное состояние своих государств и их значение в формировании единого евразийского континента, осознавая возрастающую роль приграничных регионов России и Казахстана в этом процессе.

В то же время выявлены существенные региональные различия, которые начинаются уже с идентификации: государственная идентичность доминирует в казахстанском приграничье, что характерно для молодого государства. Большинство опрошенных воспринимают Россию как европейскую страну, причём в казахстанском приграничье чаще казахи, чем русские, проживающие там, что в условиях развития межцивилизационного взаимодействия между Европой и Азией имеет важное значение. В каждом из сравниваемых приграничьи имеются преимущественно индустриальный регион (в России – это Омская, в Казахстане – Павлодарская область) и преимущественно аграрно-сырьевой (в России – это Астраханская область, в Казахстане – Западно-Казахстанская область), что находит отражение в массовом сознании опрошенных.

По сравнению с Евросоюзом географическая близость Китая повышает его статус экономического партнёра как для России, так и в большей степени для Казахстана. Россияне острее чувствуют уязвимость границы между Россией и Казахстаном. Несмотря на то что из трёх российских областей две – Астраханская и Оренбургская – входят в России в число наиболее благополучных по доходам населения, казахстанцы ощущают себя материально более состоятельными, демонстрируют больше оптимизма в оценках будущего. Но самым важным итогом является сравнительно небольшая доля этнической интолерантности по обе стороны границы, что позитивно характеризует пространство соприкосновения двух цивилизаций – приграничье России и Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2010.
- Бийжанова Э.К. Российско-казахстанское приграничье: социологический анализ // Экономические и социальные проблемы: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6. С. 224–231.
- Кочегарова Т.М. Запад и Восток: сравнительный анализ приграничного взаимодействия с соседними государствами // Горизонты экономики. 2015. № 3. С. 33–41.
- Симонян Р.Х., Слуцкий Л.Н. Сравнительный анализ массового сознания студенческой молодежи российско-европейского и российско-китайского приграничья: опыт математического моделирования // Балтийский регион. 2020. № 2. С. 40–53.
- Contessi N. Central Eurasia and New Great Game: Players Moves, Outcomes and Scholarship // Asian Security. 2015. No. 9. P. 27–34.
- Kissinger H. (2010) On China. N.Y.: Penguin.

Статья поступила: 31.08.21. Финальная версия: 10.11.21. Принята к публикации: 30.03.22.

STUDENTS OF THE RUSSIA AND KAZAKHSTAN BORDER REGIONS ON THE PROBLEMS OF GOOD NEIGHBORLINESS IN THE CONDITIONS OF RAPPROCHEMENT BETWEEN EUROPE AND ASIA

SIMONYAN R.H.

MGIMO University, Russia

Renald H. SIMONYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Chef Researcher, Center for European Studies, MGIMO University, Moscow, Russia (sim@isras.ru).

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia within the framework of project No. 1921-01-01 "The Sociocultural Phenomenon of the Border Area in the Post-Soviet Space: Mass Consciousness, Ethnocultural and Confessional Identities, Social Practices".

Abstract. Intercivilizational interaction, the main arena of which today is the Eurasian continent, is one of the fundamental problems of social science. Of particular interest are the border zones where it is directly carried out. The article examines the Russian-Kazakh border area – a space of centuries-old cultural dialogue of various civilizations, which is insufficiently studied today, this primarily relates to the social aspect. The demand for knowledge about the Russian-Kazakh border area is becoming especially relevant due to the growing importance of Asia for Russia. The author considers the border between countries not so much as a state-legal institution with material infrastructure necessary to ensure national security and interaction with neighboring states, but rather the consciousness and activity of people who ensure performance of these functions. The development of interstate relations imposes a special responsibility to fulfill the tasks of the border area on young people, as the most active and promising part of the population. The results of a comparative study of the regional consciousness of graduates of universities of the two countries are presented, similarities and differences of perceptions, perceptions, assessments, orientations and attitudes are revealed, which confirms the close relationship and closeness of the worldview of students in border regions of Russia and Kazakhstan.

Keywords: Russian-Kazakh border area, student youth, socio-cultural diffusion, regional features of mass consciousness.

REFERENCES

- Anderson B. (2016) *Imaginary Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Biizhanova E.K. (2015) Russia-Kazakhstan Border-Zone: Sociological Analysis. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social problems: facts, trends, forecast]. No. 6: 224–231. (In Russ.)
- Brzezinski Zb. (2010) *The Great Chess Board*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
- Contessi N. (2015) Central Eurasia and New Great Game: Players Moves, Outcomes and Scholarship. *Asian Security*. No. 9: 27–34.
- Kissinger H. (2010) *On China*. New York: Penguin.
- Kochegarova T.M. (2015) West and East: Comparative analysis of cross-border interaction with neighboring States. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons of the economy]. No. 3: 33–41. (In Russ.)
- Simonyan R.H., Slutskiy L.N. (2020) Comparative analysis of mass consciousness of students of the Russian-European and Russian-Chinese borderlands: the experience of mathematical modeling. *Baltiyskiy region* [Baltic Region]. No. 2: 40–53. (In Russ.)

Received: 31.08.21. Final version: 10.11.21. Accepted: 30.03.22.

© 2022 г.

В.А. КОРОЧКИНА

ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ИЗРАИЛЯ: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ

КОРОЧКИНА Виктория Анатольевна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (victoria@middleasterner.com).

Аннотация. Израиль столкнулся с проблемами и противоречиями в системе высшего образования задолго до пандемии коронавируса COVID-19, которая их только обострила и усложнила. В период эпидемии в вузах резко возросло число первокурсников, в то время как на рынке труда уже была высока доля «сверхобразованных». Дипломированные выпускники испытывают трудности при поиске работы; происходит отток дипломированных и квалифицированных кадров за рубеж, в основном в США. Отмечается низкое качество обучения, диспропорция численности студентов и профессорско-преподавательского состава, неравный доступ к высшему образованию представителей разных слоев общества и этнических групп. В Израиле анализом ситуации в системе образования занимаются экспертно-аналитические центры, взаимодействующие по этим вопросам с профильными структурами в правительстве, которые ежегодно готовят отчеты о проделанной работе. В статье рассматриваются их оценки, часто с разными акцентами. При этом все они свидетельствуют о том, что в руководстве Израиля осознают необходимость реформ. От качества высшего образования во многом зависит будущее страны, которая находится в сложном регионе и стремится занять достойные позиции в условиях конкуренции на международной арене.

Ключевые слова: высшее образование в Израиле • «нация стартапов» • арабский сектор • ультраортодоксальные студенты • сверхобразованные • утечка мозгов

DOI: 10.31857/S013216250018244-1

Образование играет одну из важнейших ролей в Израиле – государстве, которое позиционирует себя как «сверхдержаву высоких технологий». По числу граждан с дипломами и учеными степенями среди взрослого (от 25 до 64 лет) трудоспособного населения страна занимает третье место в мире, а также относится к лидерам по количеству школьных лет на человека. Тем не менее эксперты утверждают, что половина израильских учащихся получает образование на уровне стран третьего мира. Следовательно, они не будут в состоянии обеспечить соответствующее экономическое развитие. Как отмечает аналитик Д. Бен-Давид, «государство, нуждающееся в первоклассной армии для выживания в самом жесточком регионе на планете», не может этого себе позволить. Помимо этого, в Израиле самый низкий уровень производительности труда среди большинства стран ОЭСР¹. Система высшего образования рассматривается в качестве инструмента для его повышения и обеспечения конкурентоспособности в современной глобальной экономике.

¹ Ben-David D. *The Education System That's Endangering Israel's Future*. URL: <https://www.haaretz.com/opinion/.premium-the-education-system-that-s-endangering-israel-s-future-1.6431884> (accessed 25.12.2021).

Переход студентов на электронное дистанционное обучение усилил расколы в израильском обществе (между разными этническими группами; по достатку и иммиграционному статусу; между проживающими в центре страны и на географической периферии и т.д. [Blass, 2020: 2]) и возложил на государство еще большую нагрузку, связанную с необходимостью обеспечить образовательный процесс в новой обстановке и в непростых социально-экономических условиях. В частности, доступ к дистанционному обучению, т.е. количество компьютеров на членов семьи, наличие тихого места для занятий и т.д., гораздо более ограничен в бедных семьях, а у некоторых таких возможностей вообще нет. Если доля студентов, не имеющих доступа ни к компьютеру, ни к Интернету, составляет 2% среди евреев, не являющихся харедим (ультраортодоксами), то среди израильских арабов таких 23%, среди харедим – 41% [ibid.: 10–11].

В Израиле социальную политику государства, в том числе в сфере образования, отслеживают специалисты частных экспертно-аналитических центров, исследовательских отделов профильных министерств и государственных финансовых учреждений, а также международные экономические организации. Совет по высшему образованию (СВО)² и Комитет по планированию и бюджету (КПБ, принимает решения о распределении финансирования между университетами и колледжами) ежегодно публикуют отчеты о проделанной работе, тенденциях и своих планах. Аналитические материалы по ситуации в сфере образования Научно-информационного центра кнессета используются в процессе принятия решений в парламенте. Рассмотрением проблемных точек занимается исследовательский отдел Центрального банка, который в январе 2020 г. опубликовал доклад, свидетельствующий о проблеме избыточного образования в стране. Наиболее полную информацию по всем аспектам жизни общества предоставляет Центральное бюро статистики Израиля³. В международной сравнительной перспективе достижения и проблемы израильской системы образования в целом отражаются в ежегодных отчетах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, членом которой Израиль стал в 2010 г.)⁴.

В статье рассматриваются наиболее острые проблемы и противоречия, с которыми сталкивается израильская система высшего образования. Автор показывает, как их оценивают эксперты в Израиле и ОЭСР. Предполагается, что острота и значимость этих трудностей наглядно представлены в докладах независимых (от государства) «фабрик мысли», тогда как в отчетах правительственных структур делается акцент на достижениях и масштабных проектах.

Высшее образование в Израиле. Израильская система высшего образования – послесреднего и академического – включает в себя несколько типов учебных заведений: университеты; академические колледжи; технологические и педагогические академические колледжи; филиалы иностранных вузов; академические кампусы для ортодоксальных евреев; учебные курсы на английском языке; специальное образование с получением диплома по специальности.

Вузы с правом присваивать академическую (ученую) степень контролируются СВО⁵. Учебные заведения, которые выдают специальные дипломы, находятся под контролем

² С 2020 г. возглавляется министром по делам высшего образования; его бюджет формирует правительство. СВО определяет политику системы высшего образования. Это единственная организация, уполномоченная аккредитовывать вузы на осуществление образовательной деятельности, присуждение ученых степеней и т.п.

³ Высшее образование в Израиле – некоторые данные за 2020/21 учебный год. URL: https://www.cbs.gov.il/he/mediarelease/DocLib/2021/338/06_21_338b.pdf (дата обращения: 14.12.2021). (Иврит)

⁴ Семь лет в ОЭСР: как выглядит Израиль в сравнении с другими развитыми странами. URL: <https://www.vesty.co.il/articles/0,7340, L-4957480,00.html> (дата обращения: 25.12.2021).

⁵ В Израиле действует принятая на Западе система ученых степеней, в соответствии с которой первая степень присваивается после 3–4 лет обучения в бакалавриате (В.А.), вторая – после 2–3 лет в магистратуре (М.А.) и третья (доктор, Д.) – присуждается по окончании докторантуры и успешной защиты научной работы. Более подробно см.: Система образования в Израиле / Научно-исследовательский Центр Кнессета, 2015. URL: <https://knesset.gov.il/docs/ru/Edu.pdf> (дата обращения: 19.12.2021).

соответствующих министерств в зависимости от того, для какой сферы деятельности они готовят дипломированных специалистов.

Ученая степень, полученная в любом израильском академическом учреждении, признается во всем мире. В то же время ученые степени, которые присваивают филиалы всемирно известных вузов, действующих в стране, приравниваются к полученным за границей, т.е. для их признания в Израиле требуется подтверждение. В государстве работает ряд университетов, один из которых – Университет Райхмана – первый частный университет в Израиле, до августа 2021 г. назывался Междисциплинарный центр в Герцлии (IDC Herzliya).

Социологическое образование в Израиле существует с момента создания государства. Первая кафедра социологии и антропологии появилась в 1930-х гг. в Еврейском университете в Иерусалиме⁶. Сегодня в четырех ведущих вузах страны предлагается четыре магистерские программы. Две – в Еврейском университете в Иерусалиме. Программа «Исследование, управление и разрешение конфликтов» рассчитана на 1 год и стоит 9035 евро, включает в себя теоретические и методологические курсы и семинары, а также занятия, на которых студенты приобретают навыки управления и разрешения конфликтов, слушают лекции ведущих ученых и специалистов в этой области. Программа «Юриспруденция со специализацией в области прав человека и переходного права» длится 1 год и стоит 14455 евро. В Университете Райхмана желающие приобрести опыт в вопросах организационного развития, лидерства и управления могут поступить на двухлетнюю программу «Организационное поведение и развитие» стоимостью 12761 евро за год. Тель-Авивский университет предлагает междисциплинарную программу на 2 года стоимостью 9486 евро в год. Выпускники получают степень магистра в области изучения миграции⁷.

Высокую стоимость высшего образования в Израиле его граждане считают существенным недостатком. В 2017 г. 41% израильтян (на 9% больше, чем годом ранее) признавались, что не смогут оплатить учебу своих детей. При этом 55% из них сказали, что ученая степень является необходимым залогом успешной карьеры⁸.

Бюджетная политика. Согласно отчету (2021) СВО и КПБ⁹, в 2011/2012 уч.г. государство выделило на систему высшего образования 7,3 млрд шекелей, в 2021/2022 уч.г. – 12,5 млрд шекелей. Годовой бюджет исследовательского фонда увеличился с 536 млн до 1297 млн шекелей. Значительно увеличилось количество конкурсов, и, соответственно, вырос общий фонд грантов на научные исследования – со 157 млн долл. США в 2011/2012 уч.г. до 331 млн долл. в 2021/2022 уч.г.

Согласно отчету СВО и КПБ, опубликованному в преддверии 2021/2022 уч. г., в сумму около 0,5 млрд шекелей за год, направленных на помощь студентам, в 2020/2021 учебном году вошли дополнительные 100 млн шекелей в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19. В этот же период на цифровое обучение, разработку технологических инструментов и обучение педагогических команд в сфере технологий было выделено 70 млн шекелей. На запуск квантового проекта предусмотрено 1,2 млрд шекелей в сотрудничестве с Управлением по развитию Вооружений и технологической

⁶ The Department of Sociology and Anthropology. URL: <https://en.sociology.huji.ac.il/book/about-department> (accessed 04.03.22).

⁷ *Master's degrees in Sociology in Israel*. URL: <https://www.mastersportal.com/search/master/sociology/israel> (accessed 04.03.22).

⁸ גבוהה השכלה לילדיהם לממן יוכלו לא מהישראלים 41%. URL: <https://www.calcalist.co.il/local/articles/0,7340,L-3722588,00.html> (accessed 04.03.22).

⁹ Совет по высшему образованию (с 2020 г. возглавляется министром по делам высшего образования; его бюджет формирует правительство) определяет политику системы высшего образования. Это единственная организация с полномочиями аккредитовывать вузы на осуществление образовательной деятельности, присуждение научных степеней и т.п. К тому же Комитет по планированию и бюджету принимает решения о распределении финансирования между университетами и колледжами.

инфраструктуры, Управлением по инновациям, Министерством науки и Министерством финансов Израиля¹⁰.

Рост показателей. По данным СВО и КПБ, в 2020/2021 уч. г. количество студентов высших учебных заведений Израиля резко увеличилось почти на 24 тыс. человек. В 59 израильских вузах обучались 336 330 студентов, в основном по программам бакалавриата. В 2021/2022 уч. г. и того больше – 350 тыс. человек. Основная причина такого роста – массовая безработица в Израиле, вызванная пандемией коронавируса. Многие молодые люди решили воспользоваться ситуацией, чтобы получить образование.

В 2020/2021 уч. г. насчитывалось 38010 студентов инженерных специальностей. Это самая масштабная образовательная программа в Израиле (примерно 18% от общего числа студентов бакалавриата). Кроме того, еще 20060 человек посещали занятия по математике, статистике и информатике в рамках программы бакалавриата. Всего – около 58070 студентов технических специальностей¹¹.

Рейтинг ОЭСР. Издержки Израиля на образование очень высоки по отношению к ВВП, но расходы на одного учащегося – ниже среднего показателя по странам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Согласно рейтингу ОЭСР, Израиль входит в число мировых лидеров по количеству выпускников вузов и обладателей ученых степеней в возрасте от 25 до 64 лет. Особенностью страны является военная служба, которая длится почти три года для мужчин и два года для женщин. В 2017 г. студентами числились 66% израильских подростков в возрасте 15–19 лет, а в среднем по странам ОЭСР этот показатель равнялся 84%. Среди 20–24-летних израильтян доля студентов составляет 21% против 42% в среднем по ОЭСР. Такие показатели частично объясняются тем, что молодые люди откладывают поступление в вуз из-за военной службы, тогда как процент студентов в возрасте 25–29 лет в Израиле выше среднего по ОЭСР, что объясняется окончанием военной службы¹².

Сокращение финансирования и профессорско-преподавательского состава. Междисциплинарные группы Центра исследований социальной политики им. Тауба (Центр Тауба) предоставляют ведущим политикам Израиля и широкой общественности данные о социально-экономическом положении в стране. На сайте Центра выложена серия ежегодных с 1985 г. отчетов¹³. Согласно сведениям, полученным в ходе многолетнего исследования профессора Д. Бен-Давида и вошедшим в «Отчет о состоянии нации за 2013 г.», ситуация в государственном высшем образовании Израиля ухудшалась на протяжении десятилетий. В 2013 г. на факультетах ведущих университетов страны насчитывалось меньше должностей, чем четыре десятилетия назад. С 1973 по 2010 г. население Израиля увеличилось на 133%, число студентов в университетах выросло на 157%, а во всей системе высшего образования – на 428%. Старших преподавателей в исследовательских университетах страны стало больше всего на 9%, а общее их количество в системе высшего образования увеличилось только на 40%.

С 1977 по 2010 г. число студентов на одного преподавателя более чем удвоилось – с 12,6 студентов на профессора до 26,1. Количество соискателей первой степени увеличилось с менее чем одного студента на одного преподавателя до более двух на профессора, а число магистрантов на преподавателя возросло – с двух до восьми.

Университеты, заполняя кадровые пробелы, растущими темпами привлекают преподавателей извне, чтобы дополнить штат. В 1986 г. внештатные преподаватели составляли 13% от всего научно-преподавательского состава; к 2010 г. это соотношение возросло

¹⁰ Collection of Data for Start of Year 2021/2022 / Council for Higher Education. Planning @ Budgeting Committee, 2021. URL: [https://che.org.il/wp-content/uploads/2021/10/תשפ"ע-לעיתונות-שנהל-אקדמית-10-2021-ENG.pdf](https://che.org.il/wp-content/uploads/2021/10/תשפ) (accessed 25.12.21).

¹¹ Там же.

¹² *Education at a Glance 2019. Israel* / OECD. URL: https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/EAG2019_CN_ISR.pdf (accessed 19.12.21).

¹³ *The Singer Series: State of the Nation Report* / Taub Center for Social Policy Studies in Israel, 2019. URL: <http://taubcenter.org.il/snr2019eng/> (accessed 17.12.21).

до 46%. Таким образом, почти половина университетских преподавателей работала вне штата факультетов.

По словам Д. Бен-Давида, это не очень затратное решение проблемы снижения интереса (фондов и благотворителей, как правило, американских с еврейскими корнями) к финансированию исследовательских университетов имело два важных негативных последствия: снижение качества обучения, отъезд за границу¹⁴.

Утечка мозгов. Исследования Центра Тауба показывают данные об «утечке мозгов» из Израиля, в основном в США. Этим вопросом на протяжении многих лет занимается проф. Д. Бен-Давид. По его данным за 2008 г., на каждые 100 оставшихся в стране израильских ученых 29 уехали в Америку, тогда как в 2004 г. их было 25 на 100 человек. Для сравнения, по данным на 2013 г., среди японских и французских ученых соответственно 1,1 и 3,4 на каждую сотню их коллег, оставшихся дома, проживают в США¹⁵.

Наиболее образованные и высококвалифицированные израильтяне все чаще уезжают за границу. По данным портала Open Doors Института международного образования Государственного департамента США на 2019 г., из Израиля в США ученых уехало больше, чем из любой другой страны, в расчете на численность населения. Еще в 2017 г. в Штатах работали 1725 израильских ученых, что на 5,6% больше, чем годом ранее¹⁶.

По данным Д. Бен-Давида, Израиль в основном покидают высокообразованные и квалифицированные граждане, поддерживающие левые политические силы. Таким образом, страна теряет тех, кто составляет основу ее экономического развития и глобальной конкурентоспособности. Это может привести к катастрофическим последствиям, т.к. при сохранении нынешних тенденций через несколько десятилетий большинство населения Израиля составят ультраортодоксальные евреи, которые не обучаются по основной программе – математике, наукам и английскому языку – и не обладают достаточными навыками для конкурирования на рынке труда. Они не могут обеспечить себя без налогов, уплачиваемых образованными левыми из верхнего дециля.

Снижение популярности гуманитарного направления. Организационный комитет по гуманитарным наукам под руководством профессора Хавивы Падиа, члена СВО, в марте 2021 г. представил рекомендации КПБ. Ставилась цель содействовать развитию гуманитарных наук путем повышения престижа и поддержки различных программ, доступа к соответствующим курсам через онлайн-платформы и расширения исследований в рамках междисциплинарного взаимодействия, включая естественные науки, технологии и право. Принято решение развивать «Программу века по содействию гуманитарным наукам в соответствии с многолетним планом на 2016–2022 гг.». КПБ в мае 2021 г. предложил финансируемым им вузам создать кластеры и центры гуманитарных наук. В результате было определено более двадцати кластеров и четыре центра¹⁷.

Стремление к гендерному равенству. В 2021–2022 гг. отмечается «отток из академических кругов мужчин», которые предпочитают трудоустроиться. Сохраняется тенденция женской экспансии: представительницы прекрасного пола составляют 60% студентов; 58% обладателей диплома бакалавра; 64% – магистров; и только среди соискателей

¹⁴ В исследовательском университете, в отличие от университета, научные исследования являются одним из основных направлений работы. К примеру, в израильском Университете Райхмана факультеты и институты называются в честь спонсоров, пожертвовавших значительные средства на многочисленные проекты вуза: Школа управления, дипломатии и стратегии им. Лаудера, Международная школа им. Рафаэля Реканати, школа юриспруденции им. Радзинера и др. [Корочкина, 2021: 211].

¹⁵ Там же.

¹⁶ Dattel L. Israel Is No.1 Exporter of Academic Talent to the U.S., Data Shows. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/.premium-israel-is-no-1-exporter-of-academic-talent-to-the-u-s-data-shows-1.6876930> (accessed 18.12.21).

¹⁷ Collection of Data for Start of Year 2021/2022 / Council for Higher Education. Planning @ Budgeting Committee, 2021. URL: <https://che.org.il/wp-content/uploads/2021/10/נהל-לעיתונות-שנה-אקדמית-2021/10> (accessed 25.12.21).

третьей степени наблюдается гендерное равенство (50,5%). В арабском секторе 72% обладателей ученых степеней – женщины; среди ультраортодоксов их еще больше – 80%.

Все больше женщин получает образование в сфере высоких технологий. В 2010–2021 гг. количество студенток бакалавриата (по информатике, математике и статистике) увеличилось в 2,6 раза (с 2622 до 6784 чел.). Среди желающих получить инженерные специальности – на 40% (с 8581 до 12008 чел.), хотя здесь они по-прежнему в меньшинстве: 30% среди получателей первой степени и 27% – второй.

Иная картина в академических педагогических колледжах, где 83% выпускников составляют женщины; 85% выпускников – по вспомогательным медицинским специальностям; 76% – в сфере гуманитарных наук.

При этом в профессорско-преподавательском составе доля женщин составляет 36%, в основном это старшие преподаватели¹⁸.

С целью большей представленности женщин на руководящих должностях и в администрации высших учебных заведений, финансируемых КГБ, в рамках Программы гендерного равенства был запущен индекс «Экватор». Стартовавшая в 2020–2021 гг. программа помимо прочего предусматривает стипендии для успешных докторантов женского пола в размере 30–40 тыс. долл. в год (в течение двух лет). Размер стипендии определяется в соответствии с семейным положением кандидата¹⁹.

Доступность израильского высшего образования для разных категорий населения. В 2020–2021 гг. почти 58 тыс. студентов (примерно 30% всех обучающихся в бакалавриате) – это выходцы из еврейских поселений на Западном берегу р. Иордан, которые относятся к более низким социально-экономическим кластерам 1–4 (где 1 – самый низкий, а 10 – самый высокий). Таких студентов особенно много в академических колледжах, финансируемых КГБ: 35% от всех слушателей бакалавриата, что соответствует доле этой категории граждан в структуре израильского населения (36%).

В вузах страны обучаются около 58 тыс. студентов из израильского арабского сектора²⁰, что свидетельствует о росте на 122% с начала прошлого десятилетия. Таким образом, арабоязычными являются 17% израильских студентов, тогда как в структуре населения страны этот сектор составляет 21%.

В Израиле действует Программа экономического и социального развития бедуинского населения в Негеве на 2017–2021 гг. Принято решение увеличить количество студентов-бедуинов на 75% от их числа в 2015/2016 уч.г. Если в 2019/2020 уч.г. первокурсниками стали 1270 бедуинов, то в 2021/2022 уч.г. их должно было быть не менее 1500. Всего по стране на бакалавриате обучались 4 тыс. бедуинов.

Благодаря специальной Программе повышения квалификации на 45% увеличилось число израильских эфиопов, обучающихся на бакалавриате, – с 2608 в 2014/2015 уч.г. до 3782 чел. в 2020/2021 уч.г. Процент эфиопских евреев среди всех студентов – 1,5%, что почти соответствует их доле в общей численности населения – 1,7%.

В студенческой среде Израиля все больше харедим (представителей еврейских ультраортодоксальных общин) – около 15350 человек. Их количество выросло примерно на 2 тыс. чел., или на 15%, по сравнению с 2019–2020 гг., и составило 4,6% от всех студентов. Этого недостаточно с учетом того, что доля ультраортодоксального сектора в структуре

¹⁸ Шахар И. Спрос падает, и высшее образование теряет позиции. URL: https://www.calcalist.co.il/local_news/article/Bkudff6iu (дата обращения: 26.12.2021). (Иврит)

¹⁹ Collection of Data for Start of Year 2021/2022 / Council for Higher Education. Planning @ Budgeting Committee, 2021. URL: <https://che.org.il/wp-content/uploads/2021/10/תשפב-נהג-לעיתונות-שנהל-אקדמית-2021/10/> (accessed 25.12.21).

²⁰ Арабский сектор – понятие, используемое для удобства и подразумевающее ряд этнических групп, отличающихся друг от друга в языковом, культурно-религиозном и др. плане. Кроме палестинцев к нему относятся африканцы, армяне, черкесы, боснийцы, которые живут обособленно. В культурном отношении они делятся на городских, сельских жителей и бедуинов, в религиозном – на мусульман, алавитов, друзов и христиан.

населения страны достигла 13%. Проблема заключается в том, что среди них большое количество молодых людей, которые бросают учебу. В 2020–2021 гг. запущена комплексная программа, нацеленная на то, чтобы предотвратить отток ультраортодоксов из вузов.

Не всем студентам из арабского сектора и ультраортодоксальных общин в дальнейшем удастся получить ученую степень. С 1994 по 2014 г. в стране проведено девять реформ сферы образования, каждая из которых была направлена на адаптацию отдельных компонентов образовательной системы к потребностям XXI века. Но значимых подвижек нет, на что указывают низкие результаты тестов PISA (Международная программа по оценке учебных достижений) и PIAAC (Программа международного исследования компетенций взрослого населения), особенно на социально-экономической периферии Израиля, в арабском секторе и в ультраортодоксальных общинах страны.

Рекомендации израильских экспертов сводятся к разработке нового видения израильского образования, необходимости реформы на основе комплексного подхода ко всей системе образования страны. В связи с этим, помимо прочего, предлагается стимулировать выбор в пользу профессии учителя; повысить стандарты приема в педагогические учебные заведения и ужесточить академический контроль за обучением; создать Национальный совет по образованию для обеспечения последовательности в проведении реформ; разработать модель для систематического и постоянного обновления образовательной программы, чтобы она более соответствовала быстрым изменениям в компетенциях и рабочих местах в XXI в. [Eisenberg, Selivansky, 2019].

Интернационализация высшего образования. В Израиле растет количество иностранных студентов, аспирантов и обладателей ученых степеней. СВО и КПБ определили интернационализацию сферы высшего образования в качестве основной цели многолетней программы 2016–2022 гг. Содействие международной деятельности направлено на повышение качества и конкурентоспособности израильской науки, особенно молодых ученых.

В 2019–2020 гг. в стране обучались 11 500 иностранных студентов. В отчете СВО отмечается, что, несмотря на кризис COVID-19, растет число кандидатов на поступление в академические учреждения и на программы стипендий для талантливых иностранных студентов, а также поступающих в Израиле иностранцев для получения ученой степени²¹.

Повышение доступности израильского образования для иностранных абитуриентов связано с тем, что если раньше все предметы преподавались на иврите, то в последние годы появились программы на английском языке. Международные образовательные агентства, в частности Unipage, в качестве преимуществ получения образования в Израиле отмечают помощь в адаптации, развитую научную и преподавательскую среду, наличие медицинских университетов, гранты и стипендии, гибкий образовательный процесс. Есть и недостатки: военная обстановка; стоимость обучения (высшее образование для иностранных студентов обычно на 25% дороже, чем для местных, без знания иврита придется заплатить в два раза больше); отсутствие бесплатного высшего образования; высокие требования для поступления; невозможность совмещать по студенческой визе учебу и официальную работу²².

Падение спроса на получение ученых степеней. Тем временем среди израильтян отмечается падение спроса на получение академических степеней. В 2020 г. зафиксировано снижение количества выпускников университетов и колледжей на 3%, что не вызвано пандемийными ограничениями. В 2020 г. число получателей первой ученой степени сократилось на 1,5% (50 400 чел.) по сравнению с 51 200 чел. в 2019 г. При этом количество докторантов увеличилось на 10% – с 1640 до 1810 чел.²³

²¹ Там же.

²² Universities in Israel. URL: https://www.unipage.net/en/universities_israel (accessed 04.03.22).

²³ Шахар И. Спрос падает, и высшее образование теряет позиции. URL: https://www.calcalist.co.il/local_news/article/Bkudff6iu (дата обращения: 26.12.2021). (Иврит)

Еще один факт, заслуживающий внимания: только 19% магистрантов получили дипломы в рамках своих научно-исследовательских направлений. Эксперты называют это «удешевлением магистратуры», которая во многом стала центром прибыли, а для студентов – способом улучшить резюме и условия будущей профессиональной деятельности. Предполагается, что такая ситуация может быть связана с увеличением количества арабских и ультраортодоксальных студентов, которые меньше стремятся к продолжению обучения, чаще бросают учебу или завершают ее позднее.

Феномен избыточного образования в Израиле. В сравнительной перспективе уровень образования в Израиле, как и во всем мире, за последние десятилетия повысился. При этом в стране распространено такое явление, как «избыточное образование» (перепроизводство специалистов с высшим образованием; когда уровень образования человека превышает квалификацию, необходимую ему для выполнения имеющейся работы; или когда обладатель диплома вынужден устраиваться на работу не по своей специальности и квалификации).

По данным ОЭСР, 32% израильтян обладают избыточным образованием. Это один из самых высоких показателей среди развитых стран²⁴.

Центральное статистическое бюро в 2015–2019 гг. провело исследование, согласно которому около 17,5% израильских занятых с ученой степенью были классифицированы как «сверхобразованные» [Bleikh, 2020]. В январе 2020 г. специалисты исследовательского отдела Банка Израиля определили, что несоответствие между профессией по диплому и реальным местом работы достигает 40%. По их прогнозу явление избыточного образования в последующие годы усугубится как по причине пандемии, так и из-за резкого увеличения числа студентов в 2020–2021 гг.

В октябре 2020 г., когда рекордное число первокурсников приступили к занятиям, в стране насчитывалось более 270 тыс. безработных израильтян с высшим образованием, т.е. почти 40% из 700 тыс. всей массы безработных²⁵.

В Израиле избыточным образованием, как правило, обладают те, кто обучался гуманитарным и социальным наукам, тогда как среди тех, кто изучал право, медицину, математику, статистику и информатику, «сверхобразованные» встречаются реже²⁶.

Отмечаются следующие факторы, влияющие на феномен избыточного образования в Израиле: уровень владения ивритом, смена работы в старшем возрасте, готовность тратить определенное время для поездки на работу, пол, специальность, сектор занятости, район проживания, семейное положение и наличие инвалидности.

Люди со знанием иврита и более высокой ученой степенью имеют больше шансов (на 15%) найти достойную работу, которая соответствует их навыкам, в то время как те, которым приходится преодолевать языковой барьер, в конечном итоге могут устроиться на работу по профессии, не требующей ученой степени, попав в разряд «сверхобразованных»²⁷.

Для сравнения, в России в 2011 г. и 2014 г. около 58% работников имели избыточную квалификацию, в 2016 г. – 54%, в 2018 г. – 52% [Варшавская, 2021: 39]. Таким образом, около половины российских работников считают, что обладают навыками и квалификацией для выполнения более сложной работы по сравнению с текущей. Причем «масштабы избыточной квалификации в России соответствуют показателям постсоциалистических стран (Венгрия, Польша, Словакия, Словения, Хорватия)» [Варшавская, 2021: 44].

²⁴ Education at a Glance 2019. Israel / OECD. URL: https://www.oecd.org/education/education-at-a-glance/EAG2019_CN_ISR.pdf (accessed 19.12.21).

²⁵ Фельдман Н. Избыточное образование: разочаровывающее настоящее и неопределенное будущее обладателей высшего образования в Израиле. URL: <https://www.themarket.com/magazine/premium-MAGAZINE-1.9503566> (дата обращения: 14.12.2021). (Иврит)

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Заключение. Самым серьезным провалом Министерства образования Израиля, независимо от пандемии коронавируса, израильские эксперты называют неподготовленность к работе в кризисной ситуации на протяжении длительного времени. Следовательно, стране необходимо создавать инфраструктуру для функционирования системы образования в дистанционном режиме.

«Революция в цифровом обучении» позволила продолжить академическое образование во время кризиса COVID-19. Кроме того, развиваются исследования в сфере предпринимательства и инновационная активность, а также усиливается взаимодействие между научными кругами и сферой производства.

Рост показателей, как правило, отмечается в тех областях, которые в докладах экспертов за предыдущие годы фигурировали как проблемные и требующие безотлагательного решения. Это свидетельствует о том, что в израильском руководстве в основном есть понимание остроты проблем и нацеленность на их решение в рамках видения стратегического развития еврейского государства. Однако результаты исследований показывают, что ряд проведенных реформ, помимо некоторых достижений, по большей части не решил поставленных задач.

В стране большой процент людей с избыточным образованием, что означает низкую отдачу от частных и государственных инвестиций в возможность граждан получить высшее образование, которое впоследствии не используется на рынке труда оптимальным образом. В качестве возможного решения проблемы эксперты предлагают развивать профессиональное обучение, которое отвечало бы требованиям рынка, хотя их сложно предсказать после пандемии и в условиях автоматизации рабочих процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Варшавская Е.Я. Избыточная квалификация российских работников: масштабы, детерминанты, последствия // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 37–48. [Varshavskaya E.Y. (2021) Overqualification of Russian workers: scale, determinants, consequences. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 37–48. (In Russ.)]
- Корочкина В.А. Экспертное сообщество в Израиле: организация, масштабы и результаты деятельности. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2021. [Korochkina V.A. (2021) *Expert community in Israel: organization, scope and performance*. Moscow: In-t Blizhnego Vostoka. (In Russ.)]
- Bleikh H. (2020) *Overeducation among Academic Degree Holders in Israel; Achievements and Gaps: The Status of the Israeli Education System*. Taub Center for Social Policy Studies in Israel.
- Blass N. (2019) *The Education System: An Overview*. In: A. Weiss (ed.). *State of the Nation Report. Society, Economy and Policy in Israel*. Jerusalem: Taub Center for Social Policy Studies in Israel: 247–285.
- Blass N. (2020) *Opportunities and Risks to the Education System in the Time of the Coronavirus: An Overview*. Jerusalem: Taub Center for Social Policy Studies in Israel.
- 21) אדן זליבנסקי עומר, אלי איזנברג 2019 ה למאה החינוך מערכת התאמת (Айзенберг Э., Селиванский И.О. (2019) Адаптируя систему образования Израиля к вызовам 21 века). [Eisenberg E., Selivansky E.O. (2019) *Adapting Israel's Education System for the Challenges of the 21st Century*]. The Israel Democracy Institute. (In Hebrew)

Статья поступила: 12.01.22. Принята к публикации: 24.03.22.

ON ISRAELI ASSESSMENT OF ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES OF HIGHER EDUCATION SYSTEM

KOROCHKINA V.A.

St. Petersburg State University, Russia

Victoria A. KOROCHKINA, Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (victoria@middleasterner.com).

Abstract. In 2008 a civil, apolitical movement was formed to save the Israeli educational system. After a decade, expert and analytical centers keep signaling serious challenges and contradictions directly related to schisms in the society. Worldwide COVID-19 crisis has only made the situation worse. During the pandemic, the number of first-year students in universities and colleges increased sharply, while the country's job market already had had a high percentage of "over-educated" labor. University and college graduates have problems with a job search; there is a drift from Israel of educated and qualified personnel abroad, mainly to the US. Specialists note the low quality of education, a disproportion in the ratio of the number of students and teaching staff, the problem of unequal access to higher education for students from different social strata and ethnic groups.

In Israel, case analysis in the educational system is carried out by expert and analytical centers which interact on these issues with corresponding governmental authorities issuing their own annual reports. Sometimes they highlight different points in their assessments. But the fact is that a number of essential problems have not yet been resolved. The Israeli leadership understands that higher education needs to be reformed and adapted to the needs of a country located in extremely sensitive region and seeks to be ranked high in a competitive environment in the international arena.

Keywords: higher education in Israel, "startup nation", the Arab sector, Ultra-Orthodox students, "over-educated", "brain drain".

Received: 12.01.22. Accepted: 24.03.22.

© 2022 г.

ЧЖАН ЦЗЕ, ТЯНЬ СЯОЮЙ, ЛО ШУАЙ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ КРУПНЫХ ГОРОДОВ КНР ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ

ЧЖАН Цзе – аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (galya66888@mail.ru); ТЯНЬ Сяоюй – аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (xiaoyutian@yandex.ru); ЛО Шуай – преподаватель, Хэнаньский университет экономики и права, Чжэнчжоу, Китайская Народная Республика (luoyunjie2016@mail.ru).

Аннотация. Исследование направлено на выявление последствий пандемии COVID-19 в городах-мегаполисах КНР. Данные государственной статистики по регионам КНР показывают прямую корреляцию между абсолютным количеством заболевших во время пандемии и уровнем урбанизации, однако при ее сравнении с относительными показателями заболеваемости корреляция пропадает. При помощи корреляционно-регрессионного анализа материалов опроса жителей Шанхая, Пекина и Гуанчжоу (N = 2328) показано, что влияние пандемии на повседневную жизнь горожан Китая существенно сказалось на повышении доступности здравоохранения, но слабее – на снижении благосостояния неформально занятых.

Ключевые слова: урбанизация • пандемия COVID-19 • городское социальное пространство • мегаполис • КНР

DOI: 10.31857/S013216250016853-1

Пандемия в контексте урбанизационных процессов в Китае. Урбанизация выступает важным условием современного экономического развития КНР, где к концу 2020 г. доля городского населения достигла 63,9% (с 2010 г. она выросла более чем на 14 п.п.). Поскольку наиболее активная экономическая деятельность происходит в городах, увеличение их населения позволяет повышать благосостояние нации [Tian, Guo, Liao, 2021].

Однако урбанизация обладает и отрицательными свойствами, проявляющимися в проблемах в области общественной безопасности, здравоохранения, социального равенства [Deng et al., 2015]. Стремительное развитие городов ведет к возникновению «городских болезней», связанных с их негативным влиянием на окружающую среду, с невозможностью на высоком уровне обеспечить для всех горожан доступ к социальным услугам, включая здравоохранение, образование и др. Высокая концентрация людей в современных городах делает их более уязвимыми и для внешних негативных влияний – стихийных бедствий, антропогенных катастроф, пандемий. Современное состояние исследований взаимодействия урбанизации и эпидемиологической обстановки в условиях новой «пандемической» реальности свидетельствует о недостаточной степени изученности данного вопроса.

Пандемия COVID-2019 впервые была зафиксирована в Ухане – крупнейшем городе центрального региона Китая (провинция Хубэй). Среда многомиллионного города с большим скоплением людей, высокая внутринациональная и международная мобильность его населения, обусловленная временем проведения главного праздника в Китае (Праздника Весны – китайского Нового года), способствовали ускоренному распространению коронавируса внутри

страны и за ее пределами. Тем самым пандемия поставила сложный вопрос о соотношении ценностей урбанизации, экономического развития страны и социальной стабильности.

Тривиально указывают, что урбанизация предоставляет больше возможностей контактов многих людей и, следовательно, способствует распространению инфекционных заболеваний во всем мире [Martínez, Short, 2021; Santiago-Alarcon, MacGregor-Fors, 2020]. Соответственно, чрезмерная урбанизация в крупных городских агломерациях Китая, таких как Шанхай, Пекин и др., ведет к ухудшению проблем со здоровьем населения страны [Zhang et al., 2021]. В то же время относительно характера связи высокой плотности населения, вызванной ростом урбанизации, с распространением инфекций есть разные мнения.

COVID-19 значительно и во многих аспектах повлиял на повседневную городскую жизнь [Vatavali, 2020]. Имеющиеся данные свидетельствуют о значительном воздействии пандемии на экономику городов, включая их неформальный сектор [Martínez, Short, 2021]. Наиболее заметно негативное влияние – прежде всего, связанное с сокращением многих традиционных видов занятости. Карантинные меры стали одной из привычных сторон жизни в городах и привели к расширению социального неравенства, связанного с доступом к жилью, здравоохранению, технологиям и труду. В то же время многие исследователи отмечают, что эпидемии оказывают на жизнь в городах не только негативное влияние, но и являются двигателем более стремительного и качественного развития урбанизации. Например, Л. Мартинз и Дж.Р. Шорт указывают, что города после преодоления критических эпизодов их истории приобретают большую способность развиваться [Martínez, Short, 2021].

Формирующиеся в 2020–2021 гг. концепции взаимовлияния пандемии и урбанизации связаны с общей теорией общественного пространства городов. Новые ограничительные правила посещения общественных мест городских пространств способны привести к нововведениям в проектировании с акцентом на безопасность и здоровье их жителей, создавая новый вид постпандемического города [Martínez, Short, 2021].

Цели и методы исследования. Авторы статьи попытаются на статистических и социологических материалах о крупных городах современного Китая уточнить, как урбанизация и пандемия влияют друг на друга. Для этого будут проверены следующие гипотезы.

Гипотеза 1: Количество случаев заболевания вирусом COVID-19 имеет корреляцию с уровнем урбанизации населения.

Одни исследователи считают, что плотность населения прямо влияет на интенсивность распространения коронавирусной инфекции в городе [Sharifi, Khavarian-Garmsir, 2020]; другие полагают, что данное влияние носит обратный характер, поскольку в крупных городах лучше организованы меры контроля и медицинского обеспечения [Fang, Wabha, 2020]. Возможно, справедливы оба подхода – одновременно действуют противоположные тенденции, а результирующий эффект зависит от конкретных обстоятельств. Авторы данной статьи попытаются далее выяснить, какая связь наблюдается между количеством случаев заражения коронавирусной инфекцией в городах и уровнем их урбанизации.

Гипотеза 2: Пандемия привела к повышению доступности социальных услуг сферы здравоохранения для жителей городов.

Согласно исследованию Л. Мартинз и Дж.Р. Шорта, формирование облика нового постпандемического города сводится к трансформации инфраструктуры социальных услуг с акцентом на безопасности и здоровье их жителей [Martínez, Short, 2021]. Следовательно, в условиях развития новой коронавирусной инфекции в городах пандемический фактор оказывает прямое влияние на доступность социальных услуг сферы здравоохранения: рост интенсивности распространения коронавируса, выражаемый в количестве случаев заражения, ведет к быстрому повышению доступности медицинских услуг в городах. Поэтому опрос жителей городов о значимости влияния пандемии гипотетически должен обнаружить, что чем сильнее было ее распространение, тем более доступными становятся услуги здравоохранения.

Гипотеза 3: Пандемия оказала влияние на благосостояние неформально занятых в городах Китая.

Исходя из идей Л. Мартинз и Дж.Р. Шорта о значительном воздействии пандемии на экономику городов, особенно на неформальный сектор [Martínez, Short, 2021], авторы полагают, что она действительно оказала негативное влияние на благосостояние неформально занятых в городах КНР: неформально занятые в первую очередь подвержены увольнению в условиях кризисных экономических ситуаций на предприятиях.

Методологический аппарат исследования базируется на концепциях урбанизации и влияния пандемии на жизнь жителей городов. Под урбанизацией авторы понимают процесс перемещения населения сельских территорий в города. Уровень урбанизации – это доля населения, зарегистрированного в городе, к общему населению, проживающему на территории городской агломерации, включающей сельскохозяйственные территории, расположенные на ее административной территории¹. Влияние пандемии – переменная, которая характеризуется восприятием респондентами значимости вызванных пандемией изменений; она оценивается с помощью субъективной оценки наличия или отсутствия перемен в жизни горожан до и после пандемии.

Для проверки первой гипотезы использован корреляционный анализ связи между показателями уровня урбанизации и количеством случаев заболеваний коронавирусом. Для проверки других гипотез авторами проводился социологический опрос в трех крупных городах КНР – Пекине, Шанхае и Гуанчжоу. Их выбор обусловлен тем, что они являются «типичными образцами» передовых моделей развития урбанизации в городах Китая, находясь «в авангарде городских изменений» [Gaubatz, 1999: 1503]. Изучение факторов, влияющих на урбанизацию в этих городах, позволяет получить результаты, которые могут быть репрезентативны и в отношении других китайских городов. В основу исследования положен методический подход, использованный в работе Ф. Ватавали, на основе которого изучались изменения образа жизни горожан в Греции [Vatavali et al., 2020]. Для каждого из 3-х городов Китая было собрано по 776 анкет², всего – 2328 анкет³. Опрос проводился в период марта–мая 2021 г. в онлайн-форме с помощью платформы WeChat⁴.

Основные результаты. В результате сопоставления статистических данных об уровне урбанизации и количестве случаев распространения COVID-2019 (по состоянию на

¹ В современном Китае город представляет собой административную единицу, в которую входит не только собственно «городская» территория (с точки зрения экономической географии), но и довольно много сельскохозяйственных районов. Когда ближайшие к городу сельскохозяйственные районы исчезают и все население начинает формировать благосостояние несельскохозяйственными способами, достигается 100%-ный уровень урбанизации (пример, город Шэньчжэнь). Данный показатель рассчитывается Национальным бюро статистики КНР (см. официальный сайт НБС КНР <https://data.stats.gov.cn/>). В статье далее использованы официальные статистические данные по уровню урбанизации.

² Использована случайная выборка, в которой основным фильтром служил географический признак – проживание в одном из трех городов, а также время проживания в городе. Отбирались респонденты, которые проживали в городах до начала пандемии. Также был установлен дополнительный фильтр – уникальность адреса IP, чтобы исключить повторное участие респондентов в опросе, а также участие членов их семей.

³ В опросе приняло участие 46,7% женщин и 53,3% мужчин, молодые люди в возрасте 20–35 лет составили значительную часть выборки (71,7%).

⁴ WeChat – одна из самых популярных социальных сетей и мессенджеров в Китае, имеющая 12,5 млрд пользователей. Опрос был создан на сайте wjx.cn, непосредственная рассылка и заполнение анкет осуществлялось в WeChat. Сайт wjx.cn – профессиональный сайт для создания онлайн-опросов, обладающий набором инструментов для конструирования анкет. После создания анкеты (<https://www.wjx.cn/xz/117163225.aspx>) был получен QR-код, сканирование которого в WeChat позволило респондентам приступить к участию в опросе. Анкета распространялась через знакомых, проживающих в Шанхае, Пекине и Гуанчжоу.

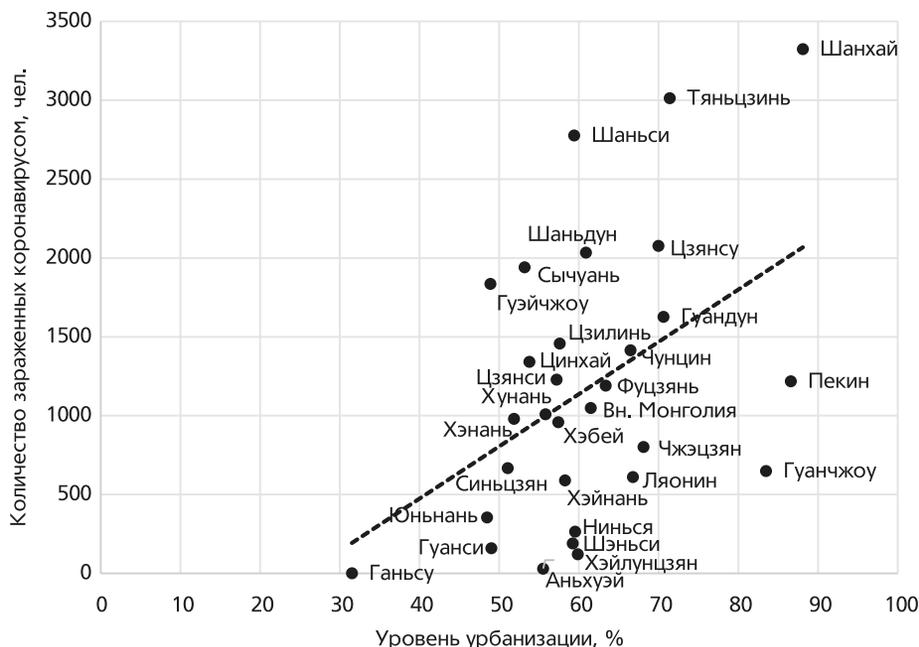

Рис. Корреляция между уровнем урбанизации и количеством случаев заражения в регионах КНР (линией показан тренд корреляции), кроме провинции Хайнань

Источник: данные Национального бюро государственной статистики Китая и China Business Industry Research Institute Big Database.

9 января 2022 г.) в административных регионах Китая⁵ выявлено, что между этими переменными существует умеренная связь (коэффициент корреляции Пирсона – 0,45)⁶. Это можно интерпретировать так, что с увеличением уровня урбанизации количество случаев заражения возрастает, так что менее урбанизированные городские пространства безопаснее с точки зрения распространения вирусной инфекции (рис.).

В то же время если для оценки связи распространения вируса COVID-19 с уровнем урбанизации населения административно-территориальных единиц Китая использовать относительные показатели (выразить распространение вируса в регионе числом случаев заражения коронавирусом – человек на 1 млн человек населения), то обнаруживается, что между этим показателем и уровнем урбанизации связь отсутствует (коэффициент корреляции Пирсона – 0,01)⁷. Практически во всех регионах КНР наблюдалась

⁵ Административная структура КНР – 22 провинции, 5 автономных районов и 4 города центрального подчинения.

⁶ Критерий Фишера $F_{эмп} = 6,90$ ($F_{крит} = 4,17$; $F_{эмп} > F_{крит}$); следовательно, на уровне значимости 0,05 уравнение линейной регрессии зависимости количества зараженных коронавирусом от уровня урбанизации признается статистически значимым; t-критерий Стьюдента = 16,37 ($t_{крит} = 2,02$; $t > t_{крит}$); на уровне значимости 0,05 признается статистическая значимость параметров регрессии и показателя тесноты связи. Из регрессионной модели исключены как выброс данные по провинции Хубэй (центр – г. Ухань), в которой количество случаев (68320 чел.) в десятки раз превосходит максимум по остальным провинциям.

⁷ Критерий Фишера $F_{эмп} = 7,2$ ($F_{крит} = 4,17$; $F_{эмп} > F_{крит}$); следовательно, на уровне значимости 0,05 уравнение линейной регрессии зависимости количества зараженных коронавирусом от уровня урбанизации признается статистически значимым; t-критерий Стьюдента = 2,56 ($t_{крит} = 2,02$; $t > t_{крит}$); на уровне значимости 0,05 признается статистическая значимость параметров регрессии и показателя тесноты связи.

Результаты значимости и значений коэффициентов корреляции между вопросами анкеты и влиянием пандемии на повседневную жизнь

Переменная	Значимость р	Корреляция по Пирсону	Тау-б Кендона или Ро Спирмана
Доступность социальных услуг сферы здравоохранения	0,452	0,283	0,236
Формальный / неформальный статус сотрудника	0,876	0,126	0,206

заболеваемость ниже 0,0001 на миллион жителей, лишь «курортная» провинция Хайнань демонстрирует выброс (около 0,0007). Это можно интерпретировать так, что урбанизация региона ведет к росту численности его населения, а с ростом численности растет число жертв пандемии, в то время как плотность населения сама по себе не значима.

В результате расчета корреляции ответов жителей трех городов-мегаполисов на анкету социологического опроса выявлено (табл.), что влияние пандемии на повседневную жизнь горожан проявилось в повышении доступности здравоохранения (корреляция по Пирсону 0,28)⁸ и, заметно слабее, в снижении благосостояния неформально занятых (корреляция по Пирсону 0,13)⁹. Это показывает, что мегаполисы КНР в целом успешно выдерживают «экзамен» на способность противостоять пандемии.

Выводы. Из проверяемых гипотез в определенной степени подтвердились все три. Данные по административным регионам КНР продемонстрировали определенную связь между распространением пандемии COVID-2019 и характеристиками урбанизации. Особенно сильное влияние пандемии на жизнь городских жителей, по данным социологического опроса в трех крупных городах, выявлено по доступности услуг здравоохранения. Если первый результат ожидаем, то второй более оригинален, свидетельствуя о прямой связи между распространением пандемии и повышением уровня доступности медицины.

Следует сделать вывод, что пандемия поставила перед правительством и обществом КНР ряд вопросов, решение которых будет способствовать улучшению качества урбанизационных процессов в стране. В основе городской политики должны лежать гуманно ориентированные принципы урбанизации, направляя ее на повышение эпидемиологической безопасности. Для последующего развития урбанизации важно с позиций социологии труда пересмотреть существующую политику трудоустройства в городах, особенно в отношении мигрирующих из сел в города и часто находящих работу в неформальном секторе. Пандемия еще раз напомнила, что урбанизация должна развиваться по пути «для человека», а не «для экономики».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Deng X., Huang J., Rozelle S., Zhang J., Li Z. (2015) Impact of urbanization on cultivated land changes in China. *Land Use Policy*. No. 45: 1–7.
- Fang W., Wabha S. (2020) *Urban density is not an enemy in the coronavirus fight: Evidence from China*. World Bank. URL: https://blogs.worldbank.org/sustainablecities/urban-density-not-enemy-coronavirus-fight-evidence-china?CID=WBW_AL_BlogNotification_EN_EXT?cid=SHR_BlogSiteShare_EN_EXT (accessed 24.08.2021).

⁸ Рассчитывалась корреляция между ответами респондентов на вопросы «Оказала ли пандемия влияние на вашу жизнь?» и «Пандемия привела к повышению доступности социальных услуг сферы здравоохранения?». Все ответы давались в двоичной шкале «Да/Нет».

⁹ Рассчитывалась корреляция между ответами респондентов на вопросы «Оказала ли пандемия влияние на вашу жизнь?» и «Оказала ли пандемия влияние на снижение вашего благосостояния?» в подвыборке респондентов, являющихся работниками с неформальной занятостью ($N = 1285$, т.е. 55,2% участников опроса).

- Gaubatz P. (1999) China's Urban Transformation: Patterns and Processes of Morphological Change in Beijing, Shanghai and Guangzhou. *Urban Studies*. Vol. 36. No. 9: 1495–1521.
- Martinez L., Short J.R. (2021) The Pandemic City: Urban Issues in the Time of COVID-19. *Sustainability*. No. 13. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/6/3295>. (accessed 24.08.2021).
- Santiago-Alarcon D., MacGregor-Fors I. (2020) Cities and pandemics: Urban areas are ground zero for the transmission of emerging human infectious diseases. *Journal of Urban Ecology*. Vol. 6(1): 1–3.
- Sharifi A., Khavarian-Garmsir A.R. (2020) The COVID-19 pandemic: Impacts on cities and major lessons for urban planning, design, and management. *Science of The Total Environment*. Vol. 749. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0048969720359209>. (accessed 24.08.2021).
- Tian Y., Guo J., Liao W. (2021) Decomposition of driving factors and phased changes in the process of urbanization in my country: re-examination based on the LMDI model. *Ecological Economy*. Vol. 37. No. 7: 73–77.
- Vatavali F., Gareiou Z., Kehagia F., Zervas E. (2020) Impact of COVID-19 on Urban Everyday Life in Greece. Perceptions, Experiences and Practices of the Active Population. *Sustainability*. Vol. 12. No. 22 (URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/22/9410>. (accessed 24.08.2021)).
- Zhang Y., Wei Y., Zhang J. (2021) Overpopulation and urban sustainable development – population carrying capacity in Shanghai based on probability-satisfaction evaluation method. *Environment, Development and Sustainability*. Vol. 3. No. 23: 3318–3337.

Статья поступила: 15.09.21. Финальная версия: 21.02.22. Принята к публикации: 22.02.22.

TRANSFORMATION OF PRC MAJOR CITIES UNDER COVID-19 IMPACT

ZHANG JIE*, TIAN XIAOYU*, LO SHUAI**

* *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

** *Henan University of Economics and Law, China*

Jie ZHANG, PhD student, Lomonosov State University, Moscow, Russia (galya66888@mail.ru); Xiaoyu TIAN, PhD student, Lomonosov State University, Moscow, Russia (xiaoyutian@yandex.ru); Shuai LO, lecturer, Henan University of Economics and Law, Zhengzhou, People's Republic of China (luoyunjie2016@mail.ru).

Abstract. The study is aimed at identifying features of the COVID-2019 pandemic impact on urbanization in China. The objects of the study were the cities of Shanghai, Beijing and Guangzhou. The choice is determined by their representativeness and the possibility to apply the results of the study to other large urban agglomerations in China. The methodology is based on an integrated methodological approach that combines elements of descriptive statistical and sociological research. To assess relationship between the spread of the pandemic in the metropolitan areas of Shanghai, Beijing and Guangzhou, correlation and regression analysis was used. The study of the impact of the pandemic on the quality of life of the urban population was carried out through a survey using a structured questionnaire. The data obtained were processed and analyzed using the SPSS26.0 software, which made it possible to identify the degree of connection between urbanization and aspects of the urban people life, including their employment, well-being, access to health services, and the transformation of life values. It was found that there is a strong link between the level of urbanization and the pandemic, therefore, with the development of urbanization, the number of cases of infection (if other conditions remain unchanged) increases, and vice versa. As a result of a survey of urban residents and an assessment of the frequencies and correlations of responses, it was revealed that the impact of the pandemic on the daily life of urban people was most pronounced on the level of well-being among informally employed people, increasing the availability of health care, and only then on the values of citizens. These results should be taken into account for improving the quality of urbanization.

Keywords: urbanization, COVID-2019, urban space, metropolis, China.

Received: 15.09.21. Final version: 21.02.22. Accepted: 22.02.22.

© 2022 г.

Е.А. ПОПОВ

АКТИВНАЯ СТАРОСТЬ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКИХ ДОМАХ ПРЕСТАРЕЛЫХ

ПОПОВ Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия (popov.eug@yandex.ru).

Аннотация. Проблема социальной адаптации и переоценки ценностей женщин в домах престарелых связана с их внутренними психоэмоциональными переживаниями этого процесса, а также сопряжена с социальными аспектами индивидуальной и коллективной жизнедеятельности. В статье акцент сделан на выявлении форм активной старости женщин, постоянно проживающих в российских домах престарелых, чья доля по сравнению с мужчинами преобладает в таких учреждениях. Последнее обстоятельство влияет на формирование социального климата в домах престарелых и ценностные установки людей. Выводы сделаны по результатам эмпирического исследования, в котором приняли участие 42 человека из двух регионов России – Республики Алтай и Алтайского края. В статье рассмотрена концепция дома престарелых. Анализируется восприятие этого института пожилыми женщинами, которые сравнивают его с родным домом, одаривая его соответствующими эпитетами: «теплый дом», «мой дом», «уютный дом» и другие. Выявлены ценности, помогающие жительницам домов престарелых сохранять позитивный настрой и оптимистичный взгляд на будущее: общение друг с другом и социальная активность. Последняя как фактор социализации и смены экзистенциальной рефлексии (осознание конечности жизни) на социальную (жизненные перспективы, основанные на взаимодействии человека и общества) рассматривается в статье как ключевой элемент концепта активной старости.

Ключевые слова: активная старость • дом престарелых • перспективы жизни • женщины в домах престарелых • переоценка ценностей престарелых женщин

DOI: 10.31857/S013216250015999-1

Постановка задачи и теоретическая рамка исследования. Старение – процесс, который характеризуется в первую очередь медицинскими, биологическими и психологическими изменениями личности. В то же время рост числа престарелых граждан влияет на структуру общества и определяет вектор государственной социальной политики всех уровней, в которой сегодня востребован концепт активной старости. Эта категория понимается как «сохранение здоровья и физической активности на максимально долгое время» [Корнышева, 2011: 416], а также как состояние включенности в социальную жизнь и выполнение пожилыми людьми соответствующих социальных функций [Келасьев, Первова, 2010; Рогозин, 2012; Шмерлина, 2014; Andrews, 2009]. Активная старость в статье понимается как сохранение пожилым человеком «прежнего деятельного отношения к жизни, что может проявляться в его включенности в различные социальные среды, а следовательно, в наполненности жизни различными видами активности, социальными контактами и т.д.» [Корнышева, 2011: 413].

Цель статьи – показать, как активная жизненная позиция пожилых женщин, проживающих в домах престарелых, помогает им преодолевать не только личностные, но и социальные проблемы, прежде всего связанные с адаптацией к новым условиям и ценностям.

Выделяются две «критические» линии в процессе такого переосмысления. Во-первых, учитываются обстоятельства, часто раскрывающие внутренний потенциал индивида, направляющие скрытую энергию в русло социального взаимодействия. Во-вторых, жизненный опыт часто формирует т.н. «иронию старости», которая способствует переосмыслению ценностных стереотипов и, как следствие, приводит к жизнеутверждающим оценкам новых условий бытия [Новиков, 2016]. Эти положения легли в основу задачи исследования: как женщины, проживающие в домах престарелых, переоценивают свой жизненный путь, и как социальные факторы коррелируют с их активной старостью.

Методы исследования. В 2019–2020 гг. в Алтайском крае и Республике Алтай (всего 13 в крае и 4 в республике) проводилось исследование «Взгляд пожилых женщин в будущее: ценности, нормы и солидарность поколений» в государственных домах престарелых. Проведены полуструктурированные интервью с 31 женщиной из трех краевых домов престарелых и 11 женщинами из двух республиканских в возрасте от 66 до 74 лет. Средний возраст опрошенных – 68 лет. Отметим, что вероятность снижения активности жительниц домов престарелых в возрастной категории ближе к 80 годам и более, на наш взгляд, очевидна.

Транскрипты интервью кодировались, строились кодировочные таблицы (выделено 16 кодов). В гайд интервью были включены следующие блоки: 1) отношение к концепции дома престарелых и заботе о стариках; 2) представления о роли пожилого человека в социальной жизни; 3) оценка активной старости как способа адаптации к новым условиям бытия и взгляд в будущее. Отметим: акцент был сделан на выявлении особенностей активной старости женщин именно в условиях дома престарелых. Анализировалась совокупность ценностных установок индивидов под воздействием того или иного опыта: болезни, материальные проблемы, социальная изоляция и т.д. Эти переживания в свою очередь очерчивают ориентиры и поведенческие стратегии, в том числе активное стремление не только изменить свою жизнь к лучшему, но и принять участие в значимых социальных событиях и общественных делах. Последнему обстоятельству уделялось особое внимание в ходе работы, им же определялась логика исследования.

Концепция дома престарелых и ценность «родного дома». Общественное мнение в отношении института домов престарелых неоднозначно. В России, пожалуй, преобладает негативное восприятие их во многом из-за стереотипов «дожития» и покинутости, отчужденности, разрыва поколений. Дом престарелых в сознании людей противопоставлен «родному дому» как символу тепла, семьи, добра и уюта [Oswald, Wahl, 2013].

Интерес представляет отношение самих жителей домов престарелых к названному институту и в целом к ситуации, в которой они оказались. Большая часть респондентов (39 чел.) дала положительную оценку своему дому престарелых. Вместе с тем информанты высказывали критические отзывы обо всей системе этого рода социальной помощи в стране. 40 жительниц высказались против названной институции; основной причиной назывался разрыв с родными и близкими: «дом престарелых – это по отношению к нам издевательство, мои родственники не могут часто здесь быть» (71 г.); «здесь я не чувствую себя как дома, мы, конечно, стараемся понять, что жизнь изменилась серьезно, но дом престарелых – это уж чересчур» (70 л.).

Неудивительно, что в системе ценностей жительниц домов престарелых образ «родного дома» занимает первое место (39 чел.), ему уступает даже фактор здоровья (37 чел.). Данное обстоятельство может свидетельствовать в пользу самой концепции дома престарелых, если он будет в какой-то мере отвечать представлениям людей о «родном доме». Его главными характеристиками, по мнению респондентов, являются уют, чувство покоя, защищенность, собственность, визиты гостей, комфорт, возможность жить по своему усмотрению и т.д. На вопрос о том, какие из указанных признаков соответствуют дому престарелых, участники исследования в числе значимых назвали посещения родных

и близких (21 чел.) и возможность жить по своему усмотрению (15 чел.). Вероятно, это указывает на возрастающую в зрелом возрасте потребность в общении и социальных коммуникациях: *«здесь все равно ощущается наша оторванность от внешнего мира, хотя вокруг нас и постоянно есть люди, это не меняет ситуацию»* (68 л.); *«иногда здесь чувствую себя еще более древней старухой, по моим ощущениям, дома я бы ждала гостей или внучку, сама ходила в гости»* (71 г.). Отметим, что среди жительниц домов престарелых были те, кто связывал ощущение жизни в «родном доме» с возможностью сохранения привычек и свободы в быту: *«дома я могла смотреть телевизор допоздна, но здесь за этим следят, чтоб никому не мешать»* (68 л.).

Итак, жители домов престарелых не могут признать успешной концепцию данного института, но согласны с тем, что здесь можно создать теплую атмосферу уюта и тем самым улучшить повседневную жизнь постояльцев. Ценностным ориентиром в этом случае выступает обобщенный образ «родного дома», важной характеристикой которого выступают коммуникации (например, общение с гостями).

«Сопrotивляясь судьбе»: пожилой человек и социальная реальность. При подготовке к исследованию предполагалось, что одиночество будет основным фактором изменения взглядов в будущее для жительниц домов престарелых. Однако большинство респондентов не относятся к этому состоянию критически: *«мне не так уж плохо одной, я привыкла»* (69 л.); *«мне одиночество не мешает, тем более что здесь и не поскукаешь»* (70 л.).

Однако некоторые переживают его очень тяжело: *«я каждый день знаю, что я здесь одна, мне тяжело, но что я могу с этим сделать»* (69 л.); *«мои подружки здесь как-то устроились и чувствуют себя неплохо, а я не могу – мне кажется, что я одна на всем белом свете»* (66 л.).

В то же время респонденты находят повседневную жизнь в домах престарелых вполне приемлемой и считают, что это «утешает их старость» (12 чел.), «о них здесь проявляют заботу и уход» (7 чел.), «не нужно решать сложные бытовые проблемы» (6 чел.) и т.д. Многие интересуются событиями в стране и мире и обсуждают их в своем кругу; большую часть информации они получают из телевизионных программ. Именно «новости» в обобщенном смысле рассматриваются респондентами как связь с внешним миром: *«а что еще нам остается – смотрим новости и обсуждаем друг с другом»* (69 л.); *«новости хоть как-то связывают нас с другими людьми»* (68 л.). Отметим, что приобшились к чтению книг именно в доме престарелых 13 респондентов, а раньше, по их признанию, они совсем не читали. Это указывает на то, что они не утрачивают интерес к жизни, продолжают общаться и развивать свои познавательные навыки.

Важной ценностью любого человека является здоровье, особенно значимое для престарелых. Участники исследования (10 чел. имели инвалидность разных групп) открыто отзывались о своем состоянии до и после поступления в дом престарелых. В целом респонденты оценивали свое здоровье как среднее (24 чел.), плохим его посчитали 9 опрошенных. Примечательно, что не все респонденты готовы признавать ведущую роль здоровья при выработке взгляда на будущее. Ответы на вопрос о том, что дает им силы и оптимизм в сегодняшней ситуации, позволили выстроить следующие ценностные приоритеты по убывающей: общение, забота, состояние здоровья, чувство покоя, семья, возможность поработать на земле, новые впечатления и т.д.

В кругу жительниц домов престарелых ценность общения – своего рода компенсаторный фактор, минимизирующий последствия одиночества, покинутости, отчужденности. Состояние здоровья, по-видимому, оценивается как маркер неизбежности, люди примирились с тем, что в дальнейшем оно будет только ухудшаться. В целом же болезни и недомогания не способны серьезно изменить желание наполненной жизни. Подобную тенденцию восприятия пожилыми людьми своего здоровья, когда оно становится «антиценностным» стереотипом, мешающим надеяться на лучшее и наслаждаться жизнью, отмечают и зарубежные авторы [Social Policy First Hand, 2018].

На хорошее самочувствие и позитивный взгляд в будущее оказывает воздействие бывшая профессия / род занятий респондентов. В основном среди респондентов преобладали представительницы рабочих профессий (отделочник, столяр, швея, почтальон и др.). У части информантов активная трудовая деятельность была связана с такими специальностями, как учитель, радиоинженер, журналист, агроном и т.д. Большинство участников исследования (25 чел.) отметили, что бывшая профессия в условиях дома престарелых особо им не помогает и их настоящий взгляд на жизнь не меняет. Для других респондентов этот фактор оказался значимым, поскольку профессия дала им качества, которые помогают справляться с возникающими сложностями в пожилом возрасте. Речь идет о терпении, ответственности, любознательности, желании помочь, усидчивости и др.: «я, когда работала на почте, вынуждена была терпеть разных раздраженных клиентов, но я умела с ними работать, и думаю, что терпение, желание понять человека необходимо мне и здесь» (69 л.); «мне хочется всегда понять ситуацию, разобраться в деталях, ведь я работала педагогом в школе» (70 л.). Таким образом, для жительниц домов престарелых их прошлый жизненный опыт позволяет им «вживаться» в новую социальную реальность, формировать позитивный взгляд на действительность и является важным механизмом ее принятия/непринятия.

Активная старость женщин и новые возможности. Почти все участники исследования (40 чел.) заявили, что стараются не замыкаться в себе и по мере сил и возможностей принимают активное участие в жизни дома престарелых. В этом им видится польза для себя и для общества. Некоторые респонденты долго не могли принять ситуацию, в которой оказались, но постепенно осознали необходимость переоценки своей жизни.

Один из главных вопросов, который был задан жительницам домов престарелых, связан с пониманием смысла активной старости. И вновь одним из «трендов» стало общение. По мнению многих, оно позволяет узнавать о новых событиях, поддерживать хорошее настроение и не унывать, сопереживать своим новым товарищам: «здесь трудно совсем быть одному, мы все время разговариваем, это помогает жить» (72 г.); «когда не поговоришь целый день, чувствуешь себя не так, как будто про тебя забыли, поэтому нам нужно интересоваться друг другом» (74 г.); «я всегда оптимист, даже оказавшись здесь, я решила для себя, что не буду унывать, мне нравится поговорить с интересными людьми» (67 л.).

Помимо общения активная старость проявляется в том, что жительницы домов престарелых принимают активное участие в общественной жизни своего учреждения. Около 90% женщин вовлечены в разные мероприятия (исключение составляет доля инвалидов с тяжелыми сопутствующими заболеваниями). Все респонденты признают, что такая форма взаимодействия им необходима, чтобы чувствовать себя хорошо и не переживать тяжелые утраты, включая расставание с близкими и смену места жительства. Позитивную оценку информанты дали праздникам по поводу памятных дат, дней рождения, встречам с приглашенными специалистами (например, из библиотеки, музея), а также программам литературных и музыкальных кафе и т.д. Зачастую инициатива проведения тех или иных мероприятий исходит от самих жителей домов престарелых (были созданы шахматный клуб в одном учреждении и литературный клуб в другом). В беседе о том, как связывают свое участие в общественных проектах с перспективами будущего, респонденты в большинстве случаев отмечали важность данной составляющей в их жизни: «если мы просто будем сидеть без дела, то нам будет плохо, мы тогда совсем разболеемся» (69 л.); «если нам здесь интересно, когда мы участвуем в разных мероприятиях, то это ведь хорошо для всех» (69 л.). Активность как взаимодействие людей для достижения какой-либо значимой цели или разных целей при помощи конкретных действий/участия в жизни коллектива связана в том числе с позитивными оценками будущего, которое открывается для людей прежде всего как перспектива жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Келасьев В.Н., Первова И.Л. Социальная компетентность и технологии ее формирования в современной России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 12. 2010. № 3. С. 356–365.
- Корнышева А.Е. Активная жизненная позиция пожилых людей: детерминанты формирования // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 12. 2011. Вып. 4. С. 413–419.
- Новиков К. Нарратив и ирония старости // Старикам тут место: социальное осмысление старения / Отв. ред. Д.М. Рогозин, А.А. Ипатов. М.: ИС РАН, 2016. С. 224–236.
- Рогозин Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
- Шмерлина И.А. Возрастные конструкты и стиль жизни в старшем возрасте // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2(120). С. 190–198.
- Andrews G., Milligan C., Phillips D., Skinner M. Geographical gerontology: mapping a disciplinary intersection // Geography Compass. 2009. Vol. 3. P. 1641–1659.
- Oswald F., Wahl H.-W. Creating and sustaining homelike places in own home environments // Rowles G.D., Bernard M. Environmental Gerontology. New York: Springer, 2013. P. 53–77.
- Social Policy First Hand. An International Introduction to Participatory Social Welfare. In: Beresford P. (ed.). Bristol: Policy Press, 2018.

Статья поступила: 22.07.21. Подписана к публикации: 05.04.22.

ACTIVE OLD AGE OF WOMEN IN RUSSIAN NURSING HOMES

POPOV E.A.

Altai State University, Russia

Evgeniy A. POPOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of General Sociology, Altai State University, Barnaul, Russia (popov.eug@yandex.ru).

Abstract. The problem of social adaptation and reassessment by women of the social adaptation problems and re-evaluation of the values of women in nursing homes needs scientific research. This problem is not only existential in nature, associated with feelings of finiteness for being and life. It is also connected to the social aspects of human individual and collective life activity. In this article, the emphasis is made on identifying various forms of women's active old age permanently residing in Russian nursing homes. According to statistics, women are predominant residents of these institutions in the Russian reality. This affects the formation of the social climate in nursing homes, but also impacts the values of people. The "female face" of nursing homes in Russia, however, does not at all indicate a poor social climate in such institutions and passive pessimistic moods. The main conclusions are made basing on the results of an empirical study, which involved a total of 42 people from two regions of Russia – the Altai Republic and the Altai Territory. The article considers the concept of a nursing home. At the same time, the perception of a nursing home by elderly women is analyzed, who constantly compare it with their native homes. The article shows that over time, residents of such homes begin to see their native home in the nursing home itself, endow it with certain qualities for this ("warm house", "my house", "cozy house" and others). The article also reveals values helping residents of nursing homes to maintain a positive attitude and look into the future. Main values of this kind include women's communication with each other and social activity. It is activity as a factor of socialization and the change of existential reflection (awareness of the finiteness for life) to the social (certain life prospects based on the interaction of a person and society) that is considered in the article as a key element of the active old age concept.

REFERENCES

- Andrews G., Milligan C., Phillips D., Skinner M. (2009) Geographical gerontology: mapping a disciplinary intersection. *Geography Compass*. No. 3: 1641–1659.
- Kelas'ev V.N., Pervova I.L. (2010) Social competence and technologies of its formation in modern Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Seriya 12* [Bulletin of the Saint Petersburg University. Episode 12]. No. 3: 356–365. (In Russ.)
- Kornysheva A.E. (2011) Active life position of older people: determinants of formation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser.12* [Bulletin of the St. Petersburg University. Ser. 12]. No. 4: 413–419. (In Russ.)
- Novikov K. (2016) Narrative and irony of old age. In: *Old people belong here: social understanding of aging*. Rogozin D.M., Ipatova A.A. (eds) Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Oswald F., Wahl H.-W. (2013) Creating and sustaining homelike places in own home environments. In: Rowles G.D., Bernard M. (eds) *Environmental Gerontology*. New York: Springer.
- Rogozin D.M. (2012) Liberalization of ageing, or labor, knowledge and health in older age. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. No. 4: 62–93. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2014) Age constructs and lifestyle in older age. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: economic and social changes]. No. 2(120): 190–198. (In Russ.)
- Szebehely M., Meagher G. (2018) Nordic eldercare—weak universalism becoming weaker? *Journal of European Social Policy*. No. 28(3): 294–308. (In Germ.)

Received: 22.07.21. Accepted: 05.04.22.

Е.А. СЕМИОНОВА, А.С. ТИЩЕНКО, Г.С. ТОКАРЕВА

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ: ГОТОВНОСТЬ К ВЫЗОВАМ

СЕМИОНОВА Елена Александровна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник (semionova-ea@ranepa.ru); ТИЩЕНКО Алексей Сергеевич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник (tishchenko-as@ranepa.ru); ТОКАРЕВА Галина Световна – научный сотрудник (tokareva-gs@ranepa.ru). Все – Центр экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия.

Аннотация. Наиболее значимые факторы устойчивости общего образования – профессионализм педагогического коллектива и его готовность к новым вызовам. Пандемия COVID-19 потребовала экстренных изменений в сфере образования, в том числе перевода образовательного процесса в дистанционный режим, что, несмотря на государственные меры, сопровождалось серьезными трудностями. Ситуация осложнялась не только недостаточной обеспеченностью образовательных организаций и домохозяйств техническими средствами, но и тем, что значительная часть педагогических работников не имела практики дистанционного преподавания. В статье сопоставляются данные проведенного накануне пандемии мониторинга готовности учителей осуществлять педагогическую деятельность в условиях вынужденных ограничений, вызванных пандемией, с данными 2021 г.

Ключевые слова: мониторинг • общее образование • профессиональная деятельность учителей • дистанционное обучение • пандемия COVID-19

DOI: 10.31857/S013216250017203-6

Центр экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС проводит ежегодный мониторинг общего образования, в рамках которого осуществляется социологический опрос (рук. Д.М. Логинов) родителей школьников, учителей и руководителей общеобразовательных организаций в регионах, дифференцированных по социально-экономическому положению, анализируются открытые статистические данные о состоянии и развитии системы общего образования. Методология разработана в 2013 г. и апробирована в ходе девяти волн мониторинга общего образования [Авраамова и др., 2019]. В мониторинге 2019 г. приняли участие 2220 родителей учащихся и 2247 учителей школ Псковской, Самарской и Ярославской областей; 2020 г. (проведен накануне объявления ВОЗ пандемии) – 2236 родителей и 2126 учителей школ Новгородской, Нижегородской и Тульской областей; 2021 г. – 2132 родителя и 2056 учителей школ регионов, участвовавших в исследовании 2019 г.¹

Обучение с использованием дистанционных образовательных технологий до пандемии не получило широкого распространения в России. По состоянию на начало 2019/20 уч.г. в таком формате обучалось от 4 до 6% учащихся и в 12 регионах России – более 10% учащихся. Как правило, речь шла о домашнем обучении детей по состоянию здоровья или школьников с особыми образовательными потребностями, а также об образовательном процессе для отдельных классов или школ в периоды карантина по тем или иным заболеваниям [Семионова, Токарева, 2020].

Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

¹ Отбор регионов проводился с учетом данных Рейтинга социально-экономического положения регионов. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200602/630170513.html> (дата обращения: 10.02.2022).

Ситуация на начало 2020/21 уч.г. существенно изменилась: доля обучающихся с применением дистанционных технологий возросла и составила от 14 до 19%, в 23 субъектах РФ в таком формате училось более 10% школьников, в том числе в 7 регионах – более половины (Москва, Ненецкий автономный округ, Тюменская, Ленинградская, Калининградская, Мурманская области, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). В столице дистанционно обучались 97,3% учащихся в рамках среднего общего образования и более 99% – начального и основного общего². Вместе с тем доля школьников в городских поселениях, охваченных дистанционными образовательными технологиями, превышает процент учащихся сельских школ в 2,7 раза на уровнях начального общего и основного общего образования и в 2,9 раза – в рамках среднего общего образования.

По данным 2019 г., учителя оптимистично оценивают возможности информационных технологий: 95,6% использовали сеть Интернет при подготовке к урокам, работали с электронными журналами и дневниками, 85,5% применяли цифровые и электронные устройства в ходе уроков, 68,8% использовали интернет-порталы для подготовки и проведения занятий, а также для организации самостоятельной работы учащихся. Учителя считают, что экспансия информационных технологий в образовательном процессе (31,1%), как и предоставление школьникам возможности выбора предметов для углубленного изучения (55,6%), обновление учебных программ (42,7%) и методик преподавания (31,7%), положительно скажутся на успеваемости учащихся. Большинство учителей предположили, что применение информационных технологий способствует повышению качества образования. Вместе с тем лишь половина опрошенных педагогов (51,6%) уверена, что дистанционные формы проведения уроков отвечают задаче повышения качества образования.

По данным мониторинга 2019 г., дистанционные формы проведения уроков применял каждый пятый учитель (19,3%). Из опроса 2021 г.³ следует, что накануне пандемии опыт преподавания в дистанционном режиме был примерно у трети учителей – регулярно использовали дистанционные образовательные технологии 14,9% педагогов, а 17,7% учителей применяли их периодически. Вместе с тем для двух третей из них (67,3%) введение дистанционного режима стало новой формой организации образовательного процесса, с которой ранее они не сталкивались. Больше опыта работы с учащимися в дистанционном режиме было у учителей из региональных столиц (37%) и из малых и средних городов (33,4%) по сравнению с педагогами сельских школ (26,3%). Чаще прибегали к такой практике учителя основной и старшей школы (37,0%), хотя такой опыт имелся и у учителей 1–4-х классов (25,6%). В разрезе возрастных групп меньше опыта работы с применением данных технологий имелось у педагогов в возрасте до 30 лет (71,1% не использовали такую практику).

В начале пандемии 43,7% учителей, по мнению самих педагогов, были готовы к организации образовательного процесса в дистанционном режиме без потерь для качества образования. Наибольшее беспокойство данная ситуация вызвала у сельских учителей – 33,8% из них отметили готовность, 58,2% высказали неуверенность, а 7,9% были убеждены, что учителя совершенно не готовы к работе в новых условиях. Молодые учителя в возрасте до 30 лет в большей степени были уверены в своей подготовке (53,2%) и 12,4% из них сообщили, что столкнулись с существенными сложностями в работе в дистанционном режиме. Вместе с тем, как следует из опроса, они реже привлекались к преподаванию в дистанционном режиме по сравнению с коллегами более старшего возраста.

² Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2020/21 учебного года // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: edu.gov.ru (дата обращения: 10.02.2022).

³ Вопрос о преподавании с применением дистанционных образовательных технологий до пандемии включен в социологический опрос 2021 г. для выявления мнения учителей о том, как они сами оценили готовность к работе в дистанционном режиме с высоты полученного ими опыта в условиях вынужденных ограничений.

Насколько сложной для учителей оказалась работа в дистанционном режиме? В целом, только для 15,7% педагогов переход к преподаванию в новых условиях не был проблематичным, 54,1% испытали небольшие сложности, 30,2% учителей столкнулись с существенными трудностями. Наибольшее число среди последних составляют представители сельских школ (43,2%), а также учителя в возрасте 50 лет и старше (более 38%) и педагоги начальной школы (33,8%).

По мнению учителей, за 2021 г. готовность школ к организации эффективного образовательного процесса в дистанционном режиме повысилась. Только 13,7% педагогов не отметили положительных изменений, большинство из них сельские учителя (24,5%). О существенном улучшении ситуации чаще сообщали педагоги школ региональных столиц (31,8%), а также учителя в возрасте до 30 лет (36,6%) и от 30 до 40 лет (34%). Консолидированным оказалось мнение преподавателей о том, что готовность школ к работе в дистанционном режиме улучшилась, но лишь в некоторой степени (около 60%).

Несмотря на эту в целом оптимистичную оценку, большинство учителей говорили об ухудшении качества образования школьников. Существенное снижение отметила треть педагогов (34,2%), и наибольшее число – сельские учителя (40,9%), а также опытные преподаватели в возрасте от 60 лет (40,7%). О незначительном снижении сообщили около половины учителей (51,1%), а об отсутствии изменений – 14,6% педагогов.

При том, что динамика качества образования школьников, по мнению учителей, демонстрирует неутешительный тренд, школа готова обеспечить подготовку учащихся к успешной сдаче ЕГЭ с высокими результатами без дополнительной подготовки (30,2% педагогов). 31,3% учителей отметили, что это могут обеспечить только лучшие образовательные учреждения, а 38,5% педагогов высказали мнение, что даже ведущие школы не готовы решить эту задачу, и наибольшая доля в их числе – учителя в возрасте 60 лет и старше (46,7%).

В 2020 г. лишь 7,7% опрошенных учителей полагали, что одной из причин усложнения работы в школе является необходимость постоянного использования информационных технологий. По итогам исследования 2021 г., их доля возросла в несколько раз и составила 43%, наибольшие трудности испытали учителя старшего возраста (52,2%). Также учителя отметили, что в условиях дистанционного обучения увеличилось время на подготовку к урокам (65,7%) и проверку работ учащихся (74,4%). При этом сокращение методического сопровождения более остро воспринято педагогами в возрасте до 30 лет.

Учителя выделили основные проблемы реализации дистанционного обучения по степени их значимости. Более половины отметили рост объема работы и увеличение трудового времени (56,2%); сбои в работе Интернета, онлайн-платформ и другие технические проблемы (55,3%); увеличение времени подготовки к урокам и проверки домашнего задания (50,6%). Далее по степени важности, и это отметили около трети учителей, последовали сложности с организацией контроля над усвоением материала и дисциплиной учащихся во время урока (37,4%), отсутствие у учащихся технических средств и доступа к Интернету (34,2%) и, как следствие, снижение успеваемости (29,8%).

Значительно меньшая доля учителей обозначила проблемы, связанные с коммуникацией школы и семьи в вопросах образовательного процесса в дистанционном режиме. Так, недовольство родителей увеличением нагрузки на детей и избыточным объемом домашнего задания как проблему обозначили 11% учителей, непонимание со стороны семей по организации учебы в дистанционном режиме – 10,1%, жалобы родителей на утомляемость детей и ухудшение их здоровья – 7,1%, жалобы родителей на снижение качества знаний и ухудшение успеваемости детей – 5,1%.

Негативные оценки («скорее не удовлетворены» и «абсолютно не удовлетворены») давались родителями реже, чем положительные. Вместе с тем неудовлетворенность у трети семей вызвали техническая работа образовательных платформ, на которых проходило обучение (35,3%), и качество цифрового контента (34,1%). Также беспокойство родителей связано с готовностью к организации дистанционного обучения школы (20,8%) и учителей (18%), качеством преподавания (21,3%), организацией внеклассных

мероприятий и воспитательной работы (28,3%). В числе наиболее серьезных проблем более 40% родителей назвали увеличение домашней работы и заданий для самостоятельного изучения, повышение нагрузки на ребенка; снижение контроля учителя над усвоением материала и дисциплиной во время дистанционного урока; утомляемость ребенка, снижение внимания в ходе занятий в дистанционном режиме; низкое качество и сбои интернет-соединения, перебои в работе онлайн-платформ. Отсутствие необходимых технических средств дистанционного обучения отметили 9,1% родителей, отсутствие возможности подключения к сети Интернет – 3,7%. Также 22,0% родителей высказали мнение о невозможности подготовки ребенка к сдаче экзаменов на высокие баллы без дополнительных занятий. При этом о необходимости услуг репетиторов сообщили 6,4% семей. Отсутствие особых проблем в период обучения ребенка в дистанционном режиме отметили 23,4% родителей.

Исследование показало, что до пандемии опыт преподавания предметов в дистанционном режиме имелся лишь у пятой части учителей. В условиях перевода учащихся на дистанционное обучение отсутствие подобной практики сделало необходимым в сжатые сроки организовать методическое сопровождение педагогов, обеспечить равный доступ учащихся к информационным ресурсам. В условиях пандемии безусловным приоритетом оставалась как защита здоровья всех участников образовательных отношений, так и обеспечение непрерывности образовательного процесса.

Среди родителей обозначилась тенденция, направленная на критику дистанционного режима, и желание вернуться к традиционному формату обучения в стенах школы. Вынужденные работать в удаленном режиме, многие из них оказались включенными в образовательный процесс своих детей, им пришлось больше помогать детям в учебе. Негативное отношение части родителей к дистанционному режиму может быть вызвано беспокойством за возможное недополучение необходимого объема знаний, ухудшение состояния здоровья ребенка, отсутствие или недостаток технических средств обучения, периодический сбой в их работе, психологическую усталость, обусловленную вынужденной включенностью семей во все детали образовательного процесса. Также немаловажную роль сыграла ситуация неопределенности, которая имела место в таких важных для семей и педагогических работников вопросах, как проведение диагностических мероприятий, окончание учебного года, формат промежуточной и государственной итоговой аттестации, качество подготовки учащихся выпускных классов к поступлению в колледжи и вузы и даже готовность к построению будущей карьеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аврамова Е.М., Клячко Т.Л., Логинов Д.М., Семионова Е.А., Токарева Г.С. Мониторинг общего образования: социологические аспекты. М.: ДЕЛО, 2019.
- Семионова Е.А., Токарева Г.С. Готовность российских школ, учителей и учащихся к дистанционному обучению // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. Т. 108. № 6. С. 20–22.

Статья поступила: 25.10.21. Принята к публикации: 22.03.22.

DISTANCE LEARNING FOR SCHOOLCHILDREN: READINESS FOR CHALLENGES

SEMIONOVA E.A.*, TISHCHENKO A.S.*, TOKAREVA G.S.*

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Elena A. SEMIONOVA, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher (semionova-ea@ranepa.ru); Alexey S. TISHCHENKO, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher (tishchenko-as@ranepa.ru); Galina S. TOKAREVA, Researcher (tokareva-gs@ranepa.ru). All – The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

Abstract. Stability of the school education system depends on many factors, and one of the most significant is professionalism of the teaching staff, willingness of the teaching staff to respond to new challenges and effectively carry out professional activities in difficult conditions. The coronavirus pandemic has led to the need to make significant changes in the functioning of the education system as soon as possible, including transfer of the educational process to a remote mode. Despite timely measures taken at the federal and regional levels to ensure continuity of the educational process and preserve a unified educational space, while maintaining the health of all participants in educational relations remained an absolute priority, the school education system faced serious difficulties. The situation was complicated not only by the presence of certain problems in the provision of educational organizations and households with the necessary technical means, but also by the fact that a significant part of the teaching staff did not have practice of teaching remotely and by the beginning of the pandemic were not ready to organize educational process using distance learning technologies. The article presents results of a sociological survey on the readiness of teachers to carry out professional pedagogical activities in the conditions of restrictions caused by the pandemic, based on a comparison of the monitoring data on the eve of the pandemic with the data of 2021.

Keywords: monitoring, sociological research, school education, professional activities of teachers, distance learning, pandemic.

REFERENCES

- Avraamova Ye.M. et al. (2019) *Monitoring of School Education: Sociological Aspects*. Moscow: DELO. (In Russ.)
- Semionova E.A., Tokareva G.S. (2020) Readiness of Russian Schools, Teachers and Students for Distance Learning. *Monitoring ekonomicheskoy situacii v Rossii: tendencii i vyzovy socialno-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring of Russia's Economic Outlook: Trends and Challenges of Socio-economic Development]. Vol. 108. No. 6: 20–22. (In Russ.)

Received: 25.10.21. Accepted: 22.03.22.

ФАЙЗУЛЛИНУ ФАНИЛЮ САИТОВИЧУ – 80 лет

20 мая 2022 года отмечает 80-летний юбилей доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Республики Башкортостан Фаниль Саитович Файзуллин, социолог, автор свыше 500 научных работ, в том числе 45 монографий.

Жизненный и профессиональный путь Фаниля Саитовича ярок и насыщен. Родился 20 мая 1942 г. в дер. Ново-Карашиды Уфимского района БАССР. Трудовую деятельность начинал аппаратчиком химического производства на Уфимском заводе «Синтезспирт» (1960–1963). Окончив филологический факультет Башкирского госуниверситета (1966), работал завучем и учителем Турбаслинской средней школы (1966–1967), преподавателем эстетики и обществоведения ГПТУ-1 (1967–1969). В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию «Городской образ жизни как объект регулирования», в 1983 г. – докторскую «Теоретико-методологические проблемы исследования социального развития и функционирования социалистического города».

С 1969 г. работал в Уфимском авиационном институте (ныне Уфимский государственный авиационный технический университет), где прошел путь от младшего научного сотрудника социологической лаборатории до декана факультета общественных наук (1988–2001).

Особенность изысканий Ф.С. Файзуллина – органическое сочетание теоретического изучения предмета с эмпирической проверкой в социологических исследованиях в городах республики, Урала и Поволжья. Панельный характер исследований, изучение социально-экономических проблем села в этих регионах дали возможность раскрыть динамику и особенности социальной структуры и образа жизни городского населения. Результаты многолетних исследований процессов урбанизации стали основой обобщения и поиска закономерностей развития, особенностей, послужили разработке принципов управления, что отражено в монографиях: «Социологические проблемы города» (1981), «Советский город: проблемы социального развития» (1990), «Урбанизация общества: закономерности развития и проблемы управления» (1992), «Социология города» (1997).

Особую роль в исследовании Ф.С. Файзуллина занимает тема социального и экономического развития регионов, национальных республик, определение основных путей совершенствования политических отношений, разработка моделей местного управления и самоуправления. Этому была посвящена исследовательская программа «Социальное развитие республики Башкортостан: социологические, политические и правовые проблемы» (1994–1997). По существу, системный анализ всех сторон социальной жизни республики был осуществлен впервые, результаты чего воплощены в коллективных монографиях «Социальное развитие республики Башкортостан» (2001) и «Проблемы социально-экономического развития регионов» (2001), «Проблемы социального реформирования в Башкортостане» (1999), «Социальные последствия реформ в Башкортостане» (2000).

Не меньший вклад Ф.С. Файзуллин внес в исследования социальных проблем развития наций и межнациональных отношений. Министерство высшего образования РФ привлекало его к разработке и реализации Государственной научно-технической программы РФ «Народы России: возрождение и развитие» (1991–1996). Оригинальность исследований дала возможность наметить основные контуры национальной политики и управления межэтническими отношениями: «Интернациональное и национальное в советском образе жизни» (1985), «Российская Федерация: нации и межнациональные отношения» (1993), «Этническое сознание и этническое самосознание», «Этнополитические движения как социальный феномен» (2000), «Социальная справедливость как принцип регулирования межнациональных отношений» (2002), «Этничность и этническая идентичность» (2009), «Евразийство и национальная идея» (2005).

Многие идеи его научной школы продолжают его ученики. Им подготовлено более 100 докторов и кандидатов наук.

Желаем Фанилю Саитовичу крепкого здоровья и неисчерпаемой энергии. Пусть творческий и профессиональный путь будет продолжен не менее яркими и интересными исследованиями, которые смогут повлиять на развитие социологической науки и жизни общества в целом.

Друзья, коллеги, ученики

ЭФЕНДИЕВУ АЗЕРУ ГАМИДОВИЧУ – 75 лет

16 мая отмечает 75-летний юбилей известный российский социолог, доктор философских наук, ординарный профессор НИУ ВШЭ Эфендиев Азер Гамидович (Гамид оглы – по паспорту).

Всю свою трудовую жизнь, а это без малого уже полвека, Азер Гамидович посвятил социологической науке и социологическому образованию как инициатор и идейный вдохновитель теоретических и эмпирических исследований, автор учебников по социологии и лектор, организатор и руководитель вузовских образовательных программ.

При всем многообразии и разносторонности научной деятельности А.Г. Эфендиева ее стержнем являются единство социологической теории и эмпирии, утверждения этого принципа как безусловно исходного для социологии как науки, как профессии и призвания. В течение всей своей

профессиональной деятельности Азер Гамидович стремился последовательно претворять этот принцип. Им проведено за годы своей профессиональной деятельности около 50 массовых исследований, среди них: исследование российского образования в условиях перехода к рынку, серия исследований образа жизни и моральных устоев жителей российских сел, в том числе панельное исследование (группы) сел Белгородской области в 1999 и 2013 гг., исследование социальной организации трудовой деятельности в современной России, трудового поведения современной работающей молодежи и т.д. Анализ результатов проведенных исследований способствовал обогащению и углублению теоретических подходов к изучению и пониманию в том числе моделей институциональных изменений в современном российском обществе, динамики мотивационной основы трудового поведения, противоречий процесса взаимодействия трудовых ценностей и реальных норм трудового поведения работника, роли коллективных трудовых практик в этом процессе и т.д.

Результаты эмпирических исследований и их теоретическое осмысление во многом послужили основой многочисленных публикаций в ведущих социологических журналах, выступлений на различных международных площадках.

Принцип единства теории и эмпирии нашел свою последовательную реализацию и в преподавательской деятельности, и это проявляется в содержании читаемых им общесоциологического курса и курса по методологии количественных исследований, в котором центральное место отведено теоретическим основам эмпирического исследования. Особо следует отметить вклад А.Г. Эфендиева в становление социологического образования, формирование социологической культуры и воображения молодых исследователей. Изданные им курсы лекций по социологии, и прежде всего «Общая социология», были настольной книгой не только студентов, но и аспирантов и преподавателей.

Свой 75-летний юбилей Азер Гамидович встречает полным сил, творческих планов и открытым всему новому. Эта открытость проявилась и в том, что он одним из первых начал изучать социальные аспекты цифровизации, взаимодействие и противоречия этого процесса и социальной организации труда в современном российском обществе, основные тенденции социального развития в современную эпоху, подчеркивая многовариантность поступательного движения в XXI в. Им была инициирована и разработана принципиально новая для социологического образования магистерская программа (специализация) по цифровой социологической аналитике, в основе которой использование больших данных, персональных цифровых следов, визуализации и т.п. в социолого-аналитической деятельности.

Мы желаем Азеру Гамидовичу долгих лет жизни, реализации всех его научных замыслов и благополучия.

Коллеги, друзья, ученики

© 2022 г.

VI ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

С 21 октября по 27 декабря 2021 г. в Москве и в ряде других городов проходил VI Всероссийский социологический конгресс (ВСК-VI) «Социология и общество: традиции и новации в социальном развитии регионов», который должен был состояться в Тюмени в 2020 г., но в связи с эпидемиологической обстановкой был перенесён на 2021 г., но в итоге прошёл в онлайн-формате. Организаторами и соорганизаторами конгресса выступили Российское общество социологов (РОС), Федеральный научно-исследовательский социологический центр (ФНИСЦ) РАН, Тюменский индустриальный университет (ТИУ), Тюменский государственный университет (ТюмГУ), правительство Тюменской области, Тюменская областная Дума, администрация города Тюмени. Международными партнёрами конгресса стали Международная социологическая ассоциация (ISA), Европейская социологическая ассоциация (ESA), Национальные социологические ассоциации.

ФНИСЦ РАН как крупнейший социологический научный центр России оказал огромную помощь и поддержку, обеспечил эффективную онлайн-платформу проведения научных мероприятий конгресса. Состоялось 61 заседание сессий, секций и круглых столов, заслушано более 800 докладов учёных из 88 городов России, Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Польши, Чехии, Украины и др. Были представлены все региональные отделения и исследовательские комитеты РОС, а также Сообщество профессиональных социологов (СПС), Санкт-Петербургская ассоциация социологов (СПбАС), около 100 научно-исследовательских центров, таких как: НИУ ВШЭ, РАНХиГС, ФУ при Правительстве РФ, РГГУ, СПбГУ, УрФУ, КФУ, БашГУ, ЮФУ, ИСН ИргУ и др.

Процесс подготовки программы Конгресса продемонстрировал консолидирующую, демократичную и заинтересованную работу профессионального социологического сообщества России. К обсуждению были представлены результаты многоаспектных исследований о состоянии российского общества во всех его социальных проявлениях и регистрируемых проблемах за последние пять лет. Содержательный анализ заявок показал, что доклады были подготовлены в рамках государственного задания (бюджетного финансирования), при поддержке различных научных фондов, а также, что особенно важно, основывались на итогах исследований, носящих инициативный безвозмездный характер, в числе которых исследование «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне».

Контент-анализ названий докладов, включённых в Программу конгресса, позволил выделить опорные слова, которые отражают основные направления современных социологических исследований. Так, наиболее актуальной тематикой проводимых исследований являются молодёжь и студенчество (20% докладов), специфика регионального развития (15%), образование и культура (по 12,5%), теория, методология (9,3%), цифровизация (7,63%), здоровье и медицина (7,5%).

Актуальность центральной проблемы ВСК-VI обусловлена современными российскими реалиями, которые характеризуются универсальным сосуществованием двух механизмов, без которых невозможна самоорганизация простых и сложных систем: традиций, ответственных за функционирование, и новаций, обеспечивающих развитие, – между которыми в современной России усиливаются противоречия, обусловленные противоречиями между носителями (субъектами), социальными группами – сторонниками соблюдения традиций, и инноваторами, приветствующими необходимость внедрения новаторских подходов.

ВСК-VI сосредоточил внимание на социологическом содержании глобальных вызовов для России и её регионов – таких процессов и проблем глобализации, состояние которых создаёт угрозы для стабильности, безопасности и одновременно служит стимулом их развития.

На пленарном заседании были представлены аналитические доклады, посвящённые роли и месту социологических исследований в оценке трансформации российского общества в историческом контексте (акад. РАН **М.К. Горшков**, ИС ФНИСЦ РАН, Москва), фиксирующие особенности региональной социологии (проф. **Г.Е. Зборовский**, УрФУ, Екатеринбург), характеризующие новые направления отечественной науки, связанные с особенностями социально-экономического развития и возникновением новых сфер и областей для детального изучения социологическими методами (чл.-корр. РАН **Ж.Т. Тощенко**, ИС ФНИСЦ РАН, РГГУ, Москва; проф. **Г.Г. Силласте**, ФУ при Правительстве РФ, Москва; **В.Н. Гурба**, ЮФУ, Ростов-на-Дону).

Направления развития теоретического и методологического потенциала социологии как отрасли науки обсуждались в рамках работы сессии «Эпистемологические вопросы социологического знания» (руководители: **Е.Н. Данилова**, НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН, Москва; проф. **Г.А. Ключарев**, ИС ФНИСЦ РАН, Москва), на которой были рассмотрены философские концепты стратегий социологических исследований в различных сферах общественной жизни России, а также теоретико-методологический инструментарий и деятельностно-субъективный и внесубъективный подходы к исследованию социальной реальности, констатировался пространственный поворот в современных социологических исследованиях.

Многообразие молодёжной и студенческой тематик продемонстрировало комплексность и многоаспектность проводимых социологических исследований конкретных субъектов социальных отношений, среди них можно выделить: исследование ориентаций молодёжи в образовании и развитии человеческого капитала в различных сферах деятельности (промышленности, науке, политике и др.); оценка форм и видов занятости молодёжи; анализ особенностей формирования социального капитала, возможностей социальной мобильности молодёжи, выбора молодёжью стратегий поведения в региональном контексте; изучение социокультурных детерминант становления гражданской идентичности молодёжи в российском обществе, новых форм солидарности и протестной активности студенчества, стратегий политической карьеры, формирования молодёжью образа будущего; изучение особенностей формирования менталитета современной российской молодёжи (ценностные ориентиры (семья, религия), патриотизм, толерантные и интолерантные установки, этнический фактор коммуникаций, гибридизация реального и виртуального пространств в цифровую эпоху) и многие другие.

Анализ докладов, представленных к обсуждению, и само обсуждение позволили обозначить наиболее важные аспекты и проблемы современной социологии как науки и как инструмента эффективного социального управления, например: теоретическое обоснование роли современной социологии в многофакторном, многофункциональном, междисциплинарном поле; изучение наследия мировой социологии и адаптация предлагаемых методов и практик к отечественным реалиям; необходимость формирования социологическими методами научно обоснованной информационной базы; важность для принятия эффективных управленческих решений на основе проблемно-ориентированного деятельностного подхода в региональном и отраслевом разрезе; отработка широкого спектра методов социологических исследований (анкетирование, опрос, фокус-группы, контент-анализ, анализ исторических и законодательных документов, публикаций в отечественной и зарубежной печати, использование интернет-источников и пр.); концентрация особого внимания на таких направлениях социального развития современного общества, как образование, семья и семейные ценности; социальное неравенство, бедность, справедливость; проблемы социализации и карьерной реализации; национальные и миграционные процессы, взаимоотношение с властью; изучение процессов и проблем цифровизации, гендерные исследования, проблемы экологии и экологизации социальных процессов, исследование направлений развития гражданского общества (роли волонтерства, совершенствования избирательного права и процесса, отслеживание динамики активностей общественных организаций); инициация новых и поддержка укрепляющихся направлений социологического исследования: социологии права; проблем династийной профессиональной

преимственности; методов исторической социологии; специфики онлайн-коммуникаций и возможности использования интернет-платформ для сбора и анализа социологических данных.

В подтверждение международной значимости Конгресса к участникам обратились президенты ISA, ESA и ряда других зарубежных национальных социологических ассоциаций, а на его площадках более 40 зарубежных учёных. Был проведён обмен мнениями между социологами стран БРИКС в контексте оценки фактора пандемии в настоящее время и на перспективу. Итоги этой дискуссии подвёл чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН, Москва) на заключительном пленарном заседании. Были сформулированы основные социальные последствия COVID-19: усугубление существующих неравенств; изменяющийся формат отношений между публичной и приватной сферой; усугубление противостояния между глобальным Севером и глобальным Югом, критерием которого является степень развитости науки.

В ходе обсуждений на научных заседаниях ВСК-VI высказывалась озабоченность сокращением преподавания общественных наук и прежде всего социологии в университетах России с техническим и естественно-научным профилем подготовки студентов. Это ограничило возможности воспитания гражданина, получающего знания и способность видеть ту или иную проблему в широком мировоззренческом контексте, учитывать возможные социальные последствия принимаемых решений, адекватно использовать гуманитарные технологии. Образовательный процесс в сфере общественного знания, а также создание учебников, учебных пособий, методических материалов, энциклопедий, справочников и монографий следует представлять как важнейший практический результат научно-педагогической деятельности, способствующий решению государственной задачи по воспитанию ответственной гражданской личности и формированию гражданского общества.

Подчёркивалось, что действующая в настоящее время механистическая система оценки результативности науки не способствует развитию теоретического и фундаментального подхода к изучению общества. Снижение значимости монографий существенно девальвирует значение комплексного глубокого обобщения полученных результатов научными коллективами и отдельными учёными.

Докладчики и диспутанты обращали внимание на то, что изменение подходов к оценке качества научных публикаций, связанных с занижением роли российских индексов научного цитирования и повышением значимости аналогичных зарубежных институтов, оказывают негативное влияние на общественную оценку отечественных научных разработок.

Подводя итоги Конгресса, необходимо также отметить, что на сайте Российского общества социологов размещены записи пленарных заседаний¹, отчёты, видео заседаний сессий, секций и круглых столов², а также сборник докладов³.

В.А. МАНСУРОВ, Е.Ю. ИВАНОВА

Мансуров Валерий Андреевич, д. филос. н., проф., президент РОС; гл. науч. сотр. (mansurov@isras.ru); Иванова Елена Юрьевна, к. экон. н., уч. секретарь московского отд. РОС; ст. науч. сотр. (ele6248@yandex.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250018476-6

THE 6th ALL-RUSSIAN SOCIOLOGICAL CONGRESS

Valeriy A. MANSUROV, Dr. Sci. (Philos.), President of the Russian Society of Sociologists, Chief Researcher (mansurov@isras.ru); Elena Yu. IVANOVA, Cand. Sci. (Econ.), Academic Secretary of the Moscow branch of Russian Society of Sociologists; Senior Researcher (ele6248@yandex.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

¹ Запись пленарного заседания. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gsJO0iktj1s>. Запись заключительного пленарного заседания. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zrT-yMCXqdo> (дата обращения: 17.01.2022).

² Записи проходивших научных мероприятий размещены на сайтах РОС и ФНИСЦ РАН. URL: https://ssars.ru/index.php?page_id=19&id=1847 (дата обращения: 17.01.2022).

³ Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сб. докл. VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М.: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. 6003 с. DOI: 10.19181/kongress.2020. URL: <https://www.ssa-rs.ru/VSK-VI%20Sbornik.html> (дата обращения: 17.01.2022).

МОЛОДЕЖЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Научно-практическая конференция «Взаимодействие общества и молодежи в изменяющейся реальности: противоречия государственной молодежной политики», организованная ИСПИ ФНИСЦ РАН, состоялась 17 февраля 2022 г. Открывая конференцию, Ю.А. Зубок (ИСПИ ФНИСЦ РАН) отметила, что тематика взаимодействия государства и молодежи не теряет актуальности. Принятие в декабре 2020 г. Федерального закона № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» сказалось на работе с молодыми группами населения. Она предложила обсудить вопросы: какие рамки ставит закон, как помогает решать проблемы, какие рождает противоречия, каковы основные механизмы регулирования.

В докладе «Государственная молодежная политика в условиях меняющейся реальности: в поисках смысла и форм» Ю.А. Зубок подчеркнула, что государственная молодежная политика (ГМП) – это деятельность государства для создания условий и гарантий для развития и саморазвития молодежи, в ней содержатся ожидания и меры, которые государство готово реализовывать. Взаимодействие молодежи и общества – это включение в структуры и идентификация с ними. Докладчик задалась вопросами эффективности ГМП и ее согласования с конкретными проблемами и ожиданиями молодежи, подчеркнув, что изменяется сам характер взаимодействия молодежи и общества, и следствием может стать эскалация социальных противоречий. Молодежь готова сама выстраивать свои жизненные стратегии, проявляя гибкость и эмансипацию. Она подчеркнула, что такие проблемы в России, как слабость экономики, дифференциация регионов, глокализация и локализация, порождают неравенства, и задача ГМП – выравнивание условий для разных групп молодежи, учет разнообразия стилей жизни. Однако многое сводится к аудированию и рейтингованию, порождая излишнюю бюрократизацию; происходит архаизация методов, воспроизводится политика «собесовского» типа. Молодежь, оценивая регион, ориентируется прежде всего на наличие работы, уровень заработной платы и событийность, а в ГМП часто все сводится к демографии и патриотике без адекватных инвестиций, хотя известно, что «патриотизм не одними мантрами наращивается». Зубок отметила, что увеличение границ молодежного возраста и получение услуг старшими группами молодежи может стать миной замедленного действия.

Проф. А.В. Кочетков (РАНХиГС) представил пленарный доклад «Федеральный закон “О молодежной политике в Российской Федерации”: парадоксы содержания и реализации». Он подчеркнул, что проблема парадоксальности в ситуации принятия закона была очевидна ученым еще на этапе его обсуждения, но не все замечания были учтены, и мы получили очень противоречивый закон о молодежи, который во многом уступает принятому в 1991 г. Как и следовало ожидать, принятие федерального закона привело к ломке законодательства субъектов федерации. В настоящее время существует разнообразие формулировок названий этих документов. Принятый закон – налицо набор смысловых противоречий, начиная с того, что ГМП подменяется молодежной политикой, при этом в самом законе встречаются обе формулировки. Не включены многие понятия, которые регионы ввели в свои региональные законодательные акты, понятийный аппарат нового закона не согласуется с другими документами, принципы декларативны, их реализация не прописывается, встречаются неточные формулировки, что для закона недопустимо. Противоречия отмечаются и в управлении сферой молодежной политики. Так, даже после включения в Конституцию РФ нормы о молодежной политике это не нашло отражения в названии министерства, отвечающего за ее регулирование и реализацию; закон не предусматривает системное функционирование органов по делам молодежи, учреждений по работе с молодежью, органов молодежного самоуправления, молодежных и детских общественных организаций. Докладчик отметил тенденцию решения отдельных вопросов молодежи, отсутствие системного решения проблем. Например, не ясно, почему информационному обеспечению

уделено большее место, чем другим направлениям. Но самое главное – утеряна субъектность молодежи. Нет единства подхода и к возрасту. В заключение профессор Кочетков подчеркнул, что при формировании молодежной политики необходимо применять комплексный, научный и стратегический подход. К этому следует добавить и открытость.

Второй пленарный доклад представила **И.С. Шушпанова** (ИСПИ ФНИСЦ РАН), акцентировав внимание на том, что думает сама молодежь (от 18 до 35 лет) о политике государства – по данным мониторингов «Как живешь, Россия?» (ноябрь-декабрь 2020 г.) и «Куда идешь, Россия?» (июнь 2021 г.). Заметно выросла доля молодежи (с 17 до 31%), считающей, что политическую систему нужно радикально менять, хотя число молодых, полагающих, что реформами можно устранить недостатки, не изменилось (50%). При этом выросло число равнодушных к экономическому курсу страны (с 16 до 38%). Молодежь тревожит повышение цен на продукты (с 24 до 45%), тарифов на жилье и коммунальные услуги (с 26 до 34%); в 2021 г. зафиксировано уменьшение уровня доверия к президенту РФ с 62 до 44%, увеличилась доля тех, кто не доверяет высшему должностному лицу (с 26 до 41%). Сохраняется отчуждение молодежи от государства, аполитичность. Отношение к президенту изменилось в худшую сторону – 40%, а в 39% случаев не изменилось. Выросло число недоверия к основным государственным институтам – Правительству РФ (54%), СФ (48%), ГД (59%), Администрации Президента РФ (49%), церкви (50%), Общественной палате (43%), СМИ (61%), руководителям регионов (40%). Напротив, выросло доверие к Совету безопасности (46%), армии (60%). Половина молодежи не поддерживает ни одну партию России. Однако молодежь признает соблюдение в целом государством своих прав и обязанностей по обеспечению гарантий, прав и свобод. Снизилось число протестной активности (с 12 до 7%).

С докладом «Молодежь и ее жизненные стратегии: на что ориентироваться при планировании ГМП?» выступила **И.С. Шаповалова** (БелГУ), в котором были представлены результаты опроса молодежи Белгородской области ($N = 3050$, до 35 лет). Выделяя различные жизненные стратегии (экономические, политические, общественные, досуговые, семейные, миграционные, карьерные, духовно-нравственные, образовательные, самоохранительные, коммуникативные, стратегии самореализации), она показала различные типы поведения, выявила наиболее активные группы молодежи. На взгляд докладчика, ГМП должна ориентироваться на воспитание политических лидеров (15% молодежи политически активны, по ее данным), в то время как результаты фокус-групп с молодыми лидерами показывают низкий уровень их образованности. Взаимодействовать с гражданскими активистами-волонтерами, по ее данным, их порядка 23% в области. И главное – ориентироваться не столько на количество, сколько на качество подготовки. В заключение отмечено, что имитационность молодежной политики может привести к печальным последствиям для страны.

А.Р. Тузиков и **Р.И. Зинурова** (КНИТУ, Казань) подчеркнули, что в законодательстве преобладает демографический подход к определению молодежи, а функционально выделяются молодая семья и молодой специалист. Молодежь не однородная группа, и ГМП должна ориентироваться на разные группы. Т.е. федеральный закон должен содержать дифференциацию, так как каждая страта требует своих акцентов. Например, в Татарстане созданы программы «Сельская молодежь Республики Татарстан на 2019–2025 годы» и «Работающая молодежь Республики Татарстан на 2019–2022 годы». Они отметили необходимость мониторинга потребностей разных категорий молодежи.

М.А. Бедулева (УрФУ) остановилась на региональном опыте институционализации ГМП, выделив элементы: нормативно-правовое регулирование, органы по делам молодежи, молодёжные общественные организации, учреждения по работе с молодежью. Отвечая на вопрос, как развивались и что представляют собой в настоящее время эти институты, докладчик определила их актуальные задачи: повышение оплаты труда работников сферы ГМП и финансирование, развитие технологии работы с молодежью, координация деятельности учреждений, развитие научно-методической базы.

Г.В. Петушков (АОО «Национальный совет молодежных и детских объединений России») в выступлении поднял вопросы изменения поддержки молодежных и детских объединений с принятием поправок в ФЗ № 98. В настоящее время утратили силу многие положения, что отразилось на деятельности общественных организаций. Для совершенствования механизмов их поддержки следует: регламентировать выделение средств из бюджета; рассмотреть вопрос предоставления налоговых и других льгот; уточнить условия участия в конкурсах на грантовую поддержку, так как в настоящее время молодежные общественные объединения участвуют в конкурсах на общих основаниях с другими организациями, без предпочтений; в ФЗ не предусмотрено предоставление субсидий; следует пересмотреть федеральный реестр общественных молодежных организаций, например, сейчас не включены ассоциации. Докладчик подчеркнул, что государство должно рассматривать общественные организации как один из субъектов развития молодежи страны. Так, в 62 субъектах РФ действует порядка 24 тыс. молодежных и детских организаций, но в настоящее время государство с ними недостаточно взаимодействует, предпочитая работу советам и подобным организациям без членства.

Т.К. Ростовская (ИДИ ФНИСЦ РАН) сконцентрировалась на популяризации студенческой семьи как ресурсе демографического развития. В настоящее время не установлен правовой статус студенческой семьи. Ею предложена формулировка, охватывающая студентов очного отделения до 25 лет, состоящих в зарегистрированном браке.

Б.А. Дейч (НГПУ), сравнивая нормативные документы ГМП разных лет, подчеркнул, что ключевая задача молодежной политики вновь концентрируется на воспитании молодежи. Наблюдается некоторый перекокс: формирование нравственных и смысловых ориентиров в основном направлено на развитие патриотизма и противодействие экстремизму. Не умаляя их важности, докладчик подчеркнул, что следует учитывать развитие и других механизмов. Так, деление на Своих и Чужих может привести к росту протестной активности, национализму, дискриминации.

А.И. Ковалева (МосГУ) продолжила тему воспитания, остановившись на роли высшей школы в этом вопросе. По ее мнению, воспитание – целенаправленный, преднамеренный процесс, преднамеренная функция (Мертон), которую должна выполнять и высшая школа в период не менее важной стадии социализации – подготовки к обретению взрослых ролей. Однако в настоящее время вузы утратили воспитательную функцию. В законе СССР «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» от 19.07.1973 г. в ст. 46 были сформулированы воспитательные задачи высших учебных заведений, в том числе проведение организационно-управленческой, общественно-политической и воспитательной работы. Однако в начале 1990-х гг. закон утратил силу, сформированная в СССР общественная работа в этом направлении сошла на нет. В законе об образовании 2012 г. воспитание коротко интерпретировалось только на уровне понятий, суть этой функции была утрачена. Это не означает, что работа не велась: преподаватели по привычке пытались эту потерю восполнять, но это делалось стихийно. Формализация образования мешает воспитательной функции, основные силы профессорско-преподавательского состава брошены на разработку порою ненужной документации. Существует неопределенность воспитательной функции не только высшей школы, но и общества. Необходимо определиться – что формировать, каким нужно быть, чему подражать, какие ценности транслировать. Законы о ГМП и об образовании, по мнению А.И. Ковалевой, следует согласовать. В принятом федеральном законе о молодежи даны всего три строчки в статье 6 о направлениях гражданственности, патриотизма, преемственности и пр., но их суть не раскрывается. Мы должны конструировать с учетом опыта документ, где отражается: какой молодежь может быть, какой хочет стать и какой ее хотят видеть в обществе.

Т.Н. Каменева (КГУ) обозначила задачи ГМП в развитии городской среды как условие формирования культуры здоровья молодежи, подчеркнув важность не только институциональных факторов, но и знаний, навыков самой молодежи в этом вопросе.

Результаты репрезентативного исследования молодежи Беларуси ($N=2034$) представил **Н.Н. Сухотский** (БИСИ, Беларусь). Высокая мобильность, склонность к переменам, желание достичь делового успеха, сделать карьеру, открыть бизнес, много работать, учиться и повышать квалификацию, иметь счастливую семью – приоритеты в жизненных стратегиях современной молодежи Беларуси. Основные принципы ГМП должны быть направлены на самореализацию и создание благоприятных условий для раскрытия потенциала молодежи. Страх не реализовать себя входит в тройку основных страхов молодых, поэтому следует обратить особое внимание на этот аспект взаимодействия общества и молодежи. Со стороны молодежи существует запрос на искренность, в связи с чем следует налаживать коммуникацию и обратную связь, проявляя сопричастность и внимание к проблемам молодежи. Особую роль в молодежной политике нужно обращать на преемственность, патриотизм и любовь к родине для формирования гражданственности. Однако этот процесс не должен быть формализован. Докладчик также отметил проблему с омоложением кадров в сфере ГМП.

В.С. Пель (СИУ РАНХиГС) попыталась подвести итоги обсуждения. Она разделила обеспокоенность Кочеткова о том, что принятый закон о молодежи вносит правовую разногласию в регионы. Процесс его принятия был затянут, регионы начали первыми совершенствовать нормативно-правовую базу, так как без нее невозможно финансирование сферы. Однако принятый ФЗ не учитывает интегративную природу молодежной политики и прежде всего субъектность молодежи в различных сферах. Положительный момент в законе, что зафиксированы органы управления ГМП, но при этом не учитывается интегральная природа отрасли, когда все замыкается внутри одного министерства образования, это обедняет молодежную политику. Докладчик обратила внимание на принципы комплексности и научности, без чего отсутствует системность подхода. Хотя общественные молодежные организации должны работать в сотрудничестве с органами ГМП, одна лишь грантовая поддержка не способствует их развитию. Требуется развитие инфраструктуры молодежной политики. Заключила она выводом, что закон не совершенен, над ним надо работать. В целом, молодежи нужно помогать, если это касается жизненных трудностей, например при покупке жилья. Однако повышение возрастной границы порождает патернализм, и лучше вернуться к возрастной рамке в 30 лет; вступление во взрослую жизнь начинается не в 35 лет.

С.Ю. ДЕМИДЕНКО

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна, науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН; отв. секр., журнал «Социологические исследования»; ст. преп., Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия (demidsu@yandex.ru).

DOI: 10.31857/S013216250020152-0

YOUTH AND SOCIETY IN RUSSIA: CONTRADICTIONS OF THE STATE YOUTH POLICY

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities; Executive Secretary (editor), the journal "Sociological studies", Moscow, Russia (demidsu@yandex.ru).

XIII ГРУШИНСКИЕ ЧТЕНИЯ В МГУ

Ежегодные XIII Грушинские чтения¹ на Моховой из-за ограничений вновь прошли в онлайн-формате 4 февраля 2022 г. Чтения традиционно организует кафедра социологии массовых коммуникаций факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, где много лет преподавал и воспитал несколько поколений исследователей отечественный философ и социолог Б.А. Грушин (1929–2007). В чтениях приняли участие ученики Бориса Андреевича из Института философии и Института социологии РАН, ведущих социологических центров и вузов страны.

Организаторы чтений предложили собравшимся несколько основных тем для обсуждения: «Пятая жизнь России» (опыт вторичного анализа данных и осмысления социальных процессов последнего десятилетия – по аналогии с названием последнего фундаментального труда Б.А. Грушина «Четыре жизни России»); «48-я пятница» (развитие методологии социологических исследований – воспоминание об известном методологическом сборнике «47 пятниц»); «Фабрика нового типа» (проблемы и перспективы развития социологических служб и центров в России – именно Грушин был одним из основателей первой такой фабрики – ВЦИОМа).

После приветственного слова организаторов **Д.А. Волков** (Левада-Центр²) представил доклад «Российское общественное мнение о возможном военном конфликте с Украиной». По словам докладчика, страх большой войны широко распространен в российском обществе, причём большинство россиян считают виновными в нынешней эскалации США и страны НАТО. Докладчик со ссылкой на результаты опросов и фокус-групп отметил, что российское общественное мнение о событиях вокруг Украины чрезвычайно однородно, без привычных социологам различий в зависимости от возраста респондентов или используемых источников информации. «Во время обсуждения в фокус-группах их участники демонстрируют необычайное единодушие, вплоть до использования одинаковых слов и фраз, которыми описывается ситуация. Если не знать заранее, кто говорит, высказывания молодых и пожилых россиян по этим вопросам практически неотличимы», – подчеркнул докладчик. По его словам, значительная доля участников фокус-групп в разных регионах России высказывает мнение, что холодная информационная война России и Запада уже давно идет. В то же время, согласно опросам, около половины россиян не верили в полномасштабный вооружённый конфликт между Россией и Украиной, только 39% опрошенных ответили, что «это неизбежно» или «вполне вероятно». Докладчик обратил внимание на то обстоятельство, что единственной альтернативой конфликту большинство респондентов видят полномасштабные переговоры, причём около 80% опрошенных выступили за налаживание отношений с США и другими западными странами.

Е.С. Петренко (ФОМ) представила доклад о новых реалиях российского бизнеса, подготовленный на основе глубинных интервью с российскими предпринимателями в рамках проекта «КоронаФОМ», направленного на изучение социальных изменений и сдвигов, вызванных пандемией и мерами борьбы с ней. Одно из направлений этого проекта, которое исследователи по метафоре Н. Талеба назвали «Антихрупкость российского бизнеса», изучает адаптацию предпринимателей к пандемии. 75 видеointerview с руководителями малого, среднего и крупного бизнеса из Москвы, Екатеринбурга, Самары, Санкт-Петербурга, Тюмени и Чебоксар, проведенных с апреля 2020 г. по декабрь 2021 г., позволили исследователям сделать вывод, что компании с развитой корпоративной культурой,

¹ Первые Грушинские чтения прошли на факультете журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2010 году, и с тех пор они проводятся ежегодно. В апреле 2013 г. учебный, научно-просветительский проект «Открывая Грушина» был удостоен Невской премии СПбГУ в области изучения журналистики и массовых коммуникаций в номинации «Просвещение».

² АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

которые инвестируют в развитие персонала, переживают кризисы более успешно. По словам докладчика, наиболее жизнеспособными в преодолении пандемийного кризиса были компании, применявшие многовариантное и краткосрочное планирование, развивающие корпоративную культуру и бережно относящиеся к ресурсам. Что же касается навыков персонала, то наиболее востребованными во время пандемии оказались способность учиться и переучиваться, толерантность к риску и стрессоустойчивость, цифровые и креативные навыки, широкий кругозор и высокая степень самоорганизации.

В.Л. Римский (Фонд ИНДЕМ) в докладе «Архаизация судебной власти в России» отметил, что этот процесс в России имеет много проявлений, но наиболее существенны: доминирование в органах власти профессионально-именного социоклада, сословность в обществе и государстве и раздаточный характер российской экономики. По словам докладчика, реформы судебной власти в постсоветской России должны были превратить её в один из инструментов модернизации страны, однако достичь этой цели не удалось. Отмечалось, что судебная власть не стала инструментом осуществления модернизации других ветвей власти, экономики и общества. Исследование фонда ИНДЕМ показало, что для обеспечения модернизации судебной власти России необходимо отказаться от доминирования логики и социальных практик инверсии и развивать логику и социальные практики медиации.

Е.В. Сивякова (МГУ им. М.В. Ломоносова) обратилась к проблеме социологической экспертизы в российской медиа. Она проанализировала два контекста, в которых журналисты задают вопросы социологам – стратегический, когда есть потребность в описании трендов и процессов в целом, и ситуативный, когда нужен оперативный отклик на происходящее. Социологическая экспертиза появляется в медиа в виде использования исследовательских данных в текстах разных жанров, комментария социолога или интервью с ним, сказала Е.В. Сивякова. Она добавила, что интонационно социологическая экспертиза оформляется как объяснение (почему это так, а не иначе, почему важно об этом знать), оценка (как к этому относиться), ретроспектива (почему это произошло, что к этому привело), прогноз (как мы будем жить дальше), моделирование (что было бы, если, или что будет, если) и развеивание мифов (а в действительности это иначе). По мнению докладчика, и журналисты, и социологи сейчас находятся в процессе поиска нового языка, поскольку меняется способ описания социальных процессов, появляются новые содержательные области в медиадискурсе (в пространство обсуждения вводятся прежде табуированные темы), меняется исследовательская оптика. Что касается аудитории, то, по словам докладчика, она ищет опору в условиях высокой неопределенности и кризиса научной экспертизы в медиа. В этом контексте запрос на качественную социологическую экспертизу, изложенную кратко и на доступном аудитории языке, значительно возрастает.

Во время дискуссии участники Грушинских чтений обсудили некоторые проблемы современной социологии, перспективы изучения наследия Грушина, взаимодействие ведущих исследовательских школ России и методологические особенности проведения исследований в цифровую эпоху.

М.Е. АНИКИНА, В.М. ХРУЛЬ

АНИКИНА Мария Евгеньевна, к. филол. н., доц., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (maria-anikina@yandex.ru); ХРУЛЬ Виктор Михайлович, д. филол. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (amen@mail.ru). Оба – Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250019756-4

THE 13th GRUSHIN READINGS AT LOMONOSOV UNIVERSITY

Maria E. ANIKINA, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (maria-anikina@yandex.ru); Victor M. KHRUL, Dr. Sci. (Philol.), Prof., National Research University "Higher School of Economics" (amen@mail.ru). Both – Moscow, Russia.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ

Очередной круглый стол «Российское образование сегодня» прошел 28 февраля 2022 г. в Институте социологии ФНИСЦ РАН¹. Традиционно заседания посвящены тематическому репертуару, затрагивающему аспекты дошкольного, общего и профессионального образования. Не стал исключением и нынешний, темой которого было образование как социальный лифт. В нем приняли участие докладчики и слушатели из Москвы, Тюмени, Брянска, Казани, Санкт-Петербурга, Кирова, Ростова-на-Дону, Новосибирска, Екатеринбурга.

На заседании обсуждались новые тенденции в дошкольном образовании, изменения в подходах к воспитанию детей дошкольного возраста и ожидания родителей относительно этих изменений. Участники касались вопросов школьного образования как основы формирования будущих компетенций и подготовки к профессиональной деятельности. Много внимания уделялось высшему образованию. Анализировались особенности модернизации воспитательно-образовательной работы в РФ; мнения выпускников вузов о значимости высшего образования; мнения студентов и дипломников заочного высшего образования о перспективности использования уровня полученной квалификации в зависимости от стартовых профессиональных позиций; мнения аспирантов о мотивации профессиональной деятельности и причинах, препятствующих работе в сфере науки. Обсуждались проблемы цифровизации образования: формирования кадрового состава науки; социальные вызовы и риски гендерного разрыва в профессорско-преподавательском составе вузов; социализация и социальный капитал студентов вуза при разных форматах обучения (онлайн и офлайн); технологии виртуальной реальности в сфере высшего аграрного образования; миграция иностранных студентов и студентов из регионов России.

Успешная мобильность зависит от эффективности в сфере образования, что взаимосвязано с проблемами, существующими в этой сфере. Образование как социальный лифт может подразумевать достижение разных «этажей» социальной жизни: престижной и высокооплачиваемой работы, высокого социального статуса, более влиятельных социальных сетей (прежде всего профессиональных и образовательных), расширенного социального капитала и т.п. Здесь нельзя не затронуть тему неравного доступа к образованию и другие проблемы. Ниже представлена лишь малая их часть, которые обсуждались на круглом столе.

В рамках дошкольного образования, по мнению участников, проблема связана с тем, что упор в работе с детьми делается на подготовке к школе, но при этом мало внимания уделяется развитию социальных, моральных и др. качеств. В детском саду ребенок имеет высокую степень заорганизованности, предполагающую постоянное обучение в течение дня. Причем запрос на активную подготовку к школе исходит от самих родителей. Такая ситуация характерна больше для столичного дошкольного образования.

На примере школьного образования показана проблема несоответствия между требованиями рынка труда к профессиональным навыкам и умениям молодых работников и влиянием школы на формирование и развитие личностных качеств учеников. Школа мало развивает (а нередко и не поощряет) такие качества учащихся, как стрессоустойчивость и независимость, которые в 2020 г., согласно исследованию Всемирного экономического форума «Будущее рабочих мест», стали ключевыми для профессиональной деятельности. Возникает необходимость одновременно учитывать изменения рынка труда и самоопределение старшеклассников для осуществления более эффективной образовательной деятельности по формированию личностных качеств и умений.

В сфере высшего образования озабоченность у исследователей вызывает дивергенция профессиональных установок и карьерных ресурсов, а также дефекты социальных

¹ С 2011 г. заседания проводятся ежегодно под руководством проф. Д.Л. Константиновского и при поддержке ИС ФНИСЦ РАН, ИК «Социология образования» РОС, журнала «Социологические исследования».

лифтов с точки зрения образовательных карьер. Речь идет об утрате профессией своей «устойчивости», когда образование по определенной специальности все реже предполагает схожую профессиональную деятельность. Высшее образование не является главным фактором как для трудоустройства выпускников, так и для работодателей при принятии их на работу. По этой причине ценность высшего образования как социального лифта для них остается неочевидной.

В отношении заочного высшего образования обсуждалась проблема влияния стартового статуса на успех конвертации диплома о высшем образовании: дипломники, которые на момент приема в вуз уже являются специалистами высшей квалификации, намного чаще используют диплом по назначению, чем те дипломники, которые имеют более низкие стартовые позиции при приеме в вуз (специалисты среднего звена, служащие, работники торговли/услуг и рабочие). То есть на результативность образования оказывает влияние социальный статус.

Отдельное внимание было уделено рассмотрению подходов к изучению профессионального образования и социальной мобильности, а также поиску новых теоретико-методологических перспектив в связи с изменчивостью современной жизни, с экспансией и инфляцией высшего образования, с сохранением неравных возможностей при реализации образовательных траекторий.

И.С. КУЗНЕЦОВ

КУЗНЕЦОВ Игорь Сергеевич, к. социол. н., мл. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (kyznetsov.igor@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250019787-8

EDUCATION AS A SOCIAL ELEVATOR

Igor S. KUZNETSOV, Cand. Sci. (Sociol.), Junior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (kyznetsov.igor@gmail.com).

© 2022 г.

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ» ООИ РАН

Для обеспечения достижения национальных целей РФ в части демографического развития Постановлением Президиума РАН от 22 января 2019 г. был создан Научный совет «Демографические и миграционные проблемы России» Отделения общественных наук РАН (ООИ РАН), его председателем назначен директор ИДИ ФНИСЦ РАН, чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцев**. Ключевой задачей Научного совета является «Организация и координация научных исследований по проблемам реализации национального проекта “Демография” и выработка стратегии национальной демографической и миграционной политики».

В рамках научно-организационных мероприятий Научного совета разрабатывались и обсуждались единые критерии и показатели для проведения общенационального мониторинга по выявлению тенденций и проблем текущей социально-демографической ситуации в России; подведены итоги проведения первой волны Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России» в 10 субъектах Российской Федерации; подготовлены Национальные демографические доклады «Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры» и «Демографическое самочувствие России: региональный аспект»; подведены итоги I Российско-иранского социологического форума и II Всероссийского демографического форума с международным участием.

3–4 декабря 2021 г. прошел III Всероссийский демографический форум с международным участием. Его открыли с приветственными словами: директор ФНИСЦ РАН, чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш**; науч. рук. ИФ РАН, акад. РАН **А.А. Гусейнов**; директор ИП РАН, акад. РАН **Д.В. Ушаков**.

В ходе Пленарного заседания состоялись выступления представителей органов власти и общественных организаций, ведущих ученых и членов Научного совета: чл.-корр. РАН **С.В. Рязанцева** с презентацией результатов исследования «Демографическое развитие стран постсоветского пространства 1991–2021: тренды, демографическая политика, перспективы»; проф. **Л.Л. Рыбаковского** (ИДИ ФНИСЦ РАН) на тему «Стратегия демографического развития современной России и ее внешнеполитическая обусловленность»; чл.-корр. РАН **О.И. Аполихина** (НИИ УИР им. Н.А. Лопаткина – филиал НМИЦ радиологии Минздрава России) с докладом «Мужское здоровье и активное социальное долголетие как ключевая основа демографической политики»; чл.-корр. РАН **И.И. Елисеевой** (СИ ФНИСЦ РАН) с выступлением «Семья и здоровье как ценности молодых мужчин»; проф. **В.К. Левашова** (ИСПИ ФНИСЦ РАН) с докладом «Актуальные особенности социальной политики и демографического развития России»; **А.А. Шабуновой** (ВолНЦ РАН) на тему «Демографическая ситуация и социальная реакция на пандемию: взгляд из региона»; проф. **Т.К. Ростовской** (ИДИ ФНИСЦ РАН) «Демографическое самочувствие населения России: национальный демографический доклад-2021».

На заседании Научного совета 29 января 2021 г. в ИДИ ФНИСЦ РАН чл.-корр. **С.В. Рязанцев** и проф. **Т.К. Ростовская** обратили внимание на необходимость разработки профессионального стандарта «Демограф», принятие которого позволит установить социально-правовой статус специалиста-демографа на национальном уровне. Разработанный проект прошел обсуждение и в настоящее время находится на утверждении в Минтруде России. Также отметим роль Научного совета в разработке проекта Концепции корпоративной демографической политики российских организаций на период до 2030 года, утвержденной членами совета в октябре 2021 г.

Таким образом, Научный совет выступает связующим звеном между академическим и профессиональным сообществом, являясь экспертным органом РАН, сохраняет преемственность и формулирует новые подходы, определяющие демографическую перспективу страны.

С.В. РЯЗАНЦЕВ, Т.К. РОСТОВСКАЯ

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич, чл.-корр. РАН, директор Института; зав. кафедрой демографической и миграционной политики Московского государственного института международных отношений (У) МИД России, председатель Научного совета (riazan@mail.ru); РОСТОВСКАЯ Тамара Керимовна, д. социол. н., проф., зам. директора по научной работе; зам. председателя (rostovskaya.tamara@mail.ru). Оба – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Научный совет «Демографические и миграционные проблемы» ООН РАН, Москва, Россия.

SCIENTIFIC COUNCIL “DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROBLEMS” OF THE DEPARTMENT OF SOCIAL SCIENCES OF RAS

Sergey V. RYAZANTSEV, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute; Head of the Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University (riazan@mail.ru); Tamara K. ROSTOVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Deputy Director (rostovskaya.tamara@mail.ru). Both – Institute for Demographic Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

© 2022 г.

Genov N. THE PARADIGM OF SOCIAL INTERACTION. (Routledge Advances in Sociology). L. and N.Y.: Routledge, 2022. 182 p.

Новая монография профессора Николая Генова суммирует оригинальные исследовательские результаты, полученные им в последние годы в области, находящейся на пересечении основных интересов автора – фундаментальной социологической теории, исследований социетальных трансформаций и глобальных трендов, изучения институциональных условий и эффектов инноваций, разработки моделей объяснения трансграничной миграции.

В значительной мере эта книга стала итогом последовательно реализуемого стремления решать метатеоретические вопросы социологии, подобные продолжающемуся парадигматическому расколу и порождаемому им коммуникативному кризису конкурирующих социологических дискурсов, не только и не столько на уровне метаязыка формальной теории, сколько на пересечении общей теории и «объектного» языка содержательных социологических теорий среднего уровня. Это успешно реализуемое стремление позволяет автору во многом преодолевать характерный для социальных наук разрыв между высоким теоретизированием и сфокусированными на вопросах текущей социальной повестки, прагматически ориентированными актуальными исследованиями острых социальных проблем.

Исходная постановка вопроса о фундаментальных предположениях, лежащих в основании различий и сходств между социологическими парадигмами, часто приводит к повторяющемуся обсуждению различий между структурой и действием, номинализмом и реализмом, объективизмом и субъективизмом в терминах метатеоретических дилемм. Н. Генов, хотя отчасти и разделяет редкую для современных теоретиков и философов социальных наук оптимистическую веру в потенциальную возможность эмпирической проверки глубинных парадигматических предположений в социологии, отмечает, что на практике такой подход остается нереализуемым, и не столько в силу пресловутой сложности предмета социальных наук и изменчивости социальной реальности, сколько из-за того, что ведущие сторонники разных моделей объяснения не проявляют истинной заинтересованности ни в такой проверке, ни в переходе к интегративным и кумулятивным исследовательским программам: «Вопреки регулярно высказываемой поддержке проектов интеграции, выдающиеся социологи, как правило, не заинтересованы в интеллектуальной интеграции дисциплины. Идея установить и применять процедуры для интерсубъективного подтверждения эффективности парадигм обычно сталкивается с контраргументами и возражениями. Соображения, касающиеся поддержания профессионального биографического профиля, институционального влияния, реализации на рынке и профессионального престижа играют ведущую роль в дебатах. Парадигматические различия используются для прекращения рациональной дискуссии либо как аргумент в пользу необходимости укрепления единства последователей любой данной парадигмы в изоляции от всех других» (р. 3).

Однако задача создания интегративной парадигмы, по мнению Генова, все же может быть решена посредством построения некоторой области пересечения общей социологической теории и содержательных теорий среднего диапазона. В первую очередь, как

полагает автор, необходимо избрать определенное концептуальное ядро, поле взаимосвязанных и принимаемых большинством социологов теоретических конструктов. Объяснительные модели, построенные для некоторой тематически ограниченной исследовательской области, например модели факторов трансграничной миграции, создадут информационные ресурсы, которые необходимы для связывания абстрактных конструктов и теоретических переменных, имеющих хождение в данной исследовательской области (стадия категориальной систематизации, в терминах Н. Генова). Эти шаги, в свою очередь, обеспечат условия для скоординированного функционирования общей парадигматической рамки и соответствующих моделей объяснения, генерирующих искомые теории среднего уровня (стадия теоретической конкретизации). Следует отметить, что предложенная стратегия основана на широкой интерпретации понятия «парадигма» как концептуальной рамки, функции которой заключаются в ориентировании и регуляции социологических исследований, ведущих к кумулятивному приращению знания (р. 5–6).

Во второй главе (которая, как и первая, опирается на материалы ранее опубликованной статьи) автор формулирует ряд требований к такому концептуальному ядру общей социологической теории, которое могло бы служить цели, определяемой как «парадигматическое усовершенствование социологии», и обосновывает центральную роль соответствующего этим требованиям понятия *социального взаимодействия*, указывая на онтологическую устойчивость феномена социального взаимодействия, проявляющегося в различных формах и измерениях – от прямого, лицом-к-лицу, обмена энергией, материальными ресурсами и информацией, до взаимоориентированного и сопряженного поведения глобальных сверхдержав.

Особый интерес представляет предложенная автором краткая, но содержательная историко-социологическая реконструкция вариативных концептуализаций социального взаимодействия. В качестве одного из истоков нынешних интерпретаций рассматривается, в частности, понимание Ф. Энгельсом взаимодействия, обоюдного действия (*Wechselwirkung*) как подлинной *causa finalis* всех вещей, прослеживаемое в своей интеллектуальной генеалогии, не только к Г.Ф.В. Гегелю, но и к Аристотелю.

Однако главная теоретическая интрига этого раздела состоит в детальном рассмотрении не только очевидных исторически сложившихся связей концепта интеракции с традиционной микросоциологической точкой зрения, но и в убедительном обосновании того, что социальное взаимодействие не является прерогативой индивидуальных акторов, но характерно и для коллективных акторов, включая организационных, чьи характеристики, цели, ресурсы и предпочтения имеют эмерджентные свойства и не могут быть редуцированы к кумулятивным эффектам индивидуальных взаимодействий. Генов приводит убедительные аргументы, часть которых была исходно сформулирована в социологии организаций. К сожалению, за рамками рассмотрения в книге пока остается детальная социологическая концептуализация и историко-социологический анализ становления организаций как интенциональных корпоративных акторов и, шире, описание генезиса современного «организационного общества», в котором индивиды всё чаще взаимодействуют именно с организациями, во всё более значительной степени опосредующими и межиндивидуальные взаимодействия. Последние были представлены в работах Дж.С. Коулмена, который сумел дополнить исходную модель рационального выбора, опираясь на концептуальный аппарат необиоэкономической теории социального обмена, и продемонстрировать возникающие в результате основных форм обмена эмерджентные социетальные эффекты, не сводимые к уровню индивидуального целеориентированного действия. Однако опора на новейшие работы в области социологических теорий организаций, как и в областях теории социальных движений и глобального взаимодействия регионов капиталистической мир-системы, компенсирует эту относительную лакуну.

Таким образом, в предложенной Геновым реконструкции ядра концептуальных связей, образующего искомую интегративную парадигму, центральную роль начинает играть не только принципиальное понимание социального действия как формы взаимодействия,

которое может быть возведено к Г. Зиммелю, но и расширенная интерпретация понятия социального актора, до сих пор не получавшая, как представляется, достаточной теоретической проработки в социологии. Общим контекстом и результатом взаимодействия, принимающим многообразные формы в зависимости от типа обмена и характеристик акторов, в разрабатываемой аналитической рамке становятся сети социальных отношений, а динамический аспект социальных отношений может быть представлен нейтральной, с точки зрения оценки исторической направленности, категорией социальных процессов (р. 31). Идентификация социальных акторов, включенных в различные аспекты социальных отношений и процессов, в контексте построения содержательной теории, относящейся к ограниченной области социальных взаимодействий, позволяет строить объяснительные модели, идентифицирующие причины и эффекты социальных феноменов. В качестве частной иллюстрации этого тезиса автор приводит пример аналитической классификации, получаемой в результате выделения различных аналитических аспектов многомерного процесса иммиграции – аккультурации как интернализации культурных паттернов другой группы, ассимиляции как экономической, политической и культурной интеграции индивидуального или группового актора в новое социальное окружение и т.д. (ibid.).

Предлагаемое автором общее определение социального взаимодействия может быть представлено как «обмен материей, энергией и информацией между индивидуальными и коллективными социальными акторами в сети социальных отношений и в ходе социальных процессов» (р. 32). И хотя определения перечисленных конструкторов несут отчасти циркулярный характер, автор находит убедительную возможность перейти от исходной сетки аналитически заданных конструкторов к динамическим отношениям между ними, характеризующим потенциально изменчивую конфигурацию разноуровневых взаимодействий, которая, в свою очередь, обнаруживает свойства системности. Эта теоретическая стратегия отчасти перекликается с той, которая ранее была использована Т. Парсонсом, особенно в описании детерминирующих социальное взаимодействие экологического (environmental), технологического, экономического, политического и культурного (или символического) комплексов. Однако последние не упорядочены иерархически и образуют реципрокную сеть «онтологических параметров социального взаимодействия» (см., в частности, рис. 2.2 на с. 38).

Избранная аналитическая стратегия, в соответствии со сформулированными автором критериями, должна продемонстрировать не только объяснительные возможности применительно к задачам построения теорий «среднего уровня», но и потенциал для решения актуальных задач социальной практики. Генову удается продемонстрировать продуктивность и практическую применимость интегративной парадигмы социального взаимодействия применительно к нескольким широким содержательным областям теоретически-информированного и эмпирически-фундированного социологического исследования.

В третьей главе книги он предлагает углубленную разработку представленной парадигмы взаимодействия применительно к задаче концептуального обновления такого популярного направления практико-ориентированных социологических исследований, как исследования социальных инноваций, концептуализируемых как «организованное социальное изменение в целях преднамеренного конструирования социальных структур, процессов и практик, удовлетворяющих игнорируемые, новые или изменившиеся социальные потребности» (р. 51). Эвристические возможности детальной концептуализации инновации как социального взаимодействия проверяются здесь на локальных кейсах (в частности, на известном примере разработанной в Бангладеш в 1970-е гг. системы микрокредитов).

В четвертой главе, посвященной теоретически и практически актуальной проблеме социальных инноваций в кризисном управлении, представлены результаты анализа «в реальном времени» разноуровневых попыток преодоления кризиса, связанного с пандемией COVID-19. В этом анализе автору удается продуктивно использовать оба типа

концептуальных ресурсов, разработанных применительно к центральной категории социального взаимодействия: описанные выше детерминирующие социальное взаимодействие комплексы (экологический, технологический и т.д.) и центральные концепты социальных акторов, отношений и процессов.

Заключительные главы книги посвящены самым актуальным темам не только профессионального, но и публичного дискурса последних десятилетий – от теоретической интерпретации исторических трансформаций и попыток макросоциальных инноваций в Восточной Европе XX в., успех которых в длительной исторической перспективе не может быть сведен к провалам конкретного идеологического дискурса или неудачам модели централизованного планирования, через осмысление комплексных детерминант и отдаленных последствий деиндустриализации, ставшей своеобразной родовой травмой для постсоциалистической трансформации восточноевропейских обществ, до основанного на концептуальном ядре парадигмы социальных взаимодействий моделирования глобальных трендов, определивших историческую логику названных процессов. Равно далекий и от разоблачительных «диагнозов нашего времени», безостановочно производимых критическими теоретиками, и от характерных для технических экспертов наивно-просвещенческих претензий на рационалистскую позицию, предложенный Геновым проект сфокусированного на оптике социальных взаимодействий теоретического анализа самых драматических и впечатляющих социальных изменений последнего времени, которые ставят под вопрос как фундаментальные границы частного и публичного, индивидуальной свободы и общественной необходимости, так и предположительно альтруистические цели корпоративных и институциональных социальных акторов, инструментально использующих гуманистическую риторику спасения жизней для решения рыночных и геостратегических задач, указывает один из возможных путей превращения социологической теории не только в более внутренне согласованную, но и в более близкую задачам социальной практики дисциплину.

И.Ф. ДЕВЯТКО

ДЕВЯТКО Инна Феликсовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва (deviatko@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250018909-2

Genov N. THE PARADIGM OF SOCIAL INTERACTION. (Routledge Advances in Sociology). London and New York: Routledge, 2022. Reviewed by I.F. Deviatko.

Inna F. DEVIATKO, Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, National Research University "Higher School of Economics"; Chief Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (deviatko@gmail.com).

© 2022 г.

ПРЕКАРНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ИСТОКИ, КРИТЕРИИ, ОСОБЕННОСТИ / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021. 400 с.

В книге представлены результаты социологических исследований прекарной занятости, проведенных в 2014–2020 гг. коллективом авторов под руководством Ж.Т. Тощенко. Читатель обратит внимание прежде всего на то, что это действительно коллективная монография, а не сборник текстов, объединённых общими тематическими рамками. Это свидетельствует о длительной совместной работе, включающей выработку общих концептуальных представлений; создание общей методологии и методики эмпирических исследований; сходную (хотя и не жестко единообразную) логику изложения материала каждой главы.

Концептуальные идеи Тощенко изложил в двух главах, посвящённых теоретическому анализу проблемы прекарности и методологическому обоснованию исследования. Здесь систематизированы разные подходы к описанию занятости, в которых в более или менее явной форме присутствуют признаки, свидетельствующие о наличии феномена прекарности: нестандартная, неформальная, неустойчивая занятость; нетипичные трудовые отношения и др. Ключевая мысль концептуально-теоретического анализа, сформулированная Тощенко, это идея о том, что прекариат становится новым классом: «...с полным основанием можно говорить, что формируется новый класс, который имеет определенные классообразующие показатели, среди которых решающее значение занимает феномен неустойчивой, нестабильной и негарантированной занятости. ... Стоит говорить о новой социально-классовой структуре общества, в которой наряду с правящим и средним классом значительную и все более определяющую роль занимают слои трудоспособного населения, которые вовлечены не только в ранее сложившиеся, но и новые формы эксплуатации» (с. 54–55).

Более подробно идея прекариата как формирующегося класса обоснована Тощенко в ранее вышедшей книге¹. Он подчеркивает, что классовая структура не исчезает, а приобретает иной вид и иные параметры, характеризующие базовые признаки класса, определяющего «лицо» современности. Инновационными являются базовые идеи Тощенко о том, что значимыми признаками класса становятся характеристики, объединяющие разных по социальному и профессиональному статусу, образованию, доходу людей. И ещё более важно то, что эти характеристики порождают общие для этих разных людей ментальные состояния и поведение. Это, прежде всего, отсутствие устойчивой трудовой занятости и, соответственно, зыбкость жизненных перспектив вообще. Бесперспективной в экзистенциальном смысле становится работа, ставящая под сомнение профессиональную идентичность человека; кратковременная, исключая вовлечённость в дела организации; лишённая взаимных правовых гарантий.

И что важно: не всегда такие свойства занятости predeterminedены революционными изменениями в технологии. Тощенко обращает внимание на то, что многообразие определений, описывающих проблемную занятость (неформальная, нетипичная, неустойчивая, временная, частичная, неполная, эпизодическая, дополнительная, гибкая, и пр.), отражает организационно-технологический угол зрения на занятость (с. 30–31). В то время как ключом к проблематизации этого явления может стать понятие прекарности, предполагающее социальный анализ (с. 33). Часто прекарная занятость становится следствием деформированных социально-трудовых отношений. Любой работающий человек: токарь,

¹ Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020. 400 с.

артист, водитель автобуса, преподаватель вуза – в той или иной степени в этих условиях становится прекарием.

Тощенко отметил, что соответствующие перечисленным выше признакам проблемной занятости описания по отдельности не могут дать объёмную характеристику сложного феномена прекарности. Соответственно, основной целью рецензируемой книги стали концептуальный, методологический поиск и эмпирическая верификация признаков феномена прекарности средствами социологического анализа. Совокупность этих признаков должна, с одной стороны, описывать прекариат как протокласс, а с другой – обозначать перспективы его превращения в класс в полном марксистском понимании (с. 55).

Поэтому коллектив авторов систематизировал факторы, определяющие прекарную занятость как «специфический вид трудовой деятельности в условиях неопределённости социально-экономического положения работника» (с. 35). Ключевыми понятиями стали «неопределённость и неустойчивость». Они прорабатываются в ходе последующего теоретического и эмпирического анализа. Результатом работы по систематизации описаний типов занятости и отдельных феноменов прекарности стал комплекс из семи признаков эмпирических показателей прекарной занятости: 1. Оформление труда без договора или с договором не более чем на 1 год; 2. Полное несоответствие образования и квалификации работе; 3. Переработка (более 8 часов) постоянная; 4. Подработка в своей или сторонней организации (регулярная или нерегулярная); 5. Зарплата в конверте (систематическая или иногда случающаяся); 6. Смена работы за последние 3 года более 1 раза; 7. Невозможность влиять на решения в своей производственной организации (с. 34). Это стало основой, методическим инструментом для анализа ситуации с прекарной занятостью в различных отраслях производственной и непроизводственной сфер трудовой деятельности. В эмпирическом анализе авторы использовали показатели «степени прекарности» (низкая, средняя и высокая) по наличию 0–1; 2–3 и 4–6 из перечисленных выше признаков (с. 90).

В целом можно считать такой способ анализа несомненно новым и интересным как с содержательной, так и с методической точки зрения. Этот комплекс признаков, конечно, может в дальнейшей работе авторов и их коллег уточняться, но на какое-то время он станет смысловым «каркасом» исследований прекарной занятости. Но и первый опыт использования «показателя прекарности» продемонстрировал его эвристическую ценность. Утверждение, что «мы все – прекарии», не выглядит большим преувеличением, если внимательно познакомиться с аргументами авторов. В книге приводятся данные, свидетельствующие о том, что «короткие» трудовые отношения (временные договоры без социальных гарантий) характерны для значительной доли работников самых разных отраслей. «В сферу прекарной занятости вовлечено от 45 до 50% экономически активного населения» (с. 54). Основания для ощущения своей трудовой и, соответственно, общей жизненной неустойчивости люди находят и в «новой идеологии труда», прогнозирующей «завершение сферы труда как смысла и ценности» (с. 40), и в практиках повседневных отношений с работодателями.

Вместе с тем уход в неформальную или в формальную, но временную занятость (срочная работа, заемный труд, самозанятость, общественная работа и пр.) может быть благом для работника, его свободным выбором. Об этом свидетельствуют, в частности, данные Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ о самозанятости работников предпенсионного и пенсионного возраста. Исследователи утверждают, что «...нет оснований полагать, что работники старшего возраста массово вытеснялись на менее квалифицированные рабочие места»². Но эти данные требуют более глубокого анализа: то, что работники вытеснялись из сферы постоянной занятости, и, возможно, вытеснялись, но не массово,

² Проект: Особенности занятости и оплаты труда работников предпенсионного и пенсионного возраста. Приоритетные направления развития: социология. 2019. Руководитель: В.Е. Гимпельсон. Центр трудовых исследований. URL: <https://clms.hse.ru/projects/302768213> (дата обращения: 11.12.2021).

исследователи не опровергают. Отдалённые негативные последствия и для компании, и для самого работника, и для государства в целом могут быть весьма существенными.

В целом, центральные идеи исследования, проведённого коллективом авторов при научном руководстве Тощенко, проработаны в концептуальном и методологическом анализе тщательно и последовательно. В текстах отдельных глав присутствует интересный эмпирический анализ, основанный на исходных концептах. В частности, идея, что работник может и должен быть субъектом труда и трудовых отношений (а не трудовым, интеллектуальным и каким-то ещё и чьим-то ресурсом), присутствует практически во всех текстах. Любопытный материал для такого анализа есть в изложении таких тем, как карьера, участие в управлении, оценка возможности влиять на положение дел у себя на работе (с. 49, 92, 112, 129, 148, 173, 191); членство в профсоюзах и общественных организациях (с. 51, 191, 211, 235).

Основной фокус внимания авторов – актуальные и возможные негативные последствия прекаризации трудовых отношений, проявляющиеся с различной степенью остроты в разных отраслях. Представим наиболее нетривиальные результаты и интересные идеи, содержащиеся в главах, посвящённых отраслевым особенностям прекаризации.

Р.И. Анисимов в главе, посвящённой прекаризации трудовых отношений в промышленности (с. 57–78), отмечает, что под разговоры об «открытом рынке», о международном разделении труда и «нерентабельности сложного производства» в стране, так как эти товары «дешевле купить, чем производить», происходили процессы деиндустриализации, снижения производства, депрофессионализации, массовых увольнений квалифицированных работников (с. 57–60). «Отсутствие модернизации промышленности, устаревание оборудования и отток квалифицированных кадров сопровождалась деградацией трудовых отношений на производстве» (с. 72). Сравнение показателей степени прекарности в разных отраслях выглядит убедительным: доля работников с наиболее высокими показателями прекарности зафиксированы в строительстве и торговле, сфере услуг, ЖКХ (с. 64). Но они сравнимы с показателями в промышленности в 2020 г., что говорит о системности зафиксированных исследователем проблем. Важным представляется установленный Анисимовым факт, что процесс прекаризации в промышленности не только не замедляется, но становится более интенсивным в последние годы (особенно на частных предприятиях), несмотря на очевидную пагубность прекарных трудовых отношений для развития производства и благосостояния страны в целом (с. 64, 76).

Глава А.В. Кученковой «Особенности прекарной занятости в строительстве» (с. 79–94) интересна как с содержательной, так и с методической точки зрения. В частности, она обнаружила связь степени прекарности с разными аспектами самочувствия работников (с. 91). Это свидетельствует о валидности использованных показателей. Здесь можно проследить, как оценки работниками разных аспектов трудовой ситуации отражаются в показателях прекарности. Вместе с тем видно, как прекарность сказывается на общем, выходящем за пределы сферы труда самочувствии людей (беспомощность, чувство несправедливости, отсутствия жизненных перспектив для себя и детей). Присутствует в анализе и характеристика специфики занятости в строительной сфере, в частности тема заёмного труда.

Эту тему достаточно обстоятельно анализировала И.О. Шевченко в предыдущей книге 2020 г., отметив, что заёмный труд выгоден только работодателям, но совсем невыгоден работникам. В рецензируемой книге Шевченко представила интересные данные и обобщения о прекаризованности работников в сфере транспорта (с. 95–116). Речь идёт прежде всего о водителях (пассажирские и грузовые перевозки). Данные показывают, что положение шофёров сильно хуже, чем других транспортников. В этой социально-профессиональной группе идут те же негативные процессы деградации трудовых отношений: ухудшается положение работников; затрудняются их попытки отстаивать свои трудовые права (с. 100, 108–109).

Анализ процессов прекаризации в сельском хозяйстве, сделанный М.Ю. Миловановой (с. 117–139), важен и интересен уникальностью представленных материалов и фокусом анализа, умением автора ставить нетривиальные проблемы. В частности,

утверждение, что деформационные процессы на селе определяются «не столько природно-географическими, сколько социально-экономическими условиями» (с. 119), предполагает анализ этих условий, и Милованова его делает, отмечая, в частности, неуклонное снижение доли занятых в сельском хозяйстве сельчан (с. 120). Те же сельчане, кто занят в сельском хозяйстве, чаще тех, кто работает на селе в других местах, жалуются на несправедливость оплаты труда, не рассчитывают на оплату времени вынужденной остановки работы, отпусков и больничных листов (с. 123–125). Автор обращает внимание, что доминирование агрохолдингов как работодателей приводит к «колониальной системе хозяйствования, оставляя после себя выжженный социальный ландшафт». Политика найма на работу «трудолюбивых» мигрантов вместо местных жителей приводит к разорению мелких фермеров и держателей личных подсобных хозяйств; люмпенизации населения (с. 134).

Обозначим наиболее важные выводы по главам, посвящённым анализу феноменов прекарности в непроизводительной сфере экономики России (образование, наука, здравоохранение, культура). Можно сказать в целом, что в этих сферах идут похожие на описанные в других отраслях экономики процессы прекаризации, но не везде в такой острой форме. В частности, данные М.Б. Булановой позволяют сделать вывод, что положение преподавателей вузов не слишком отличается от положения других наемных работников. Автор критикует установки на «необоснованное признание преимуществ зарубежных моделей образования и ошибочно интерпретируемые идеи интеграции в мировое сообщество» (с. 161), которые привели к явлениям прекарности в сфере высшего образования. Последствия сверхэксплуатации, потери академических свобод, коротких трудовых отношений, бюрократизации управления и других проявлений прекаризации привели к печальным последствиям: потере передовых позиций российского образования в мировых рейтингах; усилению социального неравенства в высшем образовании; сложившейся элитарной, в противоположность эгалитарной, модели высшего образования, порождающей неравенство в трудоустройстве (с. 176–179).

Работники школьного образования, науки, культуры страдают от тех же порядков, тотально насаждаемых «эффективными менеджерами»: незащищённость труда (переработки, труд в плохих условиях); недостаточная социальная защита и гарантии; малая зарплата; короткие трудовые отношения (большая доля срочных договоров); непрозрачность принципов оплаты труда; невозможность влиять на важные обстоятельства трудового процесса; отказ от выборности руководителей (там, где он был); увеличение контроля (см., напр.: с. 191–192, 195–196, 199, 217, 226). Все это приводит к тотальной деградации сферы труда и к утере перспектив развития страны.

В заключение Тощенко говорит о возможных деструктивных последствиях экономической и социальной политики, стимулирующей процесс прекаризации. Соответственно, нужны научно обоснованные программы решения проблем прекарной занятости (с. 318). Полностью соглашаясь с этим утверждением, добавлю, что реализация такой программы требует вовлечения специалистов-смежников (юристов, экономистов) при заинтересованности представителей негосударственных структур, таких как: Агентство стратегических инициатив (АСИ), Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР), профсоюзов и других.

Проделанная авторами работа важна как для понимания ключевых социальных процессов в России, так и для развития методологических и методических тем в социологии. Соответственно, были бы востребованными дальнейшие исследования темы прекарного труда по всем направлениям социологической работы: методологическому, инструментальному, аналитическому. В частности, перспективной была бы отдельная методологическая и методическая работа по определению значимости отдельных признаков и созданию на этой основе формулы расчета индекса (интегрального показателя) прекарности.

Это непростое дело, но, возможно, осознание востребованности и уникальности этой работы придаст авторам книги дополнительный стимул.

С методологической точки зрения значимой для анализа проблемы прекарности может стать тема субъектности трудовых отношений в условиях жесткого давления таких негативных обстоятельств, как деиндустриализация, снижение производства, депрофессионализация, сокращение персонала, контрактная система найма и др. Об этих обстоятельствах упоминают авторы исследования (см., напр., с. 57–59).

Большим подспорьем для заинтересованных результатами эмпирических исследований, проведенных авторами в 2018–2020 гг., станут представленные в монографии данные всех опросов по годам и отраслям (с. 323–392) и описания трёх исследований (с. 321–322).

Есть много частных (касающихся отдельных аспектов проблемы прекарной занятости) вопросов, которые выглядят перспективными в развитии отдельных тем. Например: «что делать с заёмным трудом?»; «почему положение шофёров хуже, чем положение работников других видов транспорта, и что с этим можно сделать?»; «почему не получили широкого распространения производственные кооперативы (в том числе на селе), начало которых было таким ярким в 1980–1990-е гг.?» Таких вопросов, имеющих прямое отношение к теме прекарной занятости, возникает много вопросов по ходу чтения книги. Можно надеяться, что они найдут ответы в дальнейших исследованиях творческого коллектива под руководством Тощенко.

С.Г. КЛИМОВА

КЛИМОВА Светлана Гавриловна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sgklimova@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250020194-6

PRECARIOUS EMPLOYMENT: ORIGINS, CRITERIA, FEATURES / Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir, 2021. Reviewed by S.G. Klimova.

Svetlana G. KLIMOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (sgklimova@mail.ru).

Коротко о книгах

Павлов Б.С., Гогиберидзе Г.М., Пацула А.В. АКТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ. М.: ИНФРА-М, 2021. 154 с.

В исследовании, по результатам которого написана монография, осуществлен теоретический анализ сущности, природы и генезиса патриотического воспитания; выявлены его содержание, роль и особенности; изучена государственная и региональная политика как фундамент и средство патриотического воспитания; определены приоритетные направления государственной и региональной политики в этой сфере; рассмотрены альтернативные функциональные модели осуществления патриотического воспитания; представлена его интегративная модель.

Книга адресована руководителям и работникам органов государственного и муниципального управления, специалистам и экспертам по патриотическому воспитанию; преподавателям высших и средних специальных учебных заведений, научным работникам академических институтов и исследовательских центров. Будет полезна студентам социальных и гуманитарных специальностей.

Диманс С.Л. ЛОББИЗМ: ПОИСК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ. М.: Ключ-С, 2022. 272 с.

Монография посвящена анализу лоббирования частных, корпоративных и общественных интересов. Авторы описывают основные институциональные механизмы продвижения интересов, показывают возможности и ограничения их влияния на власть и принятия управленческих решений. В книге детально проанализированы законы о лоббизме, принятые в разных странах, и лакуны в них, которые служат источником неформальных практик. Особое внимание уделено исследованию российского лоббистского рынка и перспективам его регулирования.

Предназначена для специалистов – социологов, экономистов, юристов и законодателей – и всех, кто интересуется устройством современного общества.

Плюснин Ю.М. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с.

В книге приводится эмпирическое описание структуры российского провинциального общества на локальном уровне. На основе феноменологических критериев типологизируются местные общества, а также описывается территориальная, социально-экономическая, социально-профессиональная, родственно-соседская, статусная и локальная социально-политическая структура каждого из установленных типов местных обществ. Представленные результаты основываются на полевых исследованиях автора и охватывают период с 1980-х по 2020-е годы.

Адресована социологам, экономистам, политологам.

ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО: ДУХОВНЫЙ ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОИСКА РОССИИ И КИТАЯ / Под науч. ред. М.Ю. Захарова, И.Е. Старовойтовой. М.: ГУУ, 2022. 301 с.

Монография представляет собой результат очередного этапа реализации международной гуманитарной программы «Россия–Китай: творческий диалог двух великих культур». На опыте России и Китая раскрывается роль традиционных ценностей и моделей в контексте предвидения будущего в условиях нарастающих глобальных изменений, проводится анализ различных аспектов цифровизации социокультурной сферы жизни общества – образовательного процесса, психологических и общекультурных аспектов человеческой жизни.

Для преподавателей, аспирантов и студентов экономических вузов и факультетов, научных работников академических институтов, а также экспертов в сфере российско-китайских отношений.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИИ И КИТАЕ / Отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, М.Ф. Черныш. М.: Новый Хронограф, 2021. 584 с.

В монографии представлены результаты совместного российско-китайского исследования. Проблемы равенства и справедливости анализируются в контексте сфер социальной жизни, наиболее чувствительных к данной проблематике: доходы, рынок труда и занятость, потребление, образование, общественное сознание и др. В качестве аналитической базы используются данные статистики, а также двух массовых

опросов, реализованных российским и китайским научными коллективами в 2019 г. с использованием общих индикаторов – Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ и Китайского социального исследования (CSS).

Книга ориентирована на специалистов в области социологии и сравнительных международных исследований, работников государственных органов, преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех интересующихся этой проблематикой.

Ильичева Л.Е., Лапин А.В. СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ В РАКУРСЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ И ПРИОРИТЕТОВ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. М.: Аспект Пресс, 2021. 272 с.

В книге представлены результаты системно-сравнительного анализа действующих региональных стратегий на предмет их соответствия национальным целям и приоритетам, вскрыты ключевые проблемы, которые сегодня препятствуют обеспечению эффективного стратегического управления в регионе. Предложены методические рекомендации по реформатированию региональных стратегий на основе современных коммуникативных процессов с использованием системы сбалансированных показателей.

Монография рассчитана на работников высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, специалистов в области регионального политического управления и стратегического планирования, а также в области взаимоотношений власти, бизнеса и гражданского общества.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ И АКТИВИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ СПОНТАННОГО ГРУППООБРАЗОВАНИЯ / Отв. ред. А.В. Тихонов, А.А. Мерзляков. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с.

Книга посвящена формированию новых социальных групп как реакции на изменения в «гражданском договоре» между государством и обществом, связанные с реализацией национальных проектов, утвержденных Указом Президента РФ. В основу исследования (2019–2021 гг.) легло обоснование группировки российских регионов по уровням социокультурной модернизации. Для изучения отношения различных групп населения к условиям жизни в регионах и работе властно-управленческих органов использовали комплекс социологических методов: массовый репрезентативный опрос, экспертный опрос наиболее квалифицированных специалистов из регионов, материалы статистической отчетности, контент-анализ публикаций СМИ, официальных сайтов региональных органов власти и выгрузки сетевых данных.

Монография адресована широкому кругу специалистов, работающих в органах власти и управления, представителям научных организаций и организаций гражданского общества, обеспеченным перспективами реформирования политической системы в стране, а также ученым, занимающимся проблемами социального группообразования и стратегического развития регионов.

Гордин И.В., Рюмина Е.В. ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 240 с.

Монография дает широкое представление о нарастании экологических проблем во всех сферах цивилизационного развития, об эффективности современного арсенала средств противостояния экологическому кризису. Авторы анализируют факторы, формирующие экологическую ментальность отдельных социальных групп и общества в целом. Дается социо-эколого-экономическая и социально-психологическая характеристика общества массового потребления как главного источника эколого-цивилизационных противоречий. Рассматриваются основные стратегии и технологии деэскалации экологического кризиса на локальном и глобальном уровне, а также государственные и общественные резервы активизации усилий по созданию благоприятной окружающей среды. Большое внимание уделяется оптимизирующей роли некоммерческого сектора, населения, волонтерских движений.

Представляет интерес для научных работников, государственных административных и природоохранных органов, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов, изучающих социо-эколого-экономическую проблематику.

Подготовила А. ГОВОРОВА

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2022 No. 5

CONTENTS

THEORY. METHODOLOGY

- 3 LATYPOV I.A. Action and Unintended Consequences: Counterfinality as a Complex Sociological Problem
- 15 ZARUBINA N.N. Theoretical Heritage of Sociology Classics for the Analysis of Modern Society (The Case of L. Mumford Conception)

DEMOGRAPHY. MIGRATION

- 25 KLUPT M.A. Anxieties of the 21st Century: Mechanisms of Influence on Fertility
- 36 SINELNIKOV A.B. Separation of Generations in Families as a Factor for Reducing Birth Rate

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 49 DOBROLYUBOVA E.I., YUZHAKOV V.N., POKIDA A.N. Trust of Private Businesses in State Regulatory Enforcement Authorities
- 60 FROLOVA E.V., ROGACH O.V., VASILIEVA E. Yu. Housing Dysfunctions for Orphans as a Factor of their Social Exclusion
- 71 PARFENOVA O.A., PETUKHOVA I.S. COVID-19 Pandemic Impact on Older People in Urban and Rural Contexts

RURAL SOCIOLOGY

- 81 NECHAEV D.N., LIUBKINA O.R. The Role of Agrarian Elites in the Central Russia Deindustrialization
- 92 VINOGRADSKY V.G., VINOGRADSKAYA O.Ya. Farming: a Generation Change

SOCIOLOGY OF YOUTH

- 101 PEVNAYA M.V., SHUKLINA E.A., CERNICOVA-BUCA M. Students' Participation in the Socio-Cultural Development of the City: Socio-Cultural Agency Issues (International Research Perspectives)
- 114 SIMONYAN R.H. Students of the Russia and Kazakhstan Border Regions on the Problems of Good Neighborliness in the Conditions of Rapprochement Between Europe and Asia

SOCIOLOGICAL JOURNALISM

- 123 KOROCHKINA V.A. On Israeli Assessment of Achievements and Challenges in Higher Education System

FIRST STEPS

- 133 ZHANG JIE, TIAN XIAOYU, LO SHUAI. Transformation of PRC Major Cities under COVID-19 Impact

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 139 POPOV E.A. Active Old Age of Women in Russian Nursing Homes
- 145 SEMIONOVA E.A., TISHCHENKO A.S., TOKAREVA G.S. Distance Learning for Schoolchildren: Readiness for Challenges

ANNIVERSARY

- 150 FAYZULLIN F.S. is 80
151 EFENDIEV A.G. is 75

ACADEMIC EVENTS

- 152 MANSUROV V.A., IVANOVA E.Yu. The 6th All-Russian Sociological Congress
155 DEMIDENKO S.Yu. Youth and Society in Russia: Contradictions of State Youth Policy
159 ANIKINA M.E., KHROUL V.M. The 13th Grushin Readings at Lomonosov University
161 KUZNETSOV I.S. Education as a social elevator
162 RYAZANTSEV S.V., ROSTOVSKAYA T.K. Scientific Council "Demographic and Migration Problems" of the Department of Social Sciences of RAS
- 164 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: *Genov N. The Paradigm of Social Interaction.* (Routledge Advances in Sociology). London and New York: Routledge, 2022. **Reviewed by I.F. Deviatko**)
Precarious Employment: Origins, Criteria, Features / Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow: Ves' Mir, 2021. **Reviewed by S.G. Klimova**).

- 173 **BOOKS IN BRIEF**

- 175 **CONTENTS**

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)